

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабури́н С. В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А. А. – начальник управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 4 (36)

Вологда 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ4

МАЛИКОВ Б. З.

Обеспечение личной безопасности
несовершеннолетних осужденных
к лишению свободы4

КОЛМАКОВ П. А., СТЕПАНОВ И. А.

Становление процессуальных издержек от Русской
Правды до законодательных актов Петра I9

БАБАЯН С. Л.

К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации 13

КИСЕЛЕВ Э. П.

Возникновение и развитие уголовно-правовой
нормы «захват заложника» в отечественном
законодательстве19

СЕРЕДА С. П., ЖИТКОВ А. А.

Историческое развитие нормативного закрепления
в российском законодательстве места и вида
учреждений, предназначенных для отбывания
наказания в виде лишения свободы 23

СИРЯКОВ А. Н., СИРЯКОВА Е. О.

О применении к несовершеннолетним уголовного
наказания в виде обязательных работ 29

ХРАБОВА Е. В., ЧЕРНЫШЕНКО Е. В.

Вопросы реализации механизма оставления
в воспитательных колониях осужденных к лишению
свободы, достигших совершеннолетия 33

ЛАТЫШЕВА Л. А., КАТАНОВ А. В.

Социокультурная и воспитывающая среда
как средство профилактики криминальной
субкультуры в местах лишения свободы 38

КОЛПАКОВА Л. А., СПИРИДОНОВА Ю. Н.

Новеллы уголовного и уголовно-процессуального
законодательства о побоях: проблемы реализации
в условиях исправительных учреждений41

БЕЛОВ О. А., БЕЛОВА О. Н.

Учет ДНК подозреваемых, обвиняемых
и осужденных к лишению свободы:
вопросы правовой регламентации 44

СВИНИН Е. В.

К вопросу о природе правопорядка
и направлениях его укрепления 48

ШМИД М., ОГРОХИНА Е. А.

О новых Стандартах службы пробации конкордата
в области исполнения наказаний Северо-Западная
и Центральная Швейцария 52

УТОРОВА Т. Н.

Дифференциация наказаний за преступления
в сфере миграции 56

КУЗНЕЦОВА Н. В.

Сравнительная характеристика наказаний
за контрабанду в России и некоторых
зарубежных странах 60

МЕШКО Г., ДРУЖИНИНСКАЯ О. В.

Актуальные проблемы пенитенциарной практики
в Словении, связанные с лимитом
наполнения тюрем 64

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ68

ДИДЕНКО А. В., СОЧИВКО О. И.

Дименсиональный подход в оценке
расстройств личности у осужденных
с использованием метода расчета
психодинамических коэффициентов цветовых
предпочтений по Д. В. Сочивко 68

ПЕСТРИКОВ Д. В.

О понятии «конструктивное поведение сотрудников
уголовно-исполнительной системы»74

РАКИТСКАЯ О. Н., СЕРЯКОВА И. Н.

Психотерапевтический потенциал социального
конструктивизма 78

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ83

ОБОТУРОВА Н. С.

Влияние информатизации образовательной среды
на формирование общекультурных компетенций
обучающихся 83

СОЛОВЬЕВА Т. А., МАКАРКИНА О. Е.

Формирование у обучающихся интеллектуальной
свободы в образовательной деятельности вуза .. 86

МИЩУК А. М.

Исследование личностных особенностей курсантов
как условие повышения эффективности
обучения навыкам стрельбы91

КАЛИНИН М. А.

Кратковременные сеансы физической культуры
как основа успешного освоения учебной дисциплины
курсантами вузов ФСИН России 96

ГОРКИНА С. А., СМОЛЕВ С. М.

Воспитательная работа в центрах исправления
осужденных: проблемы и перспективы
эксперимента 100

РЕЦЕНЗИИ104

ПОЗДНЯКОВ В. М.

Рецензия на учебное пособие С. В. Бабурина
«Психология пенитенциарного стресса
и адаптации» 104

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ104

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ106

CONTENT

JURISPRUDENCE4

MALIKOV B. Z.
Ensuring the personal safety of minors sentenced
to imprisonment4

KOLMAKOV P. A., STEPANOV I. A.
Formation of the procedural costs from the Russian
Truth to legislative acts of Peter the Great9

BABAYAN S. L.
On the issue of post-penal resocialization13

KISELEV E. P.
Genesis and development of the criminal
law provision «androlepsy»
in domestic legislation19

SEREDA S. P., ZHITKOV A. A.
The historical development of normative fixing in the
Russian legislation the place and type of institutions
for serving the sentence of imprisonment 23

SIRYAKOV A. N., SIRYAKOVA E. O.
On the practice of the minor criminal punishment
in the form of compulsory labor 29

KHRABROVA E. V., CHERNYSHENKO E. V.
Implementation Issues of mechanism of leaving
young offenders sentenced to imprisonment in the
age of maturity 33

LATYSHEVA L. A., KATANOV A. V.
The socio-cultural and educative environment as a
means of preventing criminal subculture in prisons .. 38

KOLPAKOVA L. A., SPIRIDONOVA YU. N.
Novels of criminal and criminal-procedural
legislation of beatings: problems of implementation
in prison settings41

BELOV O. A., BELOVA O. N.
DNA accounting of suspected, accused and imprisoned
convicts : questions of legal regulation 44

SVININ E. V.
On the nature of the law and order
and ways to strengthen it..... 48

SCHMID M., OGROKHINA E. A.
On the new Probation Service Standards in the Penal
System of the Concordat Northwestern and Central
Switzerland 52

UTOROVA T. N.
Differentiation of punishment for crimes in the field
of migration..... 56

KUZNETSOVA N. V.
Comparative characteristics of the penalties for
smuggling in Russia and in some foreign countries .. 60

MEŠKO G., DRUZHININSKAYA O. V.
A concise overview of penal practice in Slovenia:
prison overcrowding..... 64

PSYCHOLOGY68

DIDENKO A. V., SOCHIVKO O. I.
Dimensional approach to evaluation personality
disorders of convicts using the method of calculation
of psychodynamic coefficients of color preferences
by D. V. Sochivko 68

PESTRIKOV D. V.
On the concept of «constructive behavior of the
employees of the penal system»74

RAKITSKAYA O. N., SERYAKOVA I. N.
Psychotherapeutic potential of social constructivism. 78

PEDAGOGY83

OBOTUROVA N. S.
Effect of informatization of the educational environment
on the formation of general cultural competence of
students 83

SOLOVYOVA T. A., MAKARKINA O. E.
Formation of students' intellectual freedom
in the educational activities of the university 86

MISHCHUK A. M.
The study of personality characteristics of students
as a condition of increase of efficiency
of teaching skills of shooting91

KALININ M. A.
Short sessions of physical training as the basis
for the successful discipline study by the cadets
of high schools of the FPS of Russia..... 96

GORKINA S. A., SMOLEV S.M.
Educational work in the correction centers:
problems and prospects of the experiment 100

REVIEWS..... 104

POZDNYAKOV V. M.
Review of the schoolbook by S. V. Baburin
«The psychology of prison stress and adaptation» .. 104

INFORMATION, ADVERTISEMENTS.104

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.8

Обеспечение личной безопасности несовершеннолетних осужденных к лишению свободы

Б. З. МАЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

В статье дается краткий анализ причин криминального поведения несовершеннолетних лиц, их повышенной агрессивности в местах лишения свободы, делается акцент на обеспечении должных мер их личной безопасности в воспитательных колониях.

Ключевые слова: несовершеннолетний осужденный; личная безопасность осужденных; исправительное учреждение; воспитательная колония; школа; воспитание; пенитенциарий; субкультура.

Ensuring the personal safety of minors sentenced to imprisonment

B. Z. MALIKOV – Professor of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. of Law, Professor

The article presents analysis of the causes of minors criminal behavior, their increased aggressiveness in prison, it focuses on ensuring adequate measures of their personal safety in juvenile correctional institutions.

Keywords: juvenile offenders; personal safety of convicts; correctional institution; educational colony; school; education; penitentiary; subculture.

Отбывание лишения свободы несовершеннолетними осужденными представляет собой еще более сложный и противоречивый процесс, чем в отношении совершеннолетних лиц. Сама изоляция от общества рассматриваемых лиц – явление достаточно неординарное. Ведь эта процедура сопряжена с действием значительного комплекса негативных воздействий, которые в сочетании с общим посткриминальным синдромом резко обостряют внутреннее состояние личности подростка, искажают естественные (семейные) условия воспитания и сам процесс становления личности, дезориентируют в системе социальных и межличностных отношений. Безусловно, несовершеннолет-

ние осужденные, изолированные от общества, уже в силу незавершенности процесса социализации личности, отсутствия полной дееспособности являются субъектами правоотношений обязательной опеки и защиты¹. Они, как правило, не способны самостоятельно и верно определять свое поведение и выстраивать взаимоотношения, поэтому их поведение отличается импульсивностью, агрессивностью, неадекватностью. Для изоляции данной категории специализированным видом исправительного учреждения является воспитательная колония, которая создана на основе «советского» принципа изоляции осужденных большими группами с отрядной системой содержания в целях

воспитательно-педагогического воздействия посредством коллектива².

Чтобы понять, насколько такая практика исправления несовершеннолетних осужденных оправдана в современных условиях, обратимся к истокам возникновения данных учреждений.

В первое десятилетие советской власти в условиях экономической разрухи, безграмотности населения, отсутствия массовых средств коммуникации, системы образования и социальной работы, наличия острой проблемы послевоенной беспризорности, безнадзорности и преступности подростков появление специализированных учреждений для коллективного содержания несовершеннолетних осужденных было оправдано. В них главное внимание уделялось организации быта, охране здоровья, реализации основных форм воспитания. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. закрепил систему трудовых домов, на которые наряду с исполнением наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных было возложено обучение и воспитание таких лиц. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. предусматривал для несовершеннолетних правонарушителей организацию школ фабрично-заводского ученичества особого типа. Система трудовых колоний была образована в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.03.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»³. В июле 1969 г. в связи с принятием Основ исправительнотрудового законодательства Союза ССР и союзных республик в системе учреждений для отбывания лишения свободы несовершеннолетними осужденными учреждаются воспитательно-трудовые колонии, которые после их незначительного преобразования в воспитательные колонии в 1997 г. продолжают функционировать и по настоящее время.

В постсоветское время кардинально изменились материальные, социальные, коммуникативные и духовные условия воспитания подрастающего поколения. В небытие ушли такие формы воспитания и общения, как пионерия и комсомол. Надо отметить, что в советский период широкий охват детей и подростков коллективными формами воспитания обеспечивался на основе относительно устойчивого правопорядка и их безопасности в обществе.

Для значительной части современной молодежи характерны нравственная дезориентированность, неопределенность либо

распущенность, обусловленные издержками воспитания, а также усилением «агрессии безнравственности» в досуговой сфере, направленной на ослабление и размывание результатов педагогического и семейного воспитания.

Школьное обучение стало менее ориентировано на нравственные истоки и духовность личности. Технологии познания значительно формализованы. Перспективы вхождения молодого человека уже не такие стабильные, как в советское время. Возросла агрессивность учеников в школах, в том числе и в отношении педагогов.

Для подростков школа остается основной и обязательной формой социального общения, первым коллективом, в котором сосредотачиваются усилия родителей, общества и государства в целях решения задач социализации личности. Деформации современного школьного образования в определенной мере усугубляют проблемы воспитания, интеграции молодежи в общество и профессиональное пространство, которые порождают у несовершеннолетних комплексы ограниченных возможностей, недоверия ко всему официальному, заставляют приспосабливаться, в том числе используя криминальные формы.

Уголовная статистика свидетельствует о ежегодном росте на 2–3 % рецидивной преступности несовершеннолетних на протяжении последних пяти лет. В 2014 г. число несовершеннолетних рецидивистов превысило 14 тыс. чел.⁴

Зарегистрирован рост преступности и в 2015 г. (на 5,2 %). Несовершеннолетние попадали в поле зрения силовых ведомств на 8,3 % чаще, чем в 2014 г.⁵ В Вологодской области рост преступности данной категории лиц в первом полугодии 2015 г. составил более 30 %⁶. Указанные обстоятельства могут повлечь возрастание применения судами к несовершеннолетним осужденным наказания в виде лишения свободы.

В процедуре реализации уголовной ответственности несовершеннолетних лиц в форме исполнения и отбывания лишения свободы одной из острых проблем остается обеспечение их личной безопасности в воспитательных колониях и других местах временной изоляции.

В связи с гуманизацией уголовного законодательства за последние десять лет в воспитательных колониях численность осужденных сократилась в 8 раз и на конец 2015 г. составляла немногим более 1500 чел.⁷ Из них 2/3 осуждены за убийство, грабеж, раз-

бой, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью⁸. Поэтому в настоящее время в воспитательных колониях сосредоточен наиболее сложный контингент несовершеннолетних, к которым с учетом совершенного деяния и личности судам невозможно было применить меры воспитательного характера либо наказания, не связанные с лишением свободы.

В условиях принудительной изоляции от общества в среде посткриминальных воспитанников «новички» ощущают на себе психологический прессинг. Возрастные особенности несовершеннолетних усиливают негативные стороны изоляции, что осложняет возможность верно оценивать ситуацию, отличать ложные эмоциональные посылы от реальных намерений, а также улавливать характер и степень агрессии. Все это, а также стремление подростков копировать криминальную субкультуру создает в воспитательных колониях реальный фон личной опасности.

Как негативный фактор изоляции состояние опасности личности в воспитательных колониях носит объективный характер, но оно изменчиво⁹ и требует постоянного научного исследования для выработки и применения в местах лишения свободы должных мер безопасности, отвечающих современным требованиям.

Проблемы криминальной опасности в местах лишения свободы и обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы России нашли отражение в учебной литературе и научных исследованиях¹⁰.

В теории уголовно-исполнительного права криминальную и иную опасность, проявляющуюся у осужденных в местах их изоляции, обычно характеризуют как своеобразную опасность их среды, отражающую форму консолидации отрицательной ее части на основе «воровских» традиций, предписывающих чтить только собственные интересы, не сотрудничать с администрацией исправительного учреждения, решать проблемы с использованием специфических методов подчинения и принуждения¹¹.

Следует отметить, что в последние десятилетия в научный оборот стали внедряться новые понятия: «пенитенциарные учреждения», «пенитенциарное право», «пенитенциарная сфера», «пенитенциарная опасность» и «пенитенциарная безопасность». Мы полагаем, что таким образом подчеркивалось стремление России отойти от наследия советской исправительно-трудовой

политики, готовность внедрять в уголовно-исполнительную деятельность международные стандарты обращения с заключенными и положительный зарубежный опыт работы с осужденными.

Считаем, что через понятие «пенитенциарный» представители правовой науки делают попытку выделить (обособить) неординарный вид деятельности по исполнению уголовных наказаний и специфическую сферу проявления в этой процедуре осужденных.

Также в последние годы отдельные учебные материалы стали использовать не только в историческом или сравнительно-правовом аспекте понятие «пенитенциарий» как отражающее новое воззрение (новую теорию) на явления, связанные с криминальным социумом в местах принудительной изоляции¹².

Насколько это оправданно, покажет время, а также восприимчивость правовой науки и общества к подобным новациям.

Мы же попытаемся обосновать свое отношение к таким понятиям, как «пенитенциарная опасность», «пенитенциарная безопасность», «пенитенциарные отношения покаяния», увязав их с понятиями «криминальная власть» и «криминальная опасность» в местах изоляции лиц, подвергнутых государственному принуждению по процедурам правосудия.

Следует отметить, что слово «пенитенциарий» имеет несколько значений: 1) покаянный, исправительный; 2) тюрьма, исправительное учреждение тюремного типа. Соответственно, понятием «пенитенциарный» обозначают явления, относящиеся к наказанию, преимущественно уголовному¹³.

В России понятие «пенитенциарий» употребляется для обозначения учреждений, исполняющих принудительную изоляцию преступников и осужденных к лишению свободы. Через термины «пенитенциарная опасность» и «пенитенциарная безопасность» отдельные авторы выражают вид и характер опасности среды осужденных, содержащихся в изоляции, для обозначения специфической опасности и задач по противодействию этим явлениям. Если иметь в виду первое значение слова «пенитенциарий» (покаяние), то в словосочетаниях «пенитенциарная опасность» и «пенитенциарная безопасность» делается попытка объединить противоположные по значению понятия. Мы видим в этом попытку перенести на уголовно-исполнительную (исправительно-трудовую) действительность

России представления зарубежных государств о функционировании тюремной системы XVIII–XIX вв., что нам представляется не совсем оправданным.

Объективно криминальная опасность в воспитательных колониях никуда не исчезает. Она, в отличие от проявления в обществе, обретает своеобразный характер в социуме себе подобных, в замкнутом пространстве и всегда зависит от организации изоляции и мер, нейтрализующих противоправную активность конкретных лиц. Криминальная опасность как социальное явление едина, поэтому и противодействие ей должно быть комплексным, активным и упреждающим как в обществе, так и в отношении лиц, к которым применяется уголовно-правовое принуждение в форме наказания.

В свое время Советская Россия «отказалась» от тюремной системы, призванной исполнять и предварительное (досудебное) заключение, и наказание в виде тюремного заключения. Вместо традиционных тюрем были созданы исправительно-трудовые лагеря и колонии, которые были приспособлены для массового содержания в изоляции осужденных и приобщения их труду. Предварительное заключение исполняли специальные учреждения – следственные изоляторы – и частично тюрьмы.

Вместе с тем следует отметить, что в дореволюционной России для изоляции осужденных широко использовалась преимущественно не тюремная система, а ссылка на каторгу или поселение. Этим места лишения свободы никоим образом не напоминали пенитенциарные учреждения Англии или США и тем более не могли быть признаны местами для покаяния (пенитенциарными учреждениями).

В настоящее время в России места лишения свободы именуются исправительными учреждениями, исходя из сущности и целей их деятельности (ст. 74 УИК РФ). Основным их видом является исправительная колония для совершеннолетних лиц и воспитательная колония для несовершеннолетних осужденных. Такие учреждения стали плодом стремления воспитывать осужденных через коллектив и использовать их труд на предприятиях и работах с высокой трудоемкостью. Однако «коллективизация» осужденных для организации их массового трудового использования не означала повышения эффективности группового (отрядного) содержания в изоляции. «Коллективизм» осужденных порождал свои тюремные проблемы – усиливал и тира-

жировал криминальное влияние, оказывал противодействие персоналу исправительных учреждений в поддержании режима, правопорядка и безопасности осужденных. Колонистская система изоляции не только сохраняла все прежние пороки тюремной среды, но и стала местом самоорганизации негативной части осужденных на основе тюремной субкультуры. В местах лишения свободы всегда остро проявлялись и проявляются противоречия двойного норматива: официального (формального) и неформального (криминально-тюремного). Криминальный норматив в местах изоляции осужденных – это обязательный атрибут криминальной «оппозиции», а точнее власти со своей субкультурой, структурированностью сообщества, материальной основой (общак) и механизмами принуждения (санкции, изменение статуса). Он проявляется и в воспитательных колониях. Наличие официального и неофициального нормативов порождает состояние открытого (противоправного поведения) или латентного (внутреннего) конфликта, вызывающего состояние личной опасности (причинение смерти, вреда здоровью, унижение человеческого достоинства).

Безопасные условия отбывания лишения свободы в воспитательных колониях должны обеспечиваться комплексно с использованием мер медицинского, санитарного, бытового характера, программ образовательного обучения, профессионального, нравственного, правового, физического и трудового воспитания. На основе различных уровней дифференциации подростков по возрасту, уровню общего развития, трудовой способности, характеру восприятия режимных и воспитательных мер, стремлению к нормальному образу жизни необходимо обеспечивать работу с несовершеннолетними осужденными, учитывая возможные негативные проявления, отрицательную мотивацию, влияние субкультуры. Своевременная и последовательная работа администрации воспитательных колоний по поддержанию надлежащего режима и правопорядка с использованием механизмов различных условий отбывания наказания, применением к воспитанникам поощрений и взысканий, учебно-воспитательных мер, повышением роли в индивидуальной работе воспитателей, педагогов, психологов и медиков должна способствовать усилению у значительной части осужденных чувства защищенности и действенности механизмов безопасности в местах изоляции.

Такой подход направлен на реализацию требований Правил Организации Объединенных Наций, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, предписывающих, что система правосудия должна защищать права подростков, их безопасность, содействовать их хорошему физическому и умственному состоянию. Подростки должны содержаться в условиях, которые полностью учитывают их потребности, статус и особые требования в соответствии с их возрастом, индивидуальностью, полом и видом правонарушения, а также психическим и физическим состоянием, ограждают от опасностей и вредного влияния. Спальные помещения, как правило, должны состоять из нескольких комнат для небольших групп или отдельных комнат на одного человека.

Мы поддерживаем предложение С. И. Паканича о том, что осужденные в воспитательных колониях должны отбывать весь срок лишения свободы и после наступления совершеннолетия. Для них должны быть созданы специализированные участки, функционирующие в режиме исправительной колонии общего режима, двух типов: 1) для осужденных, подлежащих переводу по достижении 19 лет; 2) для осужденных,

подлежащих переводу по достижении 18 лет, злостных нарушителей условий отбывания наказания. Необходимо прекратить практику перевода осужденных из воспитательной в исправительную колонию общего режима¹⁴.

В интересах безопасности условия содержания несовершеннолетних осужденных должны быть дифференцированы с учетом их возраста (14–15, 16–17, 18–19 лет). Возрастное доминирование не всегда полезно. Оно может порождать комплексы, прививать отрицательные стереотипы поведения, подавлять полезную активность и др.

Безопасность несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях – это не только показатель состояния правопорядка в специализированном исправительном учреждении, но и организационная и психологическая основа, которая позволяет успешно осуществлять весь процесс ресоциализации воспитанников. Создание в воспитательной колонии обстановки личной защищенности – это результат системной и высокопрофессиональной работы всех служб учреждения с каждым осужденным, их формальными и неформальными группами, особенно отрицательной поведенческой ориентации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1959 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

² См. подр.: Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 142, 161.

³ См.: Известия ЦИК Союза ССРВЦИК. 1935. № 127.

⁴ См.: Zubov I. MVD: число преступлений детей-рецидивистов в Российской Федерации растет последние 5 лет. URL: <http://www.aferizm.ru/novost/2015/03/1503272-maloletkirecidivisti.htm> (дата обращения: 27.10.2015).

⁵ См.: Почему стала расти статистика преступлений в России? URL: livelenta.com/pochemustalarastistatistikaprestuplenijvrossii.html (дата обращения: 27.10.2015).

⁶ См.: Прокуратурой области проанализировано состояние преступности несовершеннолетних за 1 полугодие 2015 года. URL: <http://procrf.ru/news/340285prokuraturyoblasti-proanalizirovanosostoyanie.html> (дата обращения: 27.10.2015).

⁷ См.: Статистические данные. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: fsin.rf (дата обращения: 07.10.2015).

⁸ См.: Статистические данные. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. URL: fsin.rf (дата обращения: 07.10.2015).

⁹ См.: Маликов Б. З., Фазлыева Л. Н. Криминальная опасность и ее проявления в учреждениях УИС России // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3 (11). С. 18–30.

¹⁰ См.: Громов М. А. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности сотрудников исправительно-трудовых учреждений : учеб. пособие. Рязань, 1991; Он же. Безопасность персонала уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие. Рязань, 2006; Обеспечение безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в исправительно-трудовых учреждениях : курс лекций / под ред. А. Г. Перегудова.

¹ См.: Konvencija o pravah rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1959 g.) // Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. M., 1993. Vyp. XLVI.

² См. подр.: Malikov B. Z. Teoreticheskie problemy sushhnosti i soderzhaniya lisheniya svobody i ih vyrazhenie v ugovolnom i ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve : dis. ... d-ra jurid. nauk. Rjazan', 2004. S. 142, 161.

³ См.: Izvestija CIK Sojuza SSRVCIK. 1935. № 127.

⁴ См.: Zubov I. MVD: chislo prestuplenij detejrecidivistov v Rossijskoj Federacii rastet poslednie 5 let. URL: <http://www.aferizm.ru/novost/2015/03/1503272-maloletkirecidivisti.htm> (data obrashhenija: 27.10.2015).

⁵ См.: Pochemu stala rasti statistika prestuplenij v Rossii? URL: livelenta.com/pochemustalarastistatistikaprestuplenijvrossii.html (data obrashhenija: 27.10.2015).

⁶ См.: Prokuratury oblasti proanalizirovano sostojanie prestupnosti nesovershennoletnih za 1 polugodie 2015 goda. URL: <http://procrf.ru/news/340285prokuraturyoblasti-proanalizirovanosostoyanie.html> (data obrashhenija: 27.10.2015).

⁷ См.: Statisticheskie dannye. Kratkaja harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. URL: fsin.rf (data obrashhenija: 07.10.2015).

⁸ См.: Statisticheskie dannye. Harakteristika lic, soderzhashihhsja v vospitatel'nyh kolonijah dlja nesovershennoletnih. URL: fsin.rf (data obrashhenija: 07.10.2015).

⁹ См.: Malikov B. Z., Fazlyeva L. N. Kriminal'naja opasnost' i ee projavlenija v uchrezhdenijah UIS Rossii // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta. 2013. № 3 (11). S. 18–30.

¹⁰ См.: Gromov M. A. Pravovye i organizacionnye voprosy obespechenija bezopasnosti sotrudnikov ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij : ucheb. posobie. Rjazan', 1991; On zhe. Bezopasnost' personala ugovolno-ispolnitel'noj sistemy : ucheb. posobie. Rjazan', 2006; Obespechenie bezopasnosti, porjadka ispolnenija i otbyvanija nakazaniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenijah : kurs lekcij / pod red. A. G. Peregudova.

ва. Уфа, 1996; Чорный В. И. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996; Глазунов Н. С. Служба безопасности в исправительно-трудовых колониях (правовые и организационные вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996; Казак Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Он же. Безопасность уголовно-исполнительной системы : моногр. / под ред. С. Н. Пonomareva, С. А. Дьяковского. Рязань, 2001.

¹¹ См.: Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе : моногр. Рязань, 2008. С. 72.

¹² См., напр.: Толкаченко А. А. Пенитенциарная безопасность в системе юридической безопасности человека // Проблемы прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний : сб. ст. М., 2000. Вып. 8. С. 50; Калинин Ю. Российская пенитенциарная система: прошлое, настоящее, будущее // Преступление и наказание. 2003. № 1; Чорный В. Н. Международное пенитенциарное право: быть ли отрасли? // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 2; Алексеев В. И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источников (1879–1917 гг.) // Журнал российского права. 2010. № 7; Багреев Е. Г. К вопросу о новой пенитенциарной культуре // Проблемы преступления и наказания в праве, философии и культуре : материалы международ. науч.-практ. конф. (25–26 апр. 2007 г.) / под общ. ред. А. В. Горожанина: в 2 кн. Самара, 2007. Кн. 1; Галужин А. Ф. Теория и практика пенитенциарной безопасности личности, общества, государства : моногр. М., 2012.

¹³ См.: Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 379.

¹⁴ См.: Паканич С. И. Режимные меры обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 30–35.

Ufa, 1996; Chornyj V. I. Bezopasnost' osuzhdennyh v usloviyah lisheniya svobody : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 1996; Glazunov N. S. Sluzhba bezopasnosti v ispravitel'no-trudovyh kolonijah (pravovye i organizacionnye voprosy) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 1996; Kazak B. B. Ugolovno-ispolnitel'naja sistema v mehanizme obespechenija vnutrennej bezopasnosti obshhestva : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2000; On zhe. Bezopasnost' ugolovnoispolnitel'noj sistemy : monogr. / pod red. S. N. Ponomareva, S. A. D'jachkovskogo. Rjazan', 2001.

¹¹ См.: Kutjakin S. A. Organizacija kriminal'noj oppozicii v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme : monogr. Rjazan', 2008. S. 72.

¹² См., напр.: Tolkachenko A. A. Penitencijarnaja bezopasnost' v sisteme juridicheskoj bezopasnosti cheloveka // Problemy prokurorskogo nadzora za zakonnost'ju ispolnenija ugolovnyh nakazanij : sb. st. M., 2000. Vyp. 8. S. 50; Kalinin Ju. Rossijskaja penitencijarnaja sistema: proshloe, nastojashhee, budushhee // Prestuplenie i nakazanie. 2003. № 1; Chornyj V. N. Mezhdunarodnoe penitencijarnoe pravo: byt' li otrasli? // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2007. № 2; Alekseev V. I. Formirovanie rossijskoj penitencijarnoj politiki i ee istochnikov (1879–1917 gg.) // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 7; Bagreev E. G. K voprosu o novoj penitencijarnoj kul'ture // Problemy prestuplenija i nakazanija v prave, filosofii i kul'ture : materialy mezhdunarod. nauch-prakt. konf. (25–26 apr. 2007 g.) / pod obshh. red. A. V. Gorozhanina: v 2 kn. Samara, 2007. Kn. 1; Galuzin A. F. Teorija i praktika penitencijarnoj bezopasnosti lichnosti, obshhestva, gosudarstva : monogr. M., 2012.

¹³ См.: Slovar' inostrannyh slov. M., 1989. S. 379.

¹⁴ См.: Pakanich S. I. Rezhimnye mery obespechenija lichnoj bezopasnosti nesovershennoletnih osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 4 (28). S. 30–35.

УДК 343.152"10/15"

Становление процессуальных издержек от Русской Правды до законодательных актов Петра I

П. А. КОЛМАКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

И. А. СТЕПАНОВ – аспирант кафедры уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

В статье рассматривается процесс становления института процессуальных издержек и его отражение в важнейших кодифицированных источниках права России от Русской Правды до законодательных актов Петра I. Отмечается, что определяющими факторами развития норм, регламентирующих судебные расходы в рассматриваемый период, явились стремление государства к централизации власти, а также связанная с ней сословная структура общества.

Ключевые слова: процессуальные издержки; уголовное судопроизводство; Русская Правда; законодательство Петра I.

Formation of the procedural costs from the Russian Truth to legislative acts of Peter the Great

P. A. KOLMAKOV – Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Syktyvkar State P. Sorokin University, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

I. A. STEPANOV – Graduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure of the Syktyvkar State P. Sorokin University

The article discusses the process of formation of the institute of procedural costs and its reflection in the most important sources of codified law in Russia from the Russian Truth to legislative acts of Peter the Great. It is noted that the determining factors in the development of the rules governing legal expenses in the period under review were the desire of the state to the centralization of power as well as the associated social class structure of society.

Key words: procedural costs; historical aspects of formation costs in the criminal proceedings of Russia.

Определение сущности института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве представляется невозможным без его рассмотрения в историческом аспекте. Исследование в этом ключе в первую очередь позволит установить его сущностные, устойчивые характеристики, а также отследить связи между нормами, социально-политическими явлениями и процессами.

Отправной точкой изучения явился первый кодифицированный источник права и древнерусской государственности – Русская Правда.

Уже в Краткой редакции Русской Правды имеется норма, указывающая на обязанность проигравшей в споре стороны нести помимо штрафа как вида наказания дополнительные расходы. Так, ст. 41 гласит: «При штрафе в 3 гривны сверх того мечнику платить 15 кун, за десятину – 15 кун, а князю – 3 гривны. При штрафе в 12 гривен тот, кто привел виновного, получает с него 70 кун, а в десятину платить 2 гривны, а князю 10 гривен»¹.

Указанные расходы по своей природе являлись ничем иным, как судебными расходами, именуемыми в настоящее время государственной пошлиной. Упомянутая в Краткой редакции пошлина уплачивалась по четырем назначениям в зависимости от суммы штрафа (наказания): князю, обладающему высшей судебной властью²; мечнику, то есть княжескому дружиннику, судебному исполнителю³; церкви (десятая доля княжеского дохода⁴, которую за князя уплачивала проигравшая сторона); лицу, приведшему преступника.

Пространной редакции Русской Правды присущи оформившиеся понятия таких видов процессуальных издержек, как помочное, то есть «судебная пошлина, платимая выигравшим иск “за помощь” суду»⁵, сметная гривна – «пошлина отроку на суде от оправданного»⁶, урок железный.

В Русской Правде, как видно, отсутствуют зачатки систематизации норм и понятия некоторых видов издержек.

Важно, что выделенные нами виды процессуальных издержек в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в качестве таковых отсутствуют. Во-первых, это связано с ярко выраженным частноисковым характером самого уголовного судопроизводства в Древней Руси. Как правило, судебный процесс начинался с предъявления иска, за исключением выявления фактов совершения некоторых преступлений. В любом случае государство ни в лице органов, ни в лице отдельных должностных лиц не принимало участия в споре в качестве заинтересованной стороны. Отсюда можно заключить, что в исследуемый период развития уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел отсутствовал публичный интерес в том его понимании, в каком в настоящее время нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства закрепляют его в системе регуляторов общественных отношений.

Во-вторых, большинство судебных расходов сторон, выделенных нами в качестве процессуальных издержек, является заработной платой обеспечивающих судопроизводство лиц (мечников, детских и отроков), получаемой от осуществления конкретных

процессуальных действий. Такой порядок возмещения, на наш взгляд, также является производным от характера судопроизводства. Отправление правосудия своей основной задачей ставило лишь разрешение конкретного спора с целью удовлетворения правой стороны. При этом сущностное значение имеет само понятие преступления, определяемое как «обида», то есть всякое нарушение прав конкретного лица. Нам видится, что древнерусское государство, устанавливая действие Русской Правды, еще не преследовало целей наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ, наиболее полно раскрывающих публичный интерес, о котором идет речь.

Со временем, в частности в удельный период XII–XIV вв., Русская Правда в силу объективных внутриполитических процессов Русского государства утрачивает статус источника права. В период раздробленности, то есть образования большого количества республик (государств), выражение их властной воли актом, действовавшим в централизованном государстве, противоречило интересам республики. Кроме того, усложнявшиеся отношения внутри общества также требовали законодательного урегулирования, в том числе посредством создания механизмов защиты прав членов общества, соразмерных их потребностям.

Важнейшими памятниками рассматриваемой эпохи являются договоры русских земель с немцами; жалованные и договорные грамоты удельных князей; судные грамоты – Двинская, Белозерская, Новгородская и Псковская⁷.

Ввиду большого числа источников права удельного периода мы предлагаем к анализу в качестве примера (среза) состояния системы права Псковскую⁸ и Новгородскую судные грамоты⁹, в том числе по причине богатого содержания юридических норм исследуемого института.

Нормы Псковской судной грамоты, которые отражают порядок возмещения судебных расходов, можно разделить на две группы: 1) расходы, связанные со следованием должностных лиц, обеспечивающих деятельность суда, к месту совершения процессуальных действий (для совершения этих действий); 2) расходы, направленные на оплату труда должностных лиц.

И те и другие были известны уже из норм, содержащихся в редакциях Русской Правды, однако в Псковской судной грамоте прослеживается тенденция к укрупнению института процессуальных издержек. Так,

например, вид процессуальных издержек первой группы раскрывался пятью нормами, устанавливавшими размеры таких расходов, субъектный состав в вопросах их уплаты (должник-кредитор) в зависимости от конкретного случая. Полагаем, что нормы рассматриваемого документа в вопросах взыскания процессуальных издержек первой группы устанавливали не только невозможность освобождения спорящих сторон от взыскания, но и некоторые критерии справедливости. Так, в ст. 49 Псковской судной грамоты говорилось: «а княжим людем или подводводским ездит дворит, а езд имати на 10 верст денга, а штобы двое или трое ехали, а езд им взять один»¹⁰.

Новгородская судная грамота, не вводя новых видов процессуальных издержек, отличается более высоким уровнем юридической техники закрепления норм. Прослеживаются попытки установить критерии удержания судебных расходов, к которым отнесены: порядок производства (разрешение дела в судебном разбирательстве либо без такового), размер штрафа (рублевый), должности лиц, обеспечивающих судопроизводство¹¹.

Из общих норм, посвященных судебным расходам, стоит выделить два правила. Первое касалось повышенного размера пошлин по делам о воровстве с поличным, разбое, грабеже, убийстве, холопстве либо поединке в размере 4 гривен за решение, принятое по итогам судебного разбирательства, и в размере 2 гривен за решение, принятое без такового¹². Второе посвящено рассмотрению дел по обвинению в нападении или грабеже, если прежде между теми же лицами шло разбирательство о земле¹³. В данном случае судебные пошлины увеличивались в десятки раз.

Данные примеры позволяют предположить, что по уголовным делам размер судебных пошлин не зависел от размера назначаемого наказания.

Нормы, регулирующие возмещение расходов, связанных со следованием должностных лиц, обеспечивавших деятельность суда, к месту совершения процессуальных действий, также содержатся в Новгородской судной грамоте и аналогичны нормам Псковской судной грамоты.

Став первым кодексом Русского централизованного государства, Судебник 1497 г. вобрал в себя большое количество норм, посвященных судебным пошлинам и другим судебным расходам¹⁴. При этом прослеживавшаяся в Новгородской судной

грамоте тенденция к систематизации этих норм и более четкому их оформлению в институт наблюдается и в Судебнике 1497 г. Размеры подлежащих возмещению судебных расходов по-прежнему зависели от существа дела, статуса тяжущихся сторон, а также подсудности дела (великому князю, боярской думе, приказам, наместникам, воеводам, волостелям). Необходимо понимать, что предусмотренные правила возмещения судебных расходов в данном случае производны от характера норм, обусловленного задачами укрепления феодального правопорядка.

К новшеству порядка взыскания судебных расходов Судебника 1497 г. можно отнести случай освобождения от судебных расходов при несостоятельности виновного¹⁵. Примечательно и то, что смертная казнь не освобождала виновного от уплаты иска из его имущества, однако примеров возмещения судебных расходов после казни в кодексе не приведено.

В Судебнике 1550 г. законодатель стремится укрепить силу власти посредством строгой регламентации процессуальных норм, а с ней совершенствуются и нормы о судебных расходах.

Дифференциация размеров пошлин от вида производства, в котором рассматривалось дело, сохраняется. Это видно, например, из размеров судебных пошлин за правую, бессудную и докладную грамоты. Именно таким образом в этот период государство исполняет обязанность по организационному обеспечению деятельности судебной власти, включая содержание аппарата судебных органов.

Унификация правовых норм, посвященных процессуальным издержкам, закрепляется посредством уже устоявшихся процессуальных форм – документов: отписных, отписных срочных, приставных и уже упомянутых правых, бессудных, докладных грамот.

Не умаляя вклада предыдущих источников русского права в становление рассматриваемого института, с полной уверенностью можно утверждать, что Соборное уложение 1649 г. явилось отправной точкой качественно нового подхода государства к судебным расходам. Хотя Соборное уложение, как и прежде, не предусматривает отраслевого деления, нормы, посвященные порядку разрешения вопросов, связанных с

судебными расходами, системно отделены от остальных¹⁶. Так, в восьми статьях определены размеры судебных пошлин в зависимости от положения участников процесса, при этом отдельно стоит вопрос о сборе и поступлении пошлин в казну. На фоне того, что роль судебных пошлин все больше связывается с доходной частью казны, предусматривается обязанность судьи по взысканию пошлины.

Кроме того, необходимо отметить, что помимо судебных пошлин предусматривались и пошлины, взыскиваемые в свою пользу недельщиком, являющимся должностным лицом, обеспечивающим судопроизводство, в том числе путем сбора доказательств. Данный вид пошлин фактически продолжал узаконение расходов, направленных на оплату труда должностных лиц. То обстоятельство, что пошлины недельщиком взыскивались не в пользу казны, могло объясняться стремлением власти придать ему статус беспристрастного участника процесса.

Формально отменившие действие Соборного уложения 1649 г. указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе, оных, присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах»¹⁷ и введенный позже Устав воинский¹⁸ не изменили существа рассматриваемого института и фактически распространили соответствующие нормы Соборного уложения 1649 г. в период их действия¹⁹.

Ретроспектива института процессуальных издержек позволяет прийти к выводу о том, что процесс его становления восходит к появлению и развитию такой формы процессуальных издержек, как судебные расходы (пошлины). Ее преобладание обуславливалось социально-политическими причинами, препятствующими трансформации в форму собственно процессуальных издержек, которая хотя и имеет с судебными расходами (пошлинами) общее начало, но отличается своим назначением (компенсационным, восстановительным).

Также нельзя не отметить, что определяющими факторами развития норм, регламентирующих судебные расходы, в рассматриваемый период явились стремление государства к централизации власти, оформившейся в самодержавие, а также связанная с ней сословная структура общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие. М., 2010. С. 8.

¹ Titov Ju. P. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Ros-sii : ucheb. posobie. M., 2010. S. 8.

² См.: Курс уголовного судопроизводства: в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М.; Воронеж, 2006. Т. 3. С. 388–389.

³ См.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 185.

⁴ См.: Там же. С. 183.

⁵ См.: Там же. С. 186.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Курс уголовного судопроизводства. С. 403.

⁸ См.: Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. С. 26–34.

⁹ См.: Памятники русского права / под ред. А. А. Зимина. М., 1953. Вып. 2. С. 210–218.

¹⁰ Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. С. 29.

¹¹ См.: Памятники русского права / под ред. А. А. Зимина. С. 233.

¹² См.: Там же. С. 216.

¹³ См.: Там же. С. 213.

¹⁴ См.: Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3. С. 346–357.

¹⁵ См.: Там же. С. 359.

¹⁶ См.: Памятники русского права / под ред. К. А. Софро-ненко. М., 1957. Вып. 6. С. 150.

¹⁷ См.: Там же. С. 571–573.

¹⁸ См.: Там же. С. 579–601.

¹⁹ См.: Памятники русского права / под ред. К. А. Софро-ненко. М., 1961. Вып. 8. С. 640.

² Sm.: Kurs ugodovnog sudoproduzvodstva: v 3 t. / pod red. V. A. Mihajlova. M.; Voronezh, 2006. T. 3. S. 388–389.

³ Sm.: Tihomirov M. N. Posobie dlja izuchenija Russkoj Pravdy. M., 1953. S. 185.

⁴ Sm.: Tam zhe. S. 183.

⁵ Sm.: Tam zhe. S. 186.

⁶ Sm.: Tam zhe.

⁷ Sm.: Kurs ugodovnog sudoproduzvodstva. S. 403.

⁸ Sm.: Titov Ju. P. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Rossii. S. 26–34.

⁹ Sm.: Pamjatniki russkogo prava / pod red. A. A. Zimina. M., 1953. Vyp. 2. S. 210–218.

¹⁰ Titov Ju. P. Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava Rossii. S. 29.

¹¹ Sm.: Pamjatniki russkogo prava / pod red. A. A. Zimina. S. 233.

¹² Sm.: Tam zhe. S. 216.

¹³ Sm.: Tam zhe. S. 213.

¹⁴ Sm.: Pamjatniki russkogo prava / pod red. L. V. Cherepnina. M., 1955. Vyp. 3. S. 346–357.

¹⁵ Sm.: Tam zhe. S. 359.

¹⁶ Sm.: Pamjatniki russkogo prava / pod red. K. A. Sofronenko. M., 1957. Vyp. 6. S. 150.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. S. 571–573.

¹⁸ Sm.: Tam zhe. S. 579–601.

¹⁹ Sm.: Pamjatniki russkogo prava / pod red. K. A. Sofronenko. M., 1961. Vyp. 8. S. 640.

УДК 343.8

К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации

С. Л. БАБАЯН – старший научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент

В статье анализируются теоретические вопросы ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы: понятие, виды, принципы, субъекты, закономерности и механизмы; определяются объективные и субъективные критерии, показатели оценки успешности данного процесса; предлагается включить общественное наблюдение и оказание социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, в перечень вопросов, которые должны решать органы местного самоуправления.

Ключевые слова: постпенитенциарная ресоциализация; социальная адаптация; социальная реабилитация; социальная поддержка; социальная защита; постпенитенциарный контроль.

On the issue of post-penal resocialization

S. L. BABAYAN – Senior Researcher at the Department of Methodologies Development of Execution of Criminal Penalties without Imprisonment of the Center of Penal Problems and Psychological Support of Professional Work of the Employees of the Penal System of the Scientific-Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor

The article discusses the theoretical issues of the process of resocialization of persons released from prison: concept, types, principles, subjects, laws and implementation mechanism. There are defined objective and subjective criteria, indicators to measure the success of this process. It is proposed to involve public supervision and social assistance to persons released from prison to the list of issues to solve local governments.

Key words: post-penal resocialization; social adaptation; social rehabilitation; social support; social protection; post-penal monitoring.

Выдающийся ученый-пенитенциарист Н. А. Стручков отмечал, что ресоциализация осужденных состоит из двух этапов – пенитенциарного (осуществляемого в период отбывания наказания) и постпенитенциарного (реализуемого после освобождения). Содержание ресоциализации осужденных представляет собой многоплановую организаторскую деятельность исправительных учреждений, которая направлена на реализацию целей уголовного наказания в процессе его исполнения¹. По мнению Ю. В. Баранова, ресоциализация осужденных, лишенных свободы и освобожденных из мест лишения свободы, является повторной, возобновленной формой социализации, развивающейся по системе постепенного постижения предметов окружающего мира и социума. Она представляет процесс окультуривания и развивается в сфере межкультурной коммуникации, опираясь на базовые концепты (видение, понимание) их жизнедеятельности в рамках исправительного учреждения и вне его². Таким образом, ресоциализация лиц, лишенных свободы, представляет собой систему юридических, социально-экономических, психолого-педагогических, организационных и иных мер, которая направлена на реализацию целей уголовного наказания, социализацию личности преступника, восстановление у них утраченных социально полезных связей, оказание им содействия в бытовом и трудовом устройстве, защиту прав и законных интересов осужденных.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (в ред. распоряжений Правительства Российской Федерации от 31.05.2012 г. № 874-р, от 23.09.2015 г. № 1877-р)³ одним из основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы является уменьшение уровня рецидивной преступности среди лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в исправительных учреждениях, а также проведения мероприятий по адаптации в обществе освобождающихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества.

Ресоциализация лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, связана с определенными сложностями, так как потеря ими общественно полезных связей и качеств носит глубокий характер⁴. Постпенитенциарная ресоциализация представляет собой комплексную систему и результат социальной помощи, поддержки, защиты и воспитательного воздействия на конкретную личность в целях формирования готовности удовлетворять свои потребности, законные интересы и объективные права законопослушным способом (задача минимум) и полноценно функционировать в обществе (задача максимум)⁵. Основу данного процесса составляют восстановление, сохранение, формирование социально полезных связей и отношений лица, освобожденного из мест лишения свободы, оздоровление его микросреды, включение в различные виды позитивной деятельности, в том числе разрешение собственных проблем и самосовершенствование на всех этапах ресоциализации после освобождения из пенитенциарного учреждения⁶. Постпенитенциарная ресоциализация тесно связана с такими понятиями, как социальная помощь, поддержка, защита, постпенитенциарный контроль, медико-социальная помощь, социальная реабилитация.

Ее структура состоит из трех основных элементов: вторичной социализации (освобождение от вредных тюремных привычек и «переобучение» социально полезным навыкам); социальной адаптации после освобождения из исправительного учреждения (приспособление к изменившимся жизненным условиям и усвоение социально полезных связей); социальной реабилитации (восстановление утраченного социального статуса). Данные элементы взаимосвязаны и рассматриваются в диалектическом единстве.

Вторичная социализация представляет собой процесс приспособления, установления и выяснения отношений освобожденного с изменившейся социальной средой, восприятие или невосприятие им новых нравственных требований, социальных ценностей, убеждений и ориентаций микросреды. Социализацию должны обеспечивать

специализированные государственные органы и учреждения.

Содержание социальной адаптации представляет собой сложный длительный процесс приспособления к господствующим в обществе нравственным ценностям, правовым установлениям, который включает в себя целый комплекс социальных институтов. Освобожденный из исправительного учреждения вступает в различные общественные отношения, усваивает определенные социальные роли и адаптируется к новым трудовым и бытовым условиям жизни и т. д. Именно в период «привыкания» к новым условиям жизни на свободе проверяются и закрепляются достигнутые в исправительных учреждениях результаты воспитательного воздействия⁷.

Термин «реабилитация» означает восстановление в правах, восстановление доброго имени, прежней репутации, воссоздание или компенсация нарушенных функций⁸. Процесс реабилитации включает в себя активную легальную деятельность со стороны государственных и общественных институтов, направленную на восстановление правового статуса бывшего осужденного, который пользуется всеми предусмотренными законом правами, частично утраченными в период отбывания наказания в виде лишения свободы, а также утверждение в сознании социально полезных взглядов, привычек, наклонностей, ценностей.

Не следует забывать, что после отбывания уголовного наказания лица, освобожденные из мест лишения свободы, не всегда разрывают прежние преступные связи. Если освобожденный вновь попадает под воздействие уголовной среды, то решение задачи его ресоциализации представляется затруднительным, поэтому кроме социальной помощи для некоторых категорий бывших осужденных предусмотрен еще постпенитенциарный контроль. По мнению Д. Н. Сергеева, это формализованный социально-правовой персонифицированный контроль, который осуществляется специально уполномоченными субъектами в виде правоохранительных органов в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, включающий в себя применение системы мер, направленных на предотвращение вероятности совершения контролируемым лицом новых преступлений⁹. Например, данный контроль установлен за условно-досрочно освобожденными, на которых решением суда в течение оставшейся

неотбытой части наказания возложено выполнение обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, а также за лицами, освобожденными из исправительных учреждений, которым судом в порядке ст. 173.1 УК РФ установлен административный надзор.

Многие осужденные нуждаются в помощи в связи с трудоустройством по месту жительства или пребывания. Зачастую работодатели и трудовые коллективы не желают принимать на работу ранее судимых, отбывших наказание в местах лишения свободы, не только по причине сокращения рабочих мест, уголовного прошлого этих лиц, но и их невысокой квалификации. В то же время нельзя допускать, чтобы эти лица превратились в изгоев, так как это будет способствовать повышению уровня рецидивной преступности и росту социальной напряженности в обществе. Важно на федеральном уровне создать систему стимулирования работодателей, принимающих на свои предприятия лиц, отбывших наказание, с предоставлением различных налоговых льгот и преференций, а также обеспечить возможность получения бывшими заключенными новой специальности или повышения квалификации. Закон Российской Федерации о социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, должен создать определенные федеральные стандарты, на основе которых собственные нормативные акты с учетом местных возможностей и бюджетного обеспечения могут принять субъекты Российской Федерации, что обеспечит сокращение рецидивной преступности в стране.

Следует отметить, что некоторые субъекты уже приняли подобные законы. Так, например, в Республике Башкортостан действует Закон от 03.03.2009 г. № 92-з «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы», в соответствии с ч. 1 ст. 9 которого органы государственной власти республики в пределах своих полномочий оказывают лицам, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, содействие в трудоустройстве (поиске подходящей работы), а также в соответствии с законодательством Российской Федерации о занятости населения учитывают данную категорию лиц при осуществлении мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы.

Если обратиться к зарубежному опыту, то процесс трудоустройства начинается еще тогда, когда осужденный находится в местах

лишения свободы. Так, в США осужденному за полгода до освобождения предоставляется право временного выхода на свободу. Он имеет возможность проконсультироваться со специалистом службы занятости, переговорить с работодателями и заблаговременно решить вопрос о своем трудоустройстве. После этого некоторое время осужденный посещает место работы прямо из пенитенциарного учреждения. Как только он заработает начальные денежные средства для существования и снимет жилье, его освобождают из данного учреждения¹⁰.

В настоящее время во многих субъектах Российской Федерации созданы службы социального сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, оказывающие помощь в трудоустройстве, предоставлении временного жилья, получении временной регистрации и т. д.¹¹ Так, в Красноярском крае работает служба социального сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы. За 10 мес. 2014 г. за помощью в данную службу обратилось 558 чел., освобожденных из мест лишения свободы, осужденных к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, из них 464 чел. просили помощи в трудоустройстве, 51 – в предоставлении временного жилья, 27 – в получении временной регистрации, остальным требовались юридические и иные консультации. В структуре службы функционирует специализированное кадровое агентство, занимающееся трудоустройством бывших осужденных¹².

Работа по постпенитенциарной ресоциализации, проводимая муниципалитетами, свидетельствует об их заинтересованности в решении вопросов оказания помощи освобожденным из мест лишения свободы и ведения общественного контроля. В свою очередь органам власти субъектов Российской Федерации целесообразно поддерживать такое стремление представителей органов местного самоуправления. Так, в Бурятии постановлением Правительства Республики от 06.07.2012 г. № 411 утверждена Концепция государственной политики по социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. В Свердловской области обсуждается проект Концепции государственной политики Свердловской области до 2020 г. в сфере социальной адаптации и ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Концепция предусматривает,

что в качестве одного из субъектов ее реализации являются органы местного самоуправления, которые включаются в механизм межведомственного взаимодействия¹³. В связи с этим представляется актуальным включить общественное наблюдение и оказание социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, в перечень вопросов, которые должны решать органы местного самоуправления.

К числу основных принципов постпенитенциарной ресоциализации относятся гуманность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность, социальная справедливость, доступность и универсальность, адресность, добровольность, конфиденциальность, стимулирование способности к самостоятельному некриминальному разрешению трудных жизненных ситуаций, толерантность, обеспечение реализации указанными лицами права на свободный выбор занятости.

Видами постпенитенциарной ресоциализации являются:

1) социальная помощь, которая представляет собой систему разносторонних мер в виде содействия, поддержки, консультирования, иных услуг, оказываемых органами социальной защиты и другими государственными учреждениями и организациями, а также институтами гражданского общества, для преодоления трудных жизненных ситуаций и позитивного личностного развития;

2) социальная поддержка как специальная система мер, направленных на подкрепление, сохранение либо восстановление условий жизнедеятельности наиболее социально уязвимых категорий лиц, освобожденных из мест лишения свободы, испытывающих особые трудности, затрудняющие их постпенитенциарную реабилитацию;

3) социальная защита, которая включает в себя систему общих мероприятий, оказываемых представителями государственных органов, неправительственных и общественных организаций, по обеспечению предусмотренных законом прав, свобод и интересов лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Она предусматривает социальное обеспечение (обслуживание, получение на общих основаниях пенсий, пособий, льгот и других выплат), социальное страхование (медицинское, личное, имущественное и т. д.), которые должны быть минимально достаточными для удовлетворения базовых потребностей указанных лиц, поддержания их жизнеобеспечения и деятельности;

4) осуществление постпенитенциарного контроля за условно-досрочно освобожденными, на которых решением суда в течение оставшейся неотбытой части наказания возложено выполнение обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ, а также за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, которым судом в порядке ст. 173.1 УК РФ установлен административный надзор;

5) медико-социальная помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). Такое освобождение предоставляется осужденному по следующим основаниям: наступление психического расстройства, которое лишает осужденного возможности осознавать характер своих действий либо руководить ими; заболевание иной тяжелой болезнью, которое препятствует отбыванию наказания. При этом болезнь осужденного должна содержаться в перечне заболеваний, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью»;

6) социальная реабилитация – процесс восстановления социальных функций, ролей, статуса освободившихся из мест лишения свободы, утраченных ими в связи с совершением преступления, осуждением и отбыванием наказания в местах лишения свободы в условиях изоляции и законного ограничения в некоторых правах и свободах; начинается в исправительном учреждении и продолжается в постпенитенциарный период до восстановления способности индивида к полноценному социальному функционированию. Эффективность социальной реабилитации достигается комплексом медицинских, психологических, педагогических, профессиональных и социальных мер.

К субъектам постпенитенциарной ресоциализации относятся государственные органы социальной защиты и обеспечения населения, центры социальной реабилитации, общественные и религиозные организации, попечительские советы, иные объединения, а также частные лица, которые имеют возможность оказать помощь и содействие в социальной адаптации и реабилитации лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Для оценки успешности рассматриваемого процесса необходимо определить объективные и субъективные критерии.

Объективные критерии постпенитенциарной ресоциализации представляют собой внешние признаки (примерное поведение лиц, освободившихся из мест лишения свободы, честное и добросовестное отношение к труду, учебе, точное и неуклонное соблюдение законов и правил человеческого общежития, участие в общественной жизни учреждений, организаций и др.).

Субъективные критерии лиц характеризуются степенью (уровнем) удовлетворенности новыми социальными ролями, желанием добиться осуществления намеченных планов и выражаются в позитивном отношении к обществу, семье, трудовому коллективу и др.

В обществе для оценки уровня постпенитенциарной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы и проживающих по месту их жительства или регистрации, целесообразно использовать следующие показатели:

1) уровень рецидивной преступности среди данной категории лиц;

2) доля среди них трудоустроенных по месту жительства или регистрации;

3) доля лиц, нуждающихся в социальном обслуживании и направленных уполномоченным на признание граждан нуждающимися в социальном обслуживании органом субъекта Российской Федерации в организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме (дома престарелых, дома инвалидов и т. д.);

4) степень обеспеченности жилой площадью и уровень предоставления постоянной или временной регистрации;

5) доля лиц, продолживших обучение в средних или высших образовательных организациях, а также лиц, поступивших в образовательные организации;

6) уровень обеспеченности в сфере охраны здоровья;

7) уровень организации взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления, организаций, общественных объединений, граждан в целях социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также уровень организационно-правового обеспечения защиты прав и законных интересов указанных лиц;

8) уровень толерантного отношения общества к лицам, освободившимся из мест лишения свободы и проживающих по месту жительства или регистрации.

К механизму постпенитенциарной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, относятся:

– социальная диагностика – анализ состояния объектов (лиц, освободившихся из мест лишения свободы) в различных сферах их жизнедеятельности с целью определения проблем их функционирования с использованием методов диагностической беседы, наблюдения, интервьюирования, анкетирования, тестирования, а также корреляции;

– социальная терапия – система целенаправленного воздействия государственных, общественных, религиозных организаций и структур на состояние, поведение, психику лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с целью их социального и психологического оздоровления;

– социальная коррекция – деятельность субъектов постпенитенциарной ресоциализации по исправлению тех особенностей психологического, педагогического, социального характера у лиц, освободившихся из мест лишения свободы, которые не соответствуют общепринятым ценностям и стандартам, с помощью методов восстановления, компенсирования, стимулирова-

ния и контроля со стороны органов государственной власти и местного управления.

Исходя из вышеизложенного представляется важным принять закон Российской Федерации о социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, который создаст федеральный стандарт, в результате чего субъекты Российской Федерации смогли принять собственные нормативные акты с учетом местных возможностей и бюджетного обеспечения. В данном законе следует предусмотреть понятие, виды, принципы, субъекты, критерии и показатели, а также закономерности и механизм постпенитенциарной ресоциализации. Кроме того, необходимо регламентировать полномочия государственных организаций, а также возможность участия институтов гражданского общества (общественные объединения, религиозные организации, благотворительные общества и граждан) по согласованию с органами государственной власти и местного самоуправления субъекта Российской Федерации в сфере социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С. 50.

² См.: Баранов Ю. В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

³ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_106055/ (дата обращения: 21.01.2016).

⁴ См.: Алмазов Б. Н. О человеческом факторе в организации работы по социальной реабилитации криминального контингента // Уголовное наказание: социальное благо или зло? : материалы 8-й междунаро. науч.-практ. конф. памяти проф. М. И. Ковалева (Екатеринбург, 18–19 февр. 2010 г.) / отв. ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург, 2012. С. 67.

⁵ См.: Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2006. С. 24.

⁶ См.: Golodov P. V. Sredstva ispravlenija osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). С. 30–34.

⁷ См.: Долженкова Г. Д. и др. Пути совершенствования социальной работы с осужденными в учреждениях ФСИН России : метод. рекомендации. М., 2005. С. 25; Шиловская А. Л. Правовые и организационные аспекты совершенствования работы органов государственной власти, органов местного самоуправления и негосударственных организаций с лицами, освобождаемыми и освобожденными из воспитательных колоний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 14.

⁸ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов / сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. М., 2000. С. 464.

⁹ См.: Сергеев Д. Н. Социально-правовые грани постпенитенциарного контроля : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 20, 21.

¹⁰ См.: Спасеников Б. А., Golodov P. V. Зарубежный опыт пенитенциарной деятельности: обзор литературы

¹ Sm.: Rybak M. S. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody: problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2001. S. 50.

² Sm.: Baranov Ju. V. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody i osvobozhdennyh ot jetogo nakazaniya: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008. S. 10.

³ Sm.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_106055/ (data obrashhenija: 21.01.2016).

⁴ Sm.: Almazov B. N. O chelovecheskom faktore v organizacii raboty po social'noj rehabilitacii kriminal'nogo kontingenta // Uголовное наказание: social'noe blago ili zlo? : materialy 8-j mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. pamjati prof. M. I. Kovaleva (Ekaterinburg, 18–19 fevr. 2010 g.) / otv. red. I. Ja. Kozachenko. Ekaterinburg, 2012. S. 67.

⁵ Sm.: Social'naja rabota v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme : ucheb. posobie / pod red. Ju. I. Kalinina. Rjazan', 2006. S. 24.

⁶ Sm.: Golodov P. V. Sredstva ispravlenija osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). S. 30–34.

⁷ Sm.: Dolzhenkova G. D. i dr. Puti sovershenstvovanija social'noj raboty s osuzhdennymi v uchrezhdenijah FSIN Rossii : metod. rekomendacii. M., 2005. S. 25; Shilovskaja A. L. Pravovye i organizacionnye aspekty sovershenstvovanija raboty organov gosudarstvennoj vlasti, organov mestnogo samoupravlenija i negosudarstvennyh organizacij s licami, osvobozhdaemymi i osvobozhdennymi iz vospitatel'nyh kolonij : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2008. S. 14.

⁸ Sm.: Kratkij slovar' sovremennyh ponjatij i terminov / sost. i obshh. red. V. A. Makarenko. M., 2000. S. 464.

⁹ Sm.: Sergeev D. N. Social'no-pravovye grani postpenitencijarnogo kontrolja : dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2016. S. 20, 21.

¹⁰ Sm.: Spasennikov B. A., Golodov P. V. Zarubezhnyj opyt penitencijarnoj dejatel'nosti: obzor literatury // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu. 2016. № 1 (21). S. 30–34.

ры // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 1 (21). С. 30–34.

¹¹ См.: Голодов П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2 (14). С. 81–88.

¹² См.: Тюремный портал России. URL: <http://prisonlife.ru/trud/2800-sluzhba-socialnogo-soprovozhdeniya-lic-osvobodivshihsya-iz-mest-lisheniya-svobody-krasnoyarskogo-kрая.html> (дата обращения: 25.05.2016).

¹³ См.: Сергеев Д. Н. Эволюция муниципального контроля в сфере исполнения уголовных наказаний // Проблемы права. 2013. № 5 (43). С. 14–20.

¹¹ См.: Golodov P. V. Zarubezhnyy opyt i perspektivy sozdaniya sluzhby probacii v Rossii: organizacionno-pravovye aspekty // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 2 (14). S. 81–88.

¹² См.: Tjurennyy portal Rossii. URL: <http://prisonlife.ru/trud/2800-sluzhba-socialnogo-soprovozhdeniya-lic-osvobodivshihsya-iz-mest-lisheniya-svobody-krasnoyarskogo-kрая.html> (data obrashheniya: 25.05.2016).

¹³ См.: Sergeev D. N. Jevoljucija municipal'nogo kontrolja v sfere ispolnenija ugolovnyh nakazanij // Problemy prava. 2013. № 5 (43). S. 14–20.

УДК 343.34

Возникновение и развитие уголовно-правовой нормы «захват заложника» в отечественном законодательстве

Э. П. КИСЕЛЕВ – научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России

В статье анализируется уголовно-правовая норма «захват заложника» с исторической точки зрения, делается акцент на том, что в отечественном уголовном законодательстве данная норма появилась относительно недавно, находится в стадии формирования и требует всестороннего изучения.

Ключевые слова: захват заложника; российское уголовное законодательство; преступление против общественной безопасности; международное право.

Genesis and development of the criminal law provision «androlepsy» in domestic legislation

E. P. KISELEV – Researcher of the Research Center of Security problems in the Institutions of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the criminal law provision «androlepsy» from the historical point of view, it focuses on the fact that in the domestic criminal law this provision is a relatively new, and is in the formative stage and requires a comprehensive study.

Keywords: androlepsy; russian criminal law; crime against public safety; international law.

Право на жизнь и здоровье, а также свобода жизнедеятельности и самовыражения являются фундаментальными правами человека, признаваемыми мировым сообществом и современными правовыми государствами¹, поэтому не случайно в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.² сказано, что каждое лицо имеет право на жизнь, охраняемое законом. Этим международным договором закреплено, что

никто не может быть умышленно лишен жизни (ч. 1 ст. 2), никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 2), никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии (ч. 1 ст. 3), и каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, никто не может быть лишен свободы, иначе как в случаях, связанных с подозрением совершения

преступного деяния, и в порядке, установленном законом (ч. 1 ст. 4). Конституция Российской Федерации 1993 г. (ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 23) признала неотъемлемость этих прав для всех лиц, находящихся на ее территории, и взяла на себя обязанность по их обеспечению и защите.

Противозаконное нарушение указанных прав приводит к негативному воздействию злоумышленников на третьих лиц с целью получения выкупа, возможности обезопасить себя на чужой территории, удовлетворения иных своих потребностей.

Похищение человека (а также взятие его в заложники) – преступный способ разрешения экономических, политических и иных проблем. Издавна похищение женщины было одним из способов обретения невесты. Так, например, Русская Правда к преступлениям против семейного права и нравственности относила похищение девушек, которое подвергало бесчестию похищенную, нарушало права ее родителей и являлось оскорблением нравственности.

Стремление закрепить ответственность за рассматриваемые деяния проявлялось и в поздних отечественных правовых документах. Одними из первых источников, где закреплялись деяния, схожие по своему составу с захватом заложника, были: Псковская судная грамота, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г., Воинский артикул Петра I 1715 г. В 1810 г. в Санкт-Петербурге были изданы сочинения доктора Ансельма фон Фейербаха, тайного королевско-баварского государственного докладчика по Министерству юстиции, корреспондента Российской Императорской комиссии по составлению законов, в которых рассматривался такой вид преступной деятельности, как похищение людей³.

Также необходимо отметить Свод законов Российской империи 1832 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 1540–1544 предусматривались наказания за такие преступления против свободы личности, как задержание, похищение людей, заключение под стражу). Задержание и заключение определялись как «умышленное лишение свободы передвижения посредством противозаконного захвата личности», похищение людей – как «физический захват личности в видах различных целей, по свойству которых оно распадается на работорговлю, сокрытие или изменение происхождения младенца и похищение женщин»⁴. Уголовное уложение 1903 г. содержало гл. 26 «О преступных де-

яниях против личной свободы», которая состояла из 15 статей (498–512). В нее были включены деяния против личной свободы и связанные с похищением людей⁵.

В советском уголовном законодательстве норма о захвате заложников отсутствовала. В УК РСФСР 1922 г.⁶ предусматривалась уголовная ответственность за насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, совершенное путем задержания или помещения его в каком-либо месте (ст. 159). Статья 160 УК РСФСР определяла наказание за лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы или сопровождающимся для него мучениями. В ст. 162 УК РСФСР была закреплена уголовная ответственность за похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов.

УК РСФСР 1926 г.⁷ содержал наказание за насильственное незаконное лишение кого-либо свободы, лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или сопровождавшееся причинением ему физических страданий (ст. 147); похищение, сокрытие или подмену чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов (ст. 149).

В УК РСФСР 1960 г.⁸ предполагалась уголовная ответственность за похищение чужого ребенка или подмену ребенка, совершенные с корыстной целью или из иных низменных побуждений либо без указанных признаков (ст. 125), а также незаконное лишение свободы и то же деяние, совершенное способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего или сопровождавшееся причинением ему физических страданий (ст. 126).

Отсутствие в советском законодательстве нормы, запрещающей захват заложника, обусловлено тем, что данный вид преступления был достаточно редок. До середины 80-х гг. XX в. в СССР эта проблема не рассматривалась как угрожающая. Захваты гражданских самолетов, похищение детей, захваты заложников в исправительно-трудовых учреждениях были единичными, поэтому не представляли общественной опасности в государственных масштабах. Однако с конца 80-х гг. захват заложников, как внутригосударственный, так и международный, все чаще и серьезнее стал затрагивать интересы страны и ее межгосударственные связи⁹.

Начиная с конца 70-х гг. XX в. мировым сообществом данные действия стали рассматриваться как одно из наиболее опас-

ных преступлений¹⁰. В связи с этим в 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о захвате заложников¹¹. В ст. 13 данного документа при определении объекта действия говорится, что она «не применяется в тех случаях, когда преступление совершено в пределах одного государства, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами этого государства и когда предполагаемый преступник находится на территории этого государства». Из этого следует, что случаи захвата заложников должны рассматриваться как преступления не только международным, но и национальным законодательством.

СССР был среди стран, которые ратифицировали данную конвенцию. Для выполнения взятых на себя международных обязательств необходимо было включить в свое законодательство соответствующую уголовно-правовую норму. Вследствие этого в советском уголовном праве ответственность за захват заложников впервые была установлена в 1987 г. (ст. 126¹ УК РСФСР¹²).

Первоначальный вариант ст. 126¹ УК РСФСР 1960 г. предусматривал захват или удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой убийством, причинением телесных повреждений или дальнейшим удержанием этого лица, с целью заставить государство, международную организацию, физическое или юридическое лицо или группу лиц совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условие освобождения заложника. Наличие примечания, соответствующего ст. 13 Международной конвенции по борьбе с захватом заложников 1979 г., не давало возможности использовать ее первоначальную редакцию для борьбы с данным преступлением.

Такое ограничение означало, что ст. 126¹ УК РСФСР 1960 г. предусматривался захват заложника-иностранца (санкция – до 15 лет лишения свободы), а захват заложника – гражданина СССР квалифицировался как незаконное лишение свободы (ст. 126 УК РСФСР 1960 г., санкция – 3 года лишения свободы)¹³. Тем самым исключалась возможность применения данной нормы в случае захвата заложников на территории Советского Союза, когда в качестве заложников и преступников выступали его граждане. Таким образом, схожие по своей сути деяния получали различную правовую оценку¹⁴.

Распространение в судебной практике случаев захвата заложников с целью вымогательства, побега из мест лишения

свободы и др. обусловило внесение изменений в рассматриваемую статью. Законом Российской Федерации от 18.02.1993 г. № 4512-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР»¹⁵ примечание к ст. 126¹ было исключено из кодекса. Таким образом, действие состава преступления было распространено на все факты совершения этого преступления независимо от гражданства потерпевшего и преступника. Этим можно объяснить резкое увеличение (в 17 раз) количества зарегистрированных случаев захвата заложника: в 1991 г. – 0, в 1992 г. – 3, в 1993 г. – 51, в 1994 г. – 118, в 1995 г. – 113¹⁶.

Поскольку ст. 126¹ содержалась в гл. 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» УК РСФСР, то и родовой объект был определен как отношения, обеспечивающие свободное и нормальное существование личности, а непосредственный – как свобода личности. Данная точка зрения получила свою поддержку в специальной юридической литературе¹⁷. Анализ объективных и субъективных признаков захвата заложника позволяет сделать вывод о том, что это общественно опасное деяние более близко к преступлениям против общественной безопасности.

Законодатель в УК РФ 1996 г. поместил норму о захвате заложника (ст. 206) в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», определив тем самым видовой объект как отношения общественной безопасности.

По нашему мнению, этот факт послужил снижению количества деяний, подпадающих под квалификацию «захват заложника». Согласно результатам специальных криминологических исследований в 1997 г. таких деяний было 114, в 1998 г. – 69, в 1999 г. – 64, в 2000 г. – 49, в 2001 г. – 32. Снижение произошло за счет их отнесения к преступлениям, схожим по своему составу с захватом заложника, – похищение человека (ст. 126 УК РФ) (в 1997 г. – 1140, в 1998 г. – 1415, в 1999 г. – 1554, в 2000 г. – 1291, в 2001 г. – 1417) и незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) (в 1997 г. – 101, в 1998 г. – 1278, в 1999 г. – 1417, в 2000 г. – 1365, в 2001 г. – 1314)¹⁸. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. в России были совершены 5 захватов заложников, 331 похищение человека и 219 случаев незаконного лишения свободы¹⁹.

С 1996 г. редакция ст. 206 УК РФ претерпела ряд изменений и дополнений, которые, несомненно, улучшили ее структуру²⁰, одна-

ко это говорит о продолжении формирования нормы, о научном интересе к ней и необходимости дальнейшего исследования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– в Русском государстве и Российской империи ответственности за захват заложника не было, однако за похищение человека предусматривалось достаточно суровое наказание;

– захват заложника как преступление до 1987 г. не было известно советскому уголовному законодательству, где рассматривались такие посягательства на свободу личности, как задержание, заключение под стражу, похищение людей, незаконное лишение свободы;

– существенное распространение случаев захвата заложников, целью которых было

вымогательство, выезд за границу, побег из мест лишения свободы и др., обусловило появление в отечественном уголовном праве ответственности за захват заложника, которая впервые была установлена в 1987 г.;

– в российское уголовное законодательство норма об ответственности за захват заложника пришла из международного права, где на протяжении ряда лет данное деяние рассматривается в качестве разновидности международного терроризма;

– в отечественном законодательстве понятие «захват заложника» появилось относительно недавно. За неполные тридцать лет существования эта норма неоднократно подвергалась изменениям, и в настоящее время она находится в стадии формирования, что требует ее всестороннего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Смирнов А. М. Длительные сроки лишения свободы в отношении осужденных мужчин (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2009.

² См.: URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 23.04.2016).

³ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. СПб., 1900. С. 86–88.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1885. Издано Н. С. Таганцевым. СПб., 1909. С. 881–882.

⁵ См.: Пертли Л. Ф. Правовое регулирование условий содержания заключенных в Российской империи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 11.

⁶ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1922. № 15. Ст. 153.

⁷ См.: Там же. 1926. № 80. Ст. 600.

⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1980. С. 258.

⁹ См.: Козлова Н. Н. Уголовная ответственность за захват заложников : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 33.

¹⁰ См.: Овчинников С. Н. Пожизненное лишение свободы в правовых системах ФРГ и России: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 52–56.

¹¹ См.: Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на 34 сессии. Нью-Йорк, 1980.

¹² См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 30. Ст. 1087.

¹³ См., напр.: Беляева Н., Орешкина Т., Мурадов Э. Квалификация захвата заложников // Законность. 1994. № 7. С. 18.

¹⁴ См.: Белоус В. Г., Голодов П. В., Пертли Л. Ф. Правоприменительная система России в современной историографии // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3–4 (49–50). С. 42–51.

¹⁵ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 362.

¹⁶ См.: Преступность, статистика, закон / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 173.

¹⁷ См., напр.: Лоскутов А. Г. К вопросу об уголовной ответственности за захват заложников // Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях правовой реформы. М., 1992. Вып. 2. С. 45; Козлова Н. Н. Некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы о захвате заложников // Правовые проблемы деятельности органов внутренних дел в современных условиях. М., 1992. С. 78; Лысов М. Ответственность за незаконное лишение свободы, похищение человека и захват заложников // Российская юстиция. 1994. № 5. С. 40–41.

¹ См.: Smirnov A. M. Dlitel'nye stroki lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh muzhchin (ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty) : dis. ... kand. jurid. nauk. Vologda, 2009.

² См.: URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (data obrashheniya: 23.04.2016).

³ См.: Fojnickij I. Ja. Kurs ugolovnogo prava. SPb., 1900. S. 86–88.

⁴ Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. 1885. Izdano N. S. Tagancevym. SPb., 1909. S. 881–882.

⁵ См.: Pertli L. F. Pravovoe regulirovanie uslovij soderzhanija zakljuchennykh v Rossijskoj imperii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2011. S. 11.

⁶ См.: Sbornie zakonov i rasporjazenij Rabocheho i Krest'janskogo pravitel'stva RSFSR (dalee – SU RSFSR). 1922. № 15. St. 153.

⁷ См.: Tam zhe. 1926. № 80. St. 600.

⁸ См.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR / pod red. Ju. D. Severina. M., 1980. S. 258.

⁹ См.: Kozlova N. N. Ugolovnaja otvetstvennost' za zahvat zalozhnikov : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1992. S. 33.

¹⁰ См.: Ovchinnikov S. N. Pozhiznennoe lishenie svobody v pravovyh sistemah FRG i Rossii: sravnitel'no-pravovoj analiz // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 3 (34). S. 52–56.

¹¹ См.: Rezoljucii i resheniya, prinjatye General'noj Assambleej na 34 sessii. N'ju-Jork, 1980.

¹² См.: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1987. № 30. St. 1087.

¹³ См., напр.: Beljaeva N., Oreshkina T., Muradov Je. Kvalifikacija zahvata zalozhnikov // Zakonnost'. 1994. № 7. S. 18.

¹⁴ См.: Belous V. G., Golodov P. V., Pertli L. F. Pravoприменительная система России в современной историографии // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2015. № 3–4 (49–50). S. 42–51.

¹⁵ См.: Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1993. № 10. St. 362.

¹⁶ См.: Prestupnost', statistika, zakon / pod obshh. red. A. I. Dolgovoj. M., 1997. S. 173.

¹⁷ См., напр.: Loskutov A. G. K voprosu ob ugolovnoj otvetstvennosti za zahvat zalozhnikov // Sovershenstvovanie dejatel'nosti organov vnutrennih del v uslovijah pravovoj reformy. M., 1992. Vyp. 2. S. 45; Kozlova N. N. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovoj normy o zahvate zalozhnikov // Pravovye problemy dejatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennykh uslovijah. M., 1992. S. 78; Lysov M. Otvetstvennost' za nezakonnoe lishenie svobody, pohishhenie cheloveka i zahvat zalozhnikov // Rossijskaja justiciya. 1994. № 5. S. 40–41.

¹⁸ См.: Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 545, 552.

¹⁹ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Данные судебной статистики / Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 23.04.2016).

²⁰ См.: Федеральные законы от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»; от 30.12.2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму»; от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы».

¹⁸ Sm.: Dolgova A. I. Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo. M., 2003. S. 545, 552.

¹⁹ Sm.: Official'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii / Dannye sudebnoj statistiki / Forma № 10-a «Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Uголовного kodeksa Rossijskoj Federacii». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (data obrashhenija: 23.04.2016).

²⁰ Sm.: Federal'nye zakony ot 08.12.2003 g. № 162-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii»; ot 30.12.2008 g. № 321-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federacii po voprosam protivodejstviya terrorizmu»; ot 27.12.2009 g. № 377-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federacii v svjazi s vvedeniem v dejstvie polozhenij Uголовного kodeksa Rossijskoj Federacii i Uголовно-исполнител'ного kodeksa Rossijskoj Federacii o nakazanii v vide ogranichenija svobody».

УДК 343.81''15/19''

Историческое развитие нормативного закрепления в российском законодательстве места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы

С. П. СЕРЕДА – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

А. А. ЖИТКОВ – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируется историческое развитие нормативного закрепления места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, подчеркивается взаимосвязь видов исправительных учреждений и места отбывания наказания, их влияние на степень изоляции осужденных в различные периоды развития уголовно-исполнительной системы России, выявляются общие тенденции и черты правового регулирования и решения на практике данных вопросов в дореволюционной и Советской России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наказание в виде лишения свободы; историческое развитие; нормативное закрепление; место отбывания наказания; виды исправительных учреждений.

The historical development of normative fixing in the Russian legislation the place and type of institutions for serving the sentence of imprisonment

S. P. SEREDA – Scientific Secretary of the Academic Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

A. A. ZHITKOV – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the historical development of the normative fixing the place and type of institutions for serving the sentence of imprisonment; it emphasizes the relationship between types of correctional institutions and places of punishment, their influence on the degree of isolation of prisoners in different periods of development of the penal system in Russia, it identifies common trends and features of legal regulation and decisions on these issues in the practice of pre-revolutionary and Soviet Russia.

Keywords: punishment of imprisonment; historical development; standard fastening; prisons; types of correctional institutions.

Лишение свободы как вид наказания, применяемый государством, является следствием сильной и централизованной государственной власти. Его появление и распространение стало, как справедливо утверждает в литературе, результатом усиления публичного характера системы наказаний¹. Впервые тюремное заключение как самостоятельный вид наказания в России появляется в Судебнике 1550 г., а до этого оно было мерой только предварительного или гражданского заключения². В Судебнике 1550 г. не назывались конкретные формы, виды тюрем, однако на практике к середине XVI в. сложились места заключения, различавшиеся по своему назначению, отдаленности от городов и даже условиям содержания: частные тюрьмы при дворах князей и крупных феодалов; собственно государственные тюрьмы; монастырские тюрьмы; тюрьмы, находящиеся в распоряжении местных властей³. При этом уже тогда место отбывания наказания определялось с учетом особенностей преступника, степени опасности его и совершенного им деяния для власти и общества.

Постепенно тюремное заключение как самостоятельный вид наказания становилось все более востребованным, и уже в Соборном уложении 1649 г. оно входит в содержание санкций 50 статей⁴. Предусматривалось деление осужденных и мест заключения на подчиненные светской и церковной юрисдикции, на финансируемые и управляемые из центра и местными властями, что, безусловно, влияло на место отбывания наказания и условия содержания. Большая часть лиц, совершавших общеуголовные преступления, направлялась в имевшиеся практически в каждом городе тюрьмы⁵. Политические же преступники, а затем и лица, совершавшие тяжкие общеуголовные преступления, по-прежнему перемещались преимущественно в отдаленные местности в более суровые условия содержания⁶.

Каждая последующая историческая эпоха в России вносила изменения в систему мест лишения свободы, усложняя ее и подчиняя целям и задачам, которые решало го-

сударство на определенном историческом этапе развития. Появляются новые виды мест заключения, призванные обеспечить раздельное содержание осужденных по социальному положению, роду деятельности, общественной опасности и др. При этом удаленность места отбывания наказания от прежнего места жительства по-прежнему используется как инструмент снижения или усиления карательного воздействия, определяет характер того или иного вида лишения свободы.

В период правления Петра I вводится новый вид наказания – каторга, представлявшая собой соединение ссылки и принудительного труда⁷, создаются специальные места тюремного заключения для военнослужащих – гауптвахты. При Павле I появляется заключение в крепости для офицеров и унтер-офицеров⁸. Однако ссылка в каторжные работы применялась властями чаще, чем тюремное заключение⁹. При Екатерине II высказывались передовые идеи о раздельном содержании осужденных по половозрастным признакам и степени опасности¹⁰. Однако создать удалось только отдельные смиренные дома для мужчин и женщин порочного поведения, а также работные дома для осужденных за кражи, грабежи и мошенничество с обязательным привлечением к труду¹¹.

К концу XVIII в. государство создало чрезвычайно раздробленную систему мест лишения свободы. В XIX в. были закреплены новые виды мест заключения, еще более усложнившие пенитенциарную систему. При этом реализовались и передовые идеи, связанные с обеспечением раздельного содержания и различного режима содержания арестантов в зависимости от тяжести и рода совершенного преступления¹², предусматривалась классификация заключенных по полу, возрасту, роду преступлений, в каждом губернском городе создавались тюремные замки¹³.

Принятая в 1831 г. Общая тюремная инструкция впервые давала четкие указания о необходимости нравственного исправления осужденных, хотя, безусловно, оно и в пред-

шествовавшие века предполагалось и даже осуществлялось, в том числе на основе православного вероучения, широко поддерживаемого всеми слоями общества¹⁴. Понимая невозможность исправления осужденных без дифференцированного к ним подхода, изоляции друг от друга различных категорий осужденных, авторы Общей тюремной инструкции предусмотрели разделение арестантов «по роду, важности их преступлений», от подсудимых, мужчин от женщин, а подростков от взрослых. Однако многие из этих положений, как отмечают специалисты, носили декларативный характер¹⁵.

Виды мест заключения, фактически представлявшие разновидности лишения свободы и соответствовавшие делению наказаний на уголовные и исправительные, были закреплены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Назначение того или иного вида лишения свободы зависело от санкции за конкретное преступление. Фактически речь шла о категоризации преступлений и соответствующей ей иерархии наказаний в виде лишения свободы. В данном документе впервые достаточно подробно регламентируется вопрос о месте отбывания наказаний, связанных с лишением свободы, определявшемся по общему правилу, особенно в отношении лиц, осуждавшихся к кратким срокам, – в ближайшей арестантской роте, смиренном доме, работном доме, в крепости или тюрьме¹⁶. Место отбывания наказаний в виде лишения свободы оказывалось ближе к месту жительства осужденного, что уже имело правовое закрепление.

После принятия 5 декабря 1866 г. закона «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» были предприняты конкретные шаги по созданию отдельных исправительных учреждений для несовершеннолетних¹⁷. Во второй половине XIX в. появляются также первые специализированные учреждения для подсудимых арестантов¹⁸.

Российская пенитенциарная система во второй половине XIX в. характеризовалась многообразием мест заключения различной подчиненности и нуждалась в серьезном реформировании, которое и было обеспечено последовательным принятием закона от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях», Устава о содержащихся под стражей 1890 г., Уго-

ловного уложения 1903 г. Одним из значимых результатов стало дальнейшее развитие специализированных учреждений – для несовершеннолетних, женщин, больных и престарелых, несостоятельных должников и военнопленных. В 1909 г. было принято Положение о воспитательных исправительных заведениях для несовершеннолетних. Новое законодательство подробно регламентировало вопросы, касающиеся разделения осужденных на разряды в зависимости от степени общественной опасности, вида и срока наказания, стремления к исправлению и других критериев. Предусматривалось изменение условий содержания и порядка отбывания наказания в зависимости от поведения заключенных. Во время тюремной реформы по-прежнему особое внимание уделялось вопросу определения места отбывания наказаний в виде лишения свободы, решение которого зависело от вида наказания и разновидности мест заключения. Помимо экономических причин связано это было и со стремлением к сохранению семейных связей осужденных при отбывании ими лишения свободы, особенно каторжных работ¹⁹. Вместе с тем реализация на практике этих передовых идей в полной мере не обеспечивалась, в том числе из-за недостаточного финансирования и переполненности мест заключения²⁰.

В результате своего длительного развития система мест заключения царской России к 1917 г. насчитывала 19 513 тюремных учреждений, из них 654 тюрьмы общего устройства, 30 исправительно-арестантских отделений, 22 каторжные тюрьмы, 8 пересылочных тюрем, 61 исправительное заведение для несовершеннолетних, этапы и полуэтапы (не менее 500), особые тюрьмы тюремного ведомства, 20 тюрем военного ведомства, 20 тюремных крепостей, 7 тюрем морского ведомства, 16 371 арестантское помещение при волостных судах Министерства внутренних дел, 93 арестных помещения при сыскных отделениях, 20 монастырских тюрем²¹.

В дальнейшем, несмотря на то что предпринимались попытки упразднения тюремной системы царской России, отождествлявшейся с насилием и беззаконием²², многие из ее характерных черт, например сословный характер, использование каторжных работ, направление политических преступников в отдаленные местности, нашли отражение в советской пенитенциарной системе, причем в самом худшем выражении. Уже в 1919 г. политические и классовые мотивы стали активно применяться

при создании концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ.

Вопрос о раздельном содержании различных категорий осужденных для большевистской и советской власти был достаточно актуальным с точки зрения как противодействия общей преступности, так и достижения политических целей, подавления идеологических противников. При этом по мере становления и укрепления новой власти регламентация этих вопросов приобретала все более подробный характер. Временная инструкция «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» от 23.07.1918 г.²³ еще не содержала четких критериев назначения того или иного исправительного учреждения, хотя и относилась к ним пол, возраст, состояние психического и физического здоровья, корыстные мотивы, рецидив преступления и др.²⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой и позволял суду руководствоваться только своим внутренним убеждением при назначении мест лишения свободы²⁵. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. делил места заключения в зависимости от характера и направленности мер воздействия на осужденных, предусматривал распределение заключенных между ними в соответствии с «социальными и психическими особенностями личности преступника, а также индивидуализации мер социальной защиты в зависимости от причин преступления»²⁶. Учитывались процессуальный статус заключенного, срок лишения свободы, классовая принадлежность, повторность совершения преступления, направленность совершаемых преступлений против нового строя и безопасности государства. Заключенные женского пола, несовершеннолетние осужденные и правонарушители из рабоче-крестьянской молодежи помещались в отдельные учреждения. При этом, как и до 1917 г., закреплялось общее правило отбывания лишения свободы в пределах губернии в ближайшем к месту осуждения учреждении (ст. 16 ИТК РСФСР 1924 г.).

Начавшиеся в конце 1920-х гг. преобразования привели к ужесточению пенитенциарной политики и изменению системы мест заключения, в которой все большее место стало отводиться исправительно-трудовым лагерям в отдаленных местностях страны, предназначенным для особо опасных правонарушителей.

В 1933 г. был принят новый ИТК РСФСР, который регулировал только деятельность

общих мест лишения свободы, основным типом которых провозглашались трудовые колонии различных видов²⁷. Деятельность исправительно-трудовых лагерей достаточно подробно регулировалась ведомственными нормативными актами²⁸. Система мест лишения свободы в 1930-е гг. и вплоть до 1954 г. включала в себя: исправительно-трудовые лагеря ОГПУ, исправительно-трудовые колонии, тюрьмы, детские трудовые колонии, учреждения для больных заключенных. В военное и послевоенное время создаются лагеря для военнопленных для проверки бывших военнослужащих Красной армии, лагеря для содержания лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность и иные особо опасные государственные преступления²⁹.

В 1954 г. в условиях изменения политической обстановки в стране утверждаются новые нормативные документы, которыми подробно регулируются вопросы раздельного содержания осужденных в зависимости от степени общественной опасности совершенного преступления и личности, срока наказания, возраста и пола³⁰. С этой целью были предусмотрены облегченный, общий, строгий и специально строгий виды режима. Предусматривалась возможность перевода осужденных с одного режима на другой в зависимости от степени их исправления. В 1956 г. исправительно-трудовые лагеря как вид учреждений для исполнения наказания в виде лишения свободы ликвидировались и одновременно максимально расширялась сеть исправительно-трудовых колоний³¹. Эти изменения были призваны подчинить деятельность мест заключения в первую очередь целям исправления осужденных. Законодательно был закреплён принцип отбывания наказания, как правило, по месту осуждения или жительства осужденного. Вместе с тем вид режима исправительного учреждения определялся администрацией исправительно-трудовой колонии, а не судом.

В УК РСФСР 1960 г. по сравнению с предыдущим законодательством формулировки закона имели более конкретный характер, решение вопроса о виде исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы возлагалось на суд. Предусматривалось отбывание лишения свободы в исправительно-трудовых колониях общего, усиленного, строгого и особого режимов или в тюрьме, а также в воспитательно-трудовых колониях общего и усиленного режимов³². В 1963 г. в систему исправительных

учреждений впервые были введены колонии-поселения³³. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. закрепил сложившуюся на тот момент систему мест лишения свободы. При этом подробно регламентировались вопросы раздельного содержания осужденных различных категорий и места отбывания наказания в виде лишения свободы, которое по общему правилу определялось для впервые осужденных к лишению свободы с учетом прежнего места проживания или места осуждения³⁴.

Нормы УК РСФСР 1960 г. и ИТК РСФСР 1970 г. о системе мест лишения свободы лежат в основе действующей системы исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, которая была закреплена в УК РФ 1996 г. и УИК РФ 1997 г. Безусловно, уголовно-исполнительную систему современной России нельзя отождествлять с советской пенитенциарной системой. За последние двадцать лет сделаны большие шаги в направлении улучшения условий содержания осужденных в местах лишения свободы, совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Однако исторический опыт правового закрепления места и вида учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, необходимо учитывать в ходе дальнейшего развития.

Исследование исторического развития становления пенитенциарной системы в

России позволяет сделать вывод о том, что правовое закрепление наказания в виде лишения свободы и системы учреждений для его отбывания во все периоды развития Российского государства зависело от уровня развития общества и проводимой государством политики. На протяжении всей истории власть стремилась обеспечить раздельное содержание осужденных в зависимости от степени их общественной и политической опасности. При этом от деления мест заключения на виды зависело и решение вопроса о месте отбывания наказания. При этом различное решение данного вопроса обуславливало характерные особенности тех или иных видов наказаний, связанных с лишением свободы (например, каторги, ссылки на поселение) и различных видов мест заключения. Определение места отбывания наказания в виде лишения свободы влияло на степень изоляции осужденных от общества и осуществлялось в целях усиления или ослабления принудительного воздействия на них. При этом как до, так и после 1917 г. прослеживается тенденция к законодательному закреплению в качестве общего правила отбывания лишения свободы по месту жительства осужденных или месту их осуждения, что связывалось с сохранением семейных и иных социальных связей. На практике же реализация данного принципа была сопряжена с определенными трудностями, что имеет место и в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Григорян В. А. Уголовное наказание (исторический анализ) // Следователь. 2003. № 10. С. 61.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М., 1985. Т. 2; Власов В. И., Гончаров Н. Ф. Уголовные наказания в России (история законодательства и практики его применения) : моногр. Домодедово, 1997. С. 9.

³ См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 21.

⁴ См.: Детков М. Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 12.

⁵ См.: Он же. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 11.

⁶ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 102–103.

⁷ См.: Там же. С. 124.

⁸ См.: Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Из истории военных тюрем в России // Уголовное право. 1999. № 3. С. 93–94.

⁹ См.: Малыгин А., Мордачев В. Становление отечественной уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительное право. 2004. № 1. С. 99.

¹⁰ См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века). С. 43.

¹ См.: Grigorjan V. A. Uголовное nakazanie (istoricheskij analiz) // Sledovatel'. 2003. № 10. S. 61.

² См.: Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t. M., 1985. T. 2; Vlasov V. I., Goncharov N. F. Uголовные nakazaniya v Rossii (istoriya zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya) : monogr. Domodedovo, 1997. S. 9.

³ См.: Fumm A. M. Pravovoe regulirovanie ispolneniya uголовного nakazaniya v vide lisheniya svobody v Rossijskoj imperii (konets XVIII – 70-e gody XIX veka) : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. S. 21.

⁴ См.: Detkov M. G. Tjur'my, lagerja i kolonii Rossii. M., 1999. S. 12.

⁵ См.: On zhe. Nakazanie v carskoj Rossii. Sistema ego ispolnenija. M., 1994. S. 11.

⁶ См.: Uporov I. V. Penitencijarnaja politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija. SPb., 2004. S. 102–103.

⁷ См.: Tam zhe. S. 124.

⁸ См.: Tolkachenko Anat., Tolkachenko Andr. Iz istorii voennyh tjurem v Rossii // Uголовное право. 1999. № 3. S. 93–94.

⁹ См.: Malygin A., Mordachev V. Stanovlenie otechestvennoj uголовно-ispolnitel'noj politiki // Uголовно-ispolnitel'noe право. 2004. № 1. S. 99.

¹⁰ См.: Fumm A. M. Pravovoe regulirovanie ispolneniya uголовного nakazaniya v vide lisheniya svobody v Rossijskoj imperii (konets XVIII – 70-e gody XIX veka). S. 43.

- ¹¹ См.: Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 9.
- ¹² См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века). С. 47–48.
- ¹³ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 154.
- ¹⁴ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. М., 1999. С. 52.
- ¹⁵ См.: Детков М. Г. Тюремные России: память истории : моногр. Вологда, 2001. С. 16; Уголовно-исполнительное право России : учеб. пособие / под ред. О. Г. Перминова. М., 2001. С. 65.
- ¹⁶ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. С. 181.
- ¹⁷ См.: Иванчин А. В., Санташов А. Л. Применение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних (исторический очерк) : пособие для студентов (курсантов) высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Вологда, 2005. С. 8; Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М., 2005. С. 207–208.
- ¹⁸ См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века). С. 58; Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Из истории военных тюрем в России. С. 99.
- ¹⁹ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 267.
- ²⁰ См.: Познышев С. В. Очерки тюремного дела. М., 1915. С. 44; Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 251.
- ²¹ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 18–19.
- ²² См.: Симонов И. Н. История уголовно-исполнительной системы России – путь к гуманизации // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2004. № 3. С. 38.
- ²³ См.: Шевченко А. Е. Прогрессивно-регрессивная система исполнения уголовных наказаний : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 18–19.
- ²⁴ См.: Там же. С. 21.
- ²⁵ См.: История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М., 2003. С. 467.
- ²⁶ Собрание законодательства СССР. 1930. № 22.
- ²⁷ См.: Сборник нормативных правовых актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.) / сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М., 1959. С. 240–241.
- ²⁸ См.: Детков М. Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. Домодедово, 1992. С. 11; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. Н. В. Петров. М., 2004. Т. 2. С. 99.
- ²⁹ См.: Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 1960-х гг. (историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. 1998. С. 193; Детков М. Г. Тюремные, лагеря и колонии России. С. 218; Он же. Особые лагеря МВД // Преступление и наказание. 2002. № 11. С. 29.
- ³⁰ См.: Детков М. Г. Особые лагеря МВД. С. 40.
- ³¹ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. С. 508.
- ³² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971. С. 63.
- ³³ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. М., 2004. С. 328–329.
- ³⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. С. 67–68.
- ¹¹ См.: Печников А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 9.
- ¹² См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века). С. 47–48.
- ¹³ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 154.
- ¹⁴ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. М., 1999. С. 52.
- ¹⁵ См.: Детков М. Г. Тюремные России: память истории : моногр. Вологда, 2001. С. 16; Уголовно-исполнительное право России : учеб. пособие / под ред. О. Г. Перминова. М., 2001. С. 65.
- ¹⁶ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России. С. 181.
- ¹⁷ См.: Иванчин А. В., Санташов А. Л. Применение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних (исторический очерк) : пособие для студентов (курсантов) высших учеб. заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Вологда, 2005. С. 8; Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М., 2005. С. 207–208.
- ¹⁸ См.: Фумм А. М. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Российской империи (конец XVIII – 70-е годы XIX века). С. 58; Толкаченко Анат., Толкаченко Андр. Из истории военных тюрем в России. С. 99.
- ¹⁹ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 267.
- ²⁰ См.: Познышев С. В. Очерки тюремного дела. М., 1915. С. 44; Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. С. 251.
- ²¹ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 18–19.
- ²² См.: Симонов И. Н. История уголовно-исполнительной системы России – путь к гуманизации // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2004. № 3. С. 38.
- ²³ См.: Шевченко А. Е. Прогрессивно-регрессивная система исполнения уголовных наказаний : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 18–19.
- ²⁴ См.: Там же. С. 21.
- ²⁵ См.: История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М., 2003. С. 467.
- ²⁶ Собрание законодательства СССР. 1930. № 22.
- ²⁷ См.: Сборник нормативных правовых актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.) / сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М., 1959. С. 240–241.
- ²⁸ См.: Детков М. Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. Домодедово, 1992. С. 11; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. Н. В. Петров. М., 2004. Т. 2. С. 99.
- ²⁹ См.: Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начала 1960-х гг. (историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. 1998. С. 193; Детков М. Г. Тюремные, лагеря и колонии России. С. 218; Он же. Особые лагеря МВД // Преступление и наказание. 2002. № 11. С. 29.
- ³⁰ См.: Детков М. Г. Особые лагеря МВД. С. 40.
- ³¹ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. С. 508.
- ³² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971. С. 63.
- ³³ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. М., 2004. С. 328–329.
- ³⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. С. 67–68.

УДК 343.847

О применении к несовершеннолетним уголовного наказания в виде обязательных работ

А. Н. СИРЯКОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук;

Е. О. СИРЯКОВА – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы применения судами и исполнения уголовно-исполнительными инспекциями уголовного наказания в виде обязательных работ в отношении несовершеннолетних; анализируются проблемы, затрудняющие достижение целей данного наказания, в том числе отмечаются ошибки при назначении наказания несовершеннолетним, совершившим совокупность преступлений, сложности при определении (согласовании) вида и объекта работ для несовершеннолетнего уголовно-исполнительными инспекциями и муниципалитетами и др., формулируются предложения по решению данных проблем.

Ключевые слова: назначение обязательных работ; исполнение обязательных работ; несовершеннолетние.

On the practice of the minor criminal punishment in the form of compulsory labor

A. N. SIRYAKOV – Associate Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

E. O. SIRYAKOVA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

This article discusses the use of the courts and the enforcement of criminal executive inspection of criminal punishment in the form of compulsory work to the minors; analyzes the problems that impede the achievement of the purposes of this punishment. It marks mistakes when sentencing minors who have committed a series of crimes, the difficulty in determining the (harmonization) the type and object of work by the minor criminal executive inspection and municipalities, etc., there are formulated proposals to solve these problems.

Keywords: sentencing compulsory labor; the execution of compulsory labor; minors.

Применение в отношении несовершеннолетних уголовных наказаний достаточно давно ориентировано на те из них, что составляют систему уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы. Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в 2014 г., к обязательным работам было приговорено 3965 несовершеннолетних, или 25 % от всех лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в 2015 г. – 3782, или 26 %, за первое полугодие 2016 г. – 2848, или 25 %¹. Как видим, российскими судами

довольно часто назначаются усиленные для несовершеннолетних общественно полезные работы, выполняемые ими в свободное от учебной (трудовой) занятости время. Это выводит указанный вид наказания на второе место после реального лишения свободы. Исполнение обязательных работ уголовно-исполнительными инспекциями совместно с организацией, предоставившей рабочее место осужденному, способствует совершенствованию имеющихся у несовершеннолетнего трудовых навыков и умений, а организуемая воспитательная работа по-

звolyет формировать уважительное отношение к труду и его результатам и предупредить совершение новых правонарушений. Как отмечают специалисты, обязательные работы могут выступать вполне эффективным наказанием². Однако их назначение и исполнение по-прежнему вызывают определенные вопросы, что снижает его эффективность.

Согласно ч. 3 ст. 88 УК РФ, несовершеннолетним назначается наказание в виде обязательных работ на срок от 40 до 160 часов. Однако в судебной практике встречаются случаи вынесения обвинительных приговоров, содержащих решение об уголовном наказании, сроки которого выходят за установленные уголовным законом пределы. Так, мировым судьей судебного участка № 1 г. Прохладного Кабардино-Балкарской Республики несовершеннолетнему осужденному было назначено наказание сроком 180 часов³, Эжвинским районным судом г. Сыктывкара по делу № 22-695/2016 несовершеннолетний был приговорен к 280 часам обязательных работ⁴, в Пермском крае суд первой инстанции в приговоре указал 400 часов⁵, а в Ямало-Ненецком автономном округе наказание было определено не в часах, а в месяцах⁶. Все указанные случаи были связаны с назначением наказания по совокупности преступлений.

Суды исходили из положения о том, что в ст. 89 УК РФ о назначении наказаний несовершеннолетним содержится отсылочная норма, а именно указывается на общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ). Часть 2 ст. 60 УК РФ предоставляет судам возможность назначить более строгое наказание по совокупности преступлений или по совокупности приговоров, что закреплено в статье, предусматривающей наказание за конкретное преступление в соответствии с правилами, установленными ст. 69 УК РФ.

Вышестоящие суды отменяли такие приговоры, указывая, что обязательные работы следует исчислять только в часах, а в случае судебного разбирательства совокупности преступлений – путем частичного сложения назначенного наказания, руководствуясь ч. 3 ст. 88 УК РФ, то есть не превышая 160 часов. Официальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также разрешают данную ситуацию. Как указывается в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 01.02.2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и

наказания несовершеннолетних», при решении вопроса о назначении подсудимому наказания по совокупности преступлений следует исходить из положений ст. 69 без учета ст. 88 УК РФ только в том случае, когда часть преступлений была совершена до достижения лицом совершеннолетнего возраста, а другая – после⁷. Следовательно, во всех иных случаях судам следует назначать обязательные работы в пределах от 40 до 160 часов, а уголовно-исполнительным инспекциям дифференцировать продолжительность отбывания наказания в зависимости от трех возрастных групп: от 14 до 15 лет, от 15 до 16 лет и от 16 до 18 лет.

Особенность данного наказания в отношении несовершеннолетних состоит в том, что законом установлены сниженные, по сравнению с предусмотренными для взрослых, пределы отбывания обязательных работ. Привлекая данных лиц к обязательным работам, следует учитывать ежедневные временные ограничения: несовершеннолетний, не достигший 15-летнего возраста, может отбывать обязательные работы не более двух часов в день, от 15 до 16 лет – не более трех, от 16 до 18 лет – в общем порядке, но не более четырех.

При организации исполнения наказания уголовно-исполнительная инспекция также должна принять во внимание, что несовершеннолетние осужденные привлекаются для выполнения посильных работ. Необходимо учитывать не только место жительства несовершеннолетнего, график его учебы (работы), уровень профессиональных навыков, но и состояние здоровья, возрастные, психологические особенности. К таким работам обычно относят те, что входят в круг обязанностей дворников, уборщиков, разнорабочих. При этом круг организаций, предоставляющих осужденным работу, может быть самым разнообразным: от управляющих компаний до страховых организаций и даже школ⁸.

Исполнению обязательных работ предшествует решение вопросов по согласованию уголовно-исполнительными инспекциями с органами местного самоуправления перечня обязательных работ и объектов для отбывания наказания. Муниципалитеты издают нормативный документ, в котором определяются виды обязательных работ и конкретные учреждения и организации для их отбывания. Выполнение несовершеннолетним обязательных работ должно осуществляться с соблюдением норм трудового законодательства, то есть запрещается

применение труда подростков на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, подземных работах, а также работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных клубах, производство, перевозка спиртных напитков, табачных изделий, токсических препаратов, а также торговля ими).

Однако на практике встречаются случаи, когда местные органы власти по различным причинам не принимают документы, утверждающие перечень обязательных работ и объекты для отбывания наказания, что препятствует работе уголовно-исполнительных инспекций с осужденными. Отдельные муниципалитеты, ссылаясь на Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», утверждают, что исполнение наказания не является вопросом местного значения; осуществление государственных полномочий, не переданных муниципалитету, является правом, а не обязанностью; заявляют об отсутствии на территории муниципального района подведомственных району организаций и учреждений. По искам прокуроров о бездействии ответчика – органа местного самоуправления – судами выносятся безусловные решения, обязывающие муниципалитеты исполнить положения ст. 25 УИК РФ, ст. 49 УК РФ, а также п. 42 Приказа Минюста России от 20.05.2009 г. № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»⁹. В них констатируются нарушение требований действующего законодательства, необеспечение реализации права осужденного на отбывание наказания по месту своего жительства, создание препятствий для деятельности государственных органов по исполнению уголовных наказаний¹⁰.

Из судебной практики известны ситуации, когда муниципалитеты, добросовестно выполнив положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, получали предписания антимонопольного органа о нарушении Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», так как включение в список хозяйствующих субъектов, участвующих в исполнении уголовного наказания, приводит или может привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции. Внесенные

в такой список организации и учреждения оказываются в преимущественном положении по отношению к другим: получают бесплатную рабочую силу, за которую не нужно делать никаких отчислений, требуемых законодательством. Судебными решениями действия муниципалитетов были защищены, а предписания антимонопольного органа признаны незаконными¹¹. Во избежание претензий к муниципалитетам со стороны антимонопольных органов вполне разумным было бы решение вопроса об организации исполнения данного наказания, например, субъектами естественных монополий либо муниципальными организациями. Интересным представляется опыт Италии, где обязательные работы (*lavoro di pubblica utilita'*) отбываются только в муниципальных организациях, учреждениях здравоохранения и социального обслуживания населения, что предусмотрено ч. 3 ст. 168-bis Уголовного кодекса этой страны¹².

Согласно российскому законодательству в отношении несовершеннолетних, которые были трудоустроены в организации для отбывания наказания, сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций совместно с иными заинтересованными лицами проводятся постоянные контрольные мероприятия. Контроль со стороны уголовно-исполнительной инспекции состоит в ежедневной проверке явки путем собирания информации от организаций и учреждений, еженедельном получении информации об отработанном времени и трудовой дисциплине, ежемесячном посещении объектов, на которых организованы обязательные работы. Однако осуществление проверок имеет свою сложность. Нередко осужденные отбывают наказание по вечерам, когда большая часть коллектива организации не работает и фактически некому контролировать осужденного. В этой связи предложение об определении «фронта работ» на весь срок наказания (или его часть) выглядит весьма удачным¹³. Действительно, установление осужденному объемов и сроков выполнения порученных для него работ, проверить которые можно и позже, например, на следующий день либо в течение недели, является оптимальным способом решения проблемы. При этом нормативы и сроки должны быть обязательными и обоснованными. Так, в Постановлении Минтруда России от 24.06.1996 г. № 38 «Об установлении норм обслуживания для рабочих, занятых на работах по санитарному содержанию домов-

ладений» закреплены нормативы работ, которые были рассчитаны на основе фотохронометражных наблюдений, организационно-технических условий выполнения работ, технических характеристик оборудования и других материалов. Например, уборка 1 м² газона (сгребание граблями мусора, листьев, сучьев и других растительных остатков в кучи и транспортировка мусора на расстояние до 100 метров) должна занимать 0,57 мин.¹⁴ Следовательно, уголовно-исполнительные инспекции обязаны контролировать как самих осужденных в части личного выполнения установленного объема обязательных работ, так и места отбывания наказания на предмет определения осужденному объема работ, соответствующего нормативному.

Наряду с осуществлением контрольных функций уголовно-исполнительные инспекции обязаны проводить воспитательную и социальную работу с осужденными весь период исполнения наказания. С учетом учебной (трудовой по основному месту работы) занятости осужденного обеспечить реализацию принципов «связи воспитания с жизнью и трудом» и единства воспитательного воздействия представляется для сотрудников инспекции затруднительным. В то же время грамотно спланированная и организованная воспитательная работа в сфере трудового воспитания может способствовать добросовестному исполнению осужденным обязанностей по отбыванию наказания и, как следствие, своевременному освобождению от наказания и предупреждению совершения новых преступлений. Поэтому представляется важным сотрудничество уголовно-исполнительных инспекций с представителями гражданского общества как полноценными участни-

ками исправительно-предупредительного процесса в отношении несовершеннолетних осужденных.

Видится актуальным и продолжение работы по совершенствованию мер воспитательного воздействия на осужденных к обязательным работам, в частности мер поощрения. Сегодня законодательные положения не содержат правовых норм, стимулирующих правопослушное поведение осужденного, по аналогии с мерами поощрения осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Уголовный закон регулирует вопросы освобождения не только от уголовной ответственности несовершеннолетнего, но и от наказания. Однако в период отбывания обязательных работ осужденным стремиться к досрочному освобождению от наказания бессмысленно, так как обязательные работы не указаны в ст. 79, 80 и 93 УК РФ об условно-досрочном освобождении и замене неотбытой части наказания более мягким.

Таким образом, обязательные работы в системе мер уголовно-правового характера достаточно широко применимы, но практика их реализации выявляет проблемы, затрудняющие достижение целей данного наказания: суды по-прежнему допускают ошибки при назначении наказания несовершеннолетним, совершившим совокупность преступлений; уголовно-исполнительные инспекции и муниципалитеты испытывают сложности при определении (согласовании) вида и объекта работ для несовершеннолетнего, не отлажена система организации исправительно-предупредительного процесса с осужденными. Для разрешения данных вопросов нами и были предложены к дальнейшему обсуждению указанные выше положения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 10.10.2016).

² См.: Лядов Э. В. О применении к несовершеннолетним видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2. С. 80.

³ См.: Постановление Президиума Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 14.04.2016 г. № 44у-16/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

⁴ См.: Обзор апелляционной практики по уголовным делам за март 2016 года Верховного суда Республики Коми. URL: <http://komi7.org/2014/03/31/k7527.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

⁵ См.: Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cg> (дата обращения: 09.09.2016).

⁶ См.: Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном

¹ См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 10.10.2016).

² См.: Лядов Э. В. О применении к несовершеннолетним видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2. С. 80.

³ См.: Постановление Президиума Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 14.04.2016 г. № 44у-16/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

⁴ См.: Обзор апелляционной практики по уголовным делам за март 2016 года Верховного суда Республики Коми. URL: <http://komi7.org/2014/03/31/k7527.htm> (дата обращения: 02.09.2016).

⁵ См.: Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2015 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cg> (дата обращения: 09.09.2016).

⁶ См.: Обзор практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа уголовных дел в апелляционном

порядке за 1 квартал 2015 г. URL: <http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules> (дата обращения: 05.09.2016).

⁷ См.: URL: <http://base.garant.ru/12182757/> (дата обращения: 10.09.2016).

⁸ См.: Постановление Администрации муниципального района «Шилкинский район» от 16.06.2016 г. № 268 «Об утверждении перечня организаций и видов обязательных работ для отбывания осужденными без изоляции от общества». URL: <http://оош-новоберезовское.шилкинский.рф/dokumenty-administratsiya-rajona> (дата обращения: 05.09.2016); Постановление Администрации города Белокуриха от 10.01.2012 г. № 3 «Об определении видов обязательных работ, объектов, на которых они отбываются, мест отбывания наказания в виде исправительных работ». URL: <http://7law.info/altajsky/act4k/s246.htm> (дата обращения: 05.09.2016).

⁹ См.: Российская газета. 2009. 14 авг.; 2014. 5 сент.

¹⁰ См.: Апелляционные определения Камчатского краевого суда от 20.09.2012 г. по делу № 33-1191/2012, Волгоградского областного суда от 07.02.2014 г. по делу № 33-1711/2014, Верховного суда Республики Калмыкия от 24.04.2014 по делу № 33-283/2014, Верховного суда Республики Карелия от 22.01.2016 г. № 33-293/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

¹¹ См.: Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 21.02.2013 г. по делу № А65-24052/2012; Постановление Седьмого апелляционного арбитражного суда от 05.10.2011 г. по делу № А44-6022/2011. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

¹² См.: Codice Penale. Approvato con regio decreto 19 ottobre 1930, n. 1398 (Edizione 2016). URL: <https://www.studiocataldi.it/codicepenale> (дата обращения: 23.10.2016).

¹³ См.: Грушин Ф. В., Боярченко О. В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 83.

¹⁴ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/9026520> (дата обращения: 24.10.2016).

за 1 квартал 2015 г. URL: <http://oblsud.ynao.sudrf.ru/modules> (дата обращения: 05.09.2016).

⁷ См.: URL: <http://base.garant.ru/12182757/> (дата обращения: 10.09.2016).

⁸ См.: Postanovlenije Administracii municipal'nogo rajona «Shilkinskij rajon» ot 16.06.2016 g. № 268 «Ob utverzhdenii perechnja organizacij i vidov objazatel'nyh rabot dlja otbyvaniya osuzhdennymi bez izoljacji ot obshhestva». URL: <http://оош-новоберезовское.шилкинский.рф/dokumenty-administratsiya-rajona> (дата обращения: 05.09.2016); Postanovlenije Administracii goroda Belokuriha ot 10.01.2012 g. № 3 «Ob opredelenii vidov objazatel'nyh rabot, ob#ektov, na kotoryh oni otbyvajutsja, mest otbyvaniya nakazaniya v vide ispravitel'nyh rabot». URL: <http://7law.info/altajsky/act4k/s246.htm> (дата обращения: 05.09.2016).

⁹ См.: Rossijskaja gazeta. 2009. 14 avg.; 2014. 5 sents.

¹⁰ См.: Apelljacionnye opredelenija Kamchatskogo kraevogo suda ot 20.09.2012 g. po delu № 33-1191/2012, Volgogradskogo oblastnogo suda ot 07.02.2014 g. po delu № 33-1711/2014, Verhovnogo suda Respubliki Kalmykija ot 24.04.2014 po delu № 33-283/2014, Verhovnogo suda Respubliki Karelija ot 22.01.2016 g. № 33-293/2016. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

¹¹ См.: Postanovlenije Odinnadcatogo Arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 21.02.2013 g. po delu № А65-24052/2012; Postanovlenie Sed'mogo apelljacionnogo arbitrazhnogo suda ot 05.10.2011 g. po delu № А44-6022/2011. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 02.09.2016).

¹² См.: Codice Penale. Approvato con regio decreto 19 ottobre 1930, n. 1398 (Edizione 2016). URL: <https://www.studiocataldi.it/codicepenale> (дата обращения: 23.10.2016).

¹³ См.: Grushin F. V., Bojarchenkova O. V. Objazatel'nye raboty v Rossijskoj Federacii: faktory pojavlenija, nekotorye problemy i puti ih reshenija // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 1 (92). С. 83.

¹⁴ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/9026520> (дата обращения: 24.10.2016).

УДК 343.8

Вопросы реализации механизма оставления в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия

Е. В. ХРАБРОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Е. В. ЧЕРНЫШЕНКО – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы реализации механизма оставления лиц, достигших 18 лет, для дальнейшего отбывания наказания в воспитательных колониях и особенности организации воспитательной работы с данной категорией осужденных.

Ключевые слова: несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы; воспитательная работа; получение среднего профессионального и высшего образования; ресоциализация осужденных; предоставление длительных свиданий; выезды за пределы воспитательной колонии.

Implementation Issues of mechanism of leaving young offenders sentenced to imprisonment in the age of maturity

E. V. KHRABROVA – Assistant Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

E. V. CHERNYSHENKO – Senior Lecturer of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

This article discusses the implementation of the mechanism of leaving persons who have attained the age of 18 for further punishment in educational colonies, and especially the organization of educational work with this category of prisoners.

Keywords: minors sentenced to imprisonment; educational work; secondary vocational and higher education; resocialization of convicts; provision of long-term visits; trips outside the educational colony.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы большое внимание уделяется особенностям исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Прилагается немало усилий для улучшения условий содержания в воспитательных колониях, разрабатываются и внедряются различные методики работы с этой категорией осужденных, направленные на предотвращение в дальнейшем противоправного поведения с их стороны. Вместе с тем не следует забывать, что законодатель предусмотрел возможность содержания в воспитательных колониях не только несовершеннолетних, но и лиц, достигших 18 лет, с целью закрепления достигнутых результатов исправления. Однако на законодательном уровне практически не урегулированы ни вопросы реализации данного механизма, ни особенности организации работы с указанной категорией осужденных.

Оставление в воспитательной колонии положительно характеризующихся лиц, достигших 18-летнего возраста, позволяет:

- мотивировать осужденного к правоопослушному поведению, планировать будущее;
- обеспечить преемственность проводимых сотрудниками психолого-педагогических мероприятий, реализовать в полной мере поставленные цели ресоциализации осужденного;
- экономить времени сотрудникам для изучения и составления социально-демографической, уголовно-правовой, криминологической и индивидуально-психологической характеристики (она уже составлена на

первоначальном этапе отбывания наказания);

- строить дальнейшую работу на основе уже полученных результатов по итогам психолого-педагогических мероприятий;

- формировать и поддерживать благоприятный социально-психологический климат в среде осужденных, понимать причины происходящих положительных или негативных явлений;

- опираться на установившиеся отношения между сотрудниками и осужденными, что является важным аспектом, поскольку имеющиеся особенности интеллектуального развития и проблемы коммуникации осужденных затрудняют возникновение новых контактов, процесс привыкания к другой среде;

- использовать более широкие возможности социальной среды колонии для проведения воспитательной, психологической и социальной работы (наличие культурно-спортивных комплексов, образовательных организаций общего и профессионального образования, привлечение к воспитательной работе известных спортсменов, актеров, музыкантов и др.).

В этой связи нельзя недооценивать значимость данной меры в практической деятельности воспитательных колоний. Проведенное специалистами ВИПЭ ФСИН России анкетирование сотрудников воспитательных колоний (88 чел.), показало, что 89,5 % респондентов считают необходимым оставлять положительно характеризующихся осужденных, достигших 18 лет, в воспитательных колониях в том случае, если они до достижения 19 лет освободятся из ис-

правительного учреждения. Они обосновывают свою позицию такими аргументами, как исключение заражения уголовными традициями и расширения криминального опыта в исправительной колонии общего режима; оказание положительного влияния на несовершеннолетних осужденных; получение общего и профессионального образования, навыков трудовой деятельности; закрепление достигнутых результатов по формированию правопослушного поведения; появление дополнительного мотива для осознания и осмысления собственного преступного поведения и формирования просоциальной субъектной позиции.

Небольшая часть сотрудников (10,5 %) не считает нужным оставлять данную категорию осужденных, обосновывая это тем, что они оказывают негативное влияние на несовершеннолетних, придерживаются норм криминальной субкультуры и распространяют ее, поэтому должны быть переведены в колонию общего режима по достижении ими 18 лет.

По мнению сотрудников воспитательных колоний, при решении рассматриваемого вопроса необходимо учитывать такие критерии, как отсутствие взысканий и наличие поощрений; трудоустройство в учреждении и добросовестное отношение к своей работе; соблюдение правил внутреннего распорядка; наличие мотивации освободиться условно-досрочно; активное участие в культурно-массовых мероприятиях; получение общего или(и) профессионального образования, добросовестное отношение к учебе; поддержание социально полезных связей; наличие позитивных планов на будущее (получать образование, профессию, трудоустроиться, завести семью и т. п.); доброжелательные отношения с другими осужденными, а также сотрудниками воспитательной колонии; отказ от криминальных традиций; соблюдение этических правил общения и поведения; наличие положительной динамики при прохождении психокоррекционных программ; стремление к самовоспитанию, дисциплинированность и др.

Как показало исследование, проблемным вопросом является обеспечение полезной занятости совершеннолетних осужденных, оставленных в воспитательных колониях. В настоящее время проводятся индивидуальные, групповые и массовые формы воспитательной, психологической и социальной работы: беседы воспитательного характера, лекции, школа подготовки к освобождению, конкурсы, диспуты, спортивные меропри-

ятия, психологические тренинги, профориентационные мероприятия, получение общего и профессионального образования, родительские конференции, родительский комитет, посещение культурных и спортивных мероприятий за пределами колонии; трудовая деятельность; внеклассные мероприятия в школе, то есть реализуются все те мероприятия, что и с несовершеннолетними осужденными.

Таким образом, с целью устранения возможных предпосылок негативного поведения со стороны рассматриваемой категории осужденных в период дальнейшего отбывания наказания следует внимательно отнестись именно к вопросам организации воспитательной работы, что позволит в ходе различных мероприятий контролировать возможные намерения совершения противоправных действий с их стороны и своевременно реагировать на такие проявления. Отдавая предпочтение тем или иным направлениям и формам организации воспитательных мероприятий, следует учитывать индивидуальные особенности каждого осужденного, а также ориентироваться на отличительные характеристики в целом рассматриваемой группы лиц¹.

Результаты исследования также свидетельствуют о том, что анализируемая категория осужденных достаточно положительно влияет на остальных осужденных, а значит, следует уделять значительное внимание вопросам проведения совместных мероприятий с участием как оставленных по достижении 18 лет, так и несовершеннолетних осужденных. В ходе таких мероприятий возможно возлагать на рассматриваемую категорию лиц обязанности по руководству группой несовершеннолетних осужденных, например, посредством организации командных интеллектуальных, спортивных игр, тем самым прививая чувство ответственности таким осужденным, формируя организаторские способности.

Вместе с тем 18–19 лет (период поздней юности) – это возраст, когда ведущей становится профессиональная деятельность, это время выбора и овладения профессией, приобретения экономической ответственности, полного включения во все виды социальной и общественной жизни страны. На этой стадии развития молодой человек учится строить свои отношения по-взрослому. Для этого ему необходимы не только социальная, но и пространственная независимость, неприкосновенность своего личного пространства.

На этом этапе происходит становление индивидуальности, самобытности личности, осуществляется рефлексия жизни, вырабатывается критическое отношение к способу существования и выстраивается собственная жизненная траектория². Все это актуализирует проявление важнейших и часто противоречивых потребностей юношеского возраста – в общении, уединении, достижениях (в профессии, учебной деятельности, спорте, общественной деятельности, увлечениях, сфере интимных отношений и др.).

Юношеский возраст характеризуется социальной активностью, то есть проявлением заинтересованности не только в том, что происходит в коллективе, но и в поселке, городе, стране, мире, и предполагает участие в социальных процессах и изменении окружающих социальных условий. Через приобщение к различным видам деятельности и овладение полным комплексом социальных функций человек впервые осознает себя потенциальным автором собственной биографии, принимает персональную ответственность за свое будущее. Особое значение приобретает общение с «общественным взрослым» (В. А. Слободчиков), учителем, мастером, наставником, который собственным примером формирует отношение к существующим правилам, принципам, способам организации деятельности во всех видах социально-культурной жизни – в профессии, науке, искусстве, религии, морали, праве³.

Кроме того, этот период, как отмечает И. А. Зимняя, отличается наиболее высоким уровнем познавательной мотивации, коммуникативной активности, потребностью в получении новой информации, стремлением к творческому освоению научных знаний⁴.

Таким образом, возникает противоречие между потребностями возраста поздней юности в получении профессионального образования, достижениях в трудовой, учебной, спортивной и других видах деятельности, в становлении самостоятельности и независимости и возможностями их реализовать в воспитательной колонии. Трудности возникают при трудоустройстве совершеннолетних осужденных на территории исправительного учреждения, при организации среднего профессионального и высшего образования с помощью дистанционных образовательных технологий. Объективно трудно учесть индивидуальные способности и желания совершеннолетнего осужденного. Как считал А. С. Макаренко, стратегия воспитания должна состоять в организации об-

раза жизни воспитанников, создании нравственно здоровой среды⁵. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о возможности получения среднего профессионального и высшего образования в очной форме по востребованным на рынке труда специальностям и трудоустройства в учреждениях и на предприятиях города (населенного пункта). Все это ускорило бы процесс ресоциализации совершеннолетнего осужденного, он получал бы навыки общения и профессиональной деятельности непосредственно на свободе. Кроме того, по мнению опрошенных нами сотрудников, а также ряда исследователей, в целях закрепления результатов работы с осужденными необходимо расширение практики применения предоставления отпусков по месту жительства и проведения длительных свиданий за пределами воспитательных колоний⁶.

Обратимся к вопросу порядка оставления осужденного, достигшего возраста 18 лет, в воспитательной колонии.

Положения ст. 139 УИК РФ не предусматривают обязательность получения заявления от осужденного, достигшего 18-летнего возраста, об оставлении его для дальнейшего отбывания наказания в воспитательной колонии, что является, на наш взгляд, неправильным. Необходимо предусмотреть на законодательном уровне обязательность получения такого заявления от осужденного в письменной форме, так как он уже является совершеннолетним и способен самостоятельно изъявлять свое желание или нежелание остаться для отбывания наказания в воспитательной колонии.

Следовательно, такое заявление должно подаваться осужденным через начальника отряда, который готовит необходимые документы, содержащие сведения о поведении осужденного в период отбывания наказания. К числу таких документов могут относиться: характеристика, справка о трудоустройстве осужденного в колонии в период отбывания наказания, справка о наличии или отсутствии иска и сведениях о его погашении, справка о поощрениях и взысканиях за период отбывания наказания. Заявление, поданное осужденным, следует первоначально рассмотреть на заседании совета воспитателей отряда, по результатам которого будет принято решение поддержать или не поддержать заявление осужденного.

Далее заявление, документы, выписка из протокола заседания совета воспитателей отряда с решением по заявлению должны быть переданы на рассмотрение учеб-

но-воспитательного совета для принятия решения о целесообразности оставления осужденного, достигшего 18 лет, для дальнейшего отбывания наказания в воспитательной колонии. Решение комиссии носит рекомендательный характер для начальника воспитательной колонии. Окончательное решение принимает начальник учреждения, оформляя его постановлением, которое должно быть согласовано с прокурором.

Резюмируя, необходимо отметить, что одним из наиболее важных направлений деятельности воспитательной колонии в отношении осужденных, достигших 18 лет и оставленных в учреждении для дальнейшего отбывания наказания, является организация воспитательной работы. Законодатель не определяет каких-либо норм, регламентирующих данный вид деятельности, отличных от работы с несовершеннолетними. Вместе с тем рассматриваемая категория осужденных обладает определенными отличительными характеристиками, которые следует учитывать при выборе направлений и форм воспитательных мероприятий. Как показали результаты исследования, не все сотрудники воспитательных колоний, опираясь на опыт работы с такими осужденными, положительно оценивают возможность их оставления в колонии, так как встречаются факты осложнения обстановки в учреждении именно ввиду негативного влияния данных лиц на несовершеннолетних осужденных. Однако большинство опрошенных отмечает целесообразность и необходимость такой практики.

Ввиду того что у рассматриваемой категории осужденных достаточно активно проявляется стремление к получению образования и профессии как в пределах воспитательной колонии, так и после освобождения, необходимо уделять значительное внимание вопросам создания условий для их обучения и саморазвития. Следует как можно чаще организовывать выходы с такими осужденными за пределы учреждения с целью посещения культурно-массовых мероприятий, а также знакомства с образовательными организациями, например, в дни открытых дверей в высших учебных заведениях. Это позволит осужденным познакомиться наглядно с возможными направлениями дальнейшей деятельности после освобождения из колонии, а также определиться с выбором будущей профессии. Несмотря на то что законодательно на сегодняшний день возможность очного обучения осужденных, оставленных в воспитательных колониях по достижении 18 лет, в образовательных организациях и трудоустройства за пределами учреждений не предусмотрена, на наш взгляд, такая практика может положительно отразиться на дальнейшей ресоциализации данной категории лиц после освобождения. С этой целью возможно организовывать выходы за пределы колонии в сопровождении представителей администрации учреждения, которые смогут осуществлять надзор за осужденным в момент его нахождения в образовательной организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белоус В. Г., Голодов П. В. О проблемах пенитенциарной педагогики // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 164–169.

² См.: Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе : учеб. пособие для вузов. М., 2000. С. 195.

³ См.: Там же. С. 328.

⁴ См.: Зимняя И. А. Развитие личности как субъекта деятельности // Эксперимент и инновации в школе. 2010. № 3. С. 37–41.

⁵ См.: Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М., 1983. Т. 5. С. 14.

⁶ См.: Голодов П. В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С. 26–33.

¹ См.: Belous V. G., Golodov P. V. O problemah penitenciarnej pedagogiki // Mir politiki i sociologii. 2016. № 3. S. 164–169.

² См.: Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Osnovy psihologicheskoy antropologii. Psihologiya razvitiya cheloveka: razvitiye sub#ektivnoj real'nosti v ontogeneze : ucheb. posobie dlja vuzov. M., 2000. S. 195.

³ См.: Там же. S. 328.

⁴ См.: Zimnjaja I. A. Razvitiye lichnosti kak sub#ekta dejatel'nosti // Jeksperiment i innovacii v shkole. 2010. № 3. C. 37–41.

⁵ См.: Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochinenija : v 8 t. M., 1983. T. 5. S. 14.

⁶ См.: Golodov P. V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 18. S. 26–33.

Социокультурная и воспитывающая среда как средство профилактики криминальной субкультуры в местах лишения свободы

Л. А. ЛАТЫШЕВА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

А. В. КАТАНОВ – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются вопросы профилактики криминальной субкультуры в пенитенциарном учреждении; рассматривается процесс формирования право-послушной личности осужденного посредством организации социокультурной и воспитывающей среды в местах лишения свободы; делается акцент на создании в исправительном учреждении условий, обеспечивающих эффективную ресоциализацию осужденного.

Ключевые слова: социокультурная и воспитывающая среда; исправление осужденных; криминальная субкультура; профилактика криминальной субкультуры; ресоциализация осужденных к лишению свободы.

The socio-cultural and educative environment as a means of preventing criminal subculture in prisons

L. A. LATYSHEVA – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

A. V. KATANOV – Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the issues of prevention of criminal subculture in prison; it considers the process of formation of law-abiding person through the organization of socio-cultural and educative environment in the prison; it emphasis on creating in prison the conditions providing effective re-socialization of the convicts.

Key words: socio-cultural and educative environment; correction of convicts; criminal subculture; prevention of criminal subculture; resocialization of convicts.

Лишение свободы является наиболее распространенным видом наказания, применяемым на практике. По состоянию на 1 сентября 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 645 350 чел. За последние годы наметилась тенденция к увеличению количества осужденных, которые осуждены к лишению свободы повторно. В 2015 г. численность таких лиц составила 199 472 чел. В предыдущие годы этот показатель был ниже: в 2003 г. – 154 508 чел., в 2004 г. – 125 729 чел., в 2006 г. – 144 045 чел., в 2009 г. – 156 123 чел., в 2012 г. – 198 453 чел.¹ При этом повторные престу-

пления характеризуются повышенной общественной опасностью, достаточно большой распространенностью и устойчивостью.

Несмотря на то что одной из целей отечественного уголовно-исполнительного законодательства (ст. 9 УИК РФ) является исправление осужденных, то есть формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, рост рецидивной преступности свидетельствует о малоэффективности процесса исправления осужденных в местах лишения

свободы и их неготовности после освобождения включиться в систему общественных отношений, не нарушая норм уголовного законодательства².

Таким образом, деятельность уголовно-исполнительной системы в части исправления осужденных требует выявления причин повторного совершения преступлений и поиска оптимальных путей снижения уровня рецидивной преступности.

Проанализировав научные труды Ю. М. Антоняна, Е. Г. Багреевой, А. И. Мокрецова, А. Н. Пастушени, О. В. Старкова, В. В. Тулегенова, И. Б. Ускачевой, Ф. Р. Хисамутдинова, А. Е. Шалагина, В. В. Шемякиной, В. Е. Южанина, мы пришли к выводу о том, что в исправительных учреждениях нарушена социокультурная среда, которая и является препятствием для реализации целей уголовно-исполнительного законодательства.

А. И. Мокрецов также указывает, что «достижение позитивных перемен в деятельности уголовно-исполнительной системы заставляет нас обращаться к изучению обстоятельств, которые непосредственно не сопряжены с программой ресоциализации преступников, между тем самым существенным образом определяют их конечный результат»³.

В исправительных учреждениях условия отбывания наказания должны способствовать ресоциализации, а не закреплению антисоциального поведения. Нормы же криминальной субкультуры являются неформальными и нацеливают осужденного на применение криминальных и насильственных способов разрешения жизненных проблем.

Опрос сотрудников практических органов также подтвердил наше теоретическое заключение о том, что в исправительных учреждениях присутствуют нормы криминальной субкультуры, ценности которой прямо противоречат нормам, установленным в социуме. Так, по результатам анкетирования сотрудников исправительных учреждений, 31 % респондентов (282 чел.) в качестве препятствия обеспечению исправительного воздействия на осужденных в местах лишения свободы и причин высокой рецидивной преступности выделил негативное влияние традиций криминальной субкультуры⁴.

Под криминальной субкультурой понимается совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение

преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности⁵.

Система криминальной субкультуры в местах лишения свободы представляет собой совокупность созданных преступным миром принципов и атрибутов, являющихся эталоном поведения: «не сотрудничать с администрацией», «не доносить», «не покидать своего спального места без разрешения авторитетов», «не занимать свободное место за столом», «табель о рангах», «общак», уголовный жаргон, клички, татуировки, прописка, клятвы и т. д.

Ю. И. Блохин по степени идентификации себя с преступным миром выделяет четыре неформальных категории осужденных:

- 1) идентифицирующие себя с преступным миром («блатные»);
- 2) нейтрально относящиеся к преступному миру («мужики»);
- 3) отрицательно относящиеся к преступному миру («активисты»);
- 4) отвергнутые преступным миром («обиженные»)⁶.

Количество осужденных, относящихся к первым двум группам, значительно превышает общее число лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы⁷.

Таким образом, большинство осужденных придерживается норм криминальной субкультуры, а также активно использует их в своей жизнедеятельности, что свидетельствует о причинах снижения потенциала деятельности уголовно-исполнительной системы и принятии осужденными норм криминальной субкультуры как при отбытии наказания, так и после освобождения. Следовательно, вопросы профилактики криминальной субкультуры в исправительных учреждениях являются актуальными.

На наш взгляд, целесообразно изменить подход к организации среды исправительного учреждения, то есть необходимо создать особую среду, обеспечивающую эффективную ресоциализацию осужденного в условиях изоляции. Под средой понимается то, что окружает осужденного: социально-бытовые условия, обстановка, совокупность людей, связанных общностью этих условий, система отношений⁸. От условий, созданных в учреждении, зависят психоэмоциональное состояние осужденных, микроклимат в коллективе, мотивация на исправление, поэтому необходимо наполнить среду ценностями и нормами, поддерживающими процесс повторной социализации в условиях изоляции и подготовки осужденных к право-послушной жизни после освобождения. В

этой связи формирование социокультурной и воспитывающей среды в пенитенциарный период позволит минимизировать негативные проявления и последствия криминальной субкультуры.

Под социокультурной и воспитывающей средой понимается спектр социальных, культурных, воспитательных, педагогических и иных факторов, способствующих успешной ресоциализации осужденного⁹.

В общем виде такая среда должна включать следующие компоненты:

1. Социально-образовательную деятельность, предусматривающую проведение профориентационной работы с осужденными, содействие им в получении профессионального образования, оказание помощи в обучении и переобучении, повышении их квалификации.

2. Социально-трудовую деятельность, предполагающую как привлечение осужденных к труду на производстве (трудоустройство в период отбывания наказания), так и включение осужденных в непрофессиональные виды деятельности (хозяйственная деятельность, работа в творческих мастерских). Вовлечение осужденных в трудовую деятельность способствует получению ими профессии, повышению квалификации, что важно для подготовки к жизни на свободе.

3. Создание условий для полезного времяпровождения, содействие организации свободного времени осужденных (социально-культурная и спортивно-оздоровительная деятельность, мероприятия по формированию установок на здоровый образ жизни). Особое внимание уделяется организации досугово-творческой деятельности осужденных и включению их в позитивно ориентированные виды деятельности, под которыми понимается творческая, трудовая, социальная деятельность, способствующая саморазвитию, активности и самостоятельности осужденных. Однако эффективность воспитательной работы зависит не только от количества проведенных мероприятий, но и от качества проделанной работы. Данные мероприятия должны в первую очередь формировать социально значимые умения и навыки, способствовать становлению активной позиции осужденного. Важно подготовить осужденного к самостоятельному применению навыков и умений, которые он получил во время отбывания наказания. Еще А. С. Макаренко отмечал, что каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Нужно не

оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться¹⁰.

4. Развитие и внедрение в практическую деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы современных технологий воспитательной работы с осужденными к лишению свободы.

5. Выстраивание системы социального партнерства и сотрудничества подразделений исправительного учреждения с различными социальными институтами (семья, социальные службы и учреждения, благотворительные и общественные организации и т. д.) с целью ресоциализации осужденных.

6. Укрепление и восстановление социально полезных связей с родственниками и близкими осужденного.

7. Разработку специальных комплексных программ подготовки осужденных к освобождению.

8. Режим исправительного учреждения. Более половины сотрудников исправительных учреждений (52,1 %) отметили, что наиболее эффективно на процесс исправления осужденных влияет именно режим, поскольку способствует активному участию во всех мероприятиях, выполнению правил санитарии и гигиены, бережному отношению к общественной собственности, обеспечивает эффективное применение других средств исправления¹¹.

9. Формирование альтернативных асоциальным традициям обычаев, в основу которых положены общечеловеческие идеалы и ценности.

Особое внимание необходимо обратить на профилактику криминальной субкультуры у таких категорий осужденных, как несовершеннолетние, лица, страдающие алкогольной и наркотической зависимостью, имеющие психические отклонения. Данные осужденные менее самостоятельны в выборе индивидуальной линии поведения, более подвержены групповым нормам, которые в исправительном учреждении в основном носят деструктивный характер.

Подводя итог, отметим, что в местах лишения свободы необходимо организовать особую среду, обеспечивающую эффективную ресоциализацию осужденного. Среда должна быть многокомпонентной, развивающей познавательные возможности и социальный опыт осужденного, включать комплекс воспитательных, педагогических и образовательных условий. Следует акцентировать внимание на выборе приемлемого стиля поведения сотрудниками колонии, на-

целенного на соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание. В этой связи целесообразно закрепить по-

нятие «социокультурная и воспитывающая среда» в действующем уголовно-исполнительном законодательстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.rf> (дата обращения: 10.11.2016).

² См.: Белоус В. Г., Голодов П. В. О проблемах пенитенциарной педагогики // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 164–169.

³ Культура наказания, или социокультурные аспекты пенитенциарной практики / под общ. ред. Е. Г. Багреевой. М., 2013. С. 59.

⁴ Анкетирование проводилось среди сотрудников подразделений по воспитательной и социальной работе в исправительных учреждениях общего, строгого и особого режимов в 30 регионах Российской Федерации.

⁵ См.: Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореф. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 9.

⁶ См.: Блохин Ю. И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 33–34.

⁷ См.: Старков О. В. Криминальная субкультура : спецкурс. М., 2010. С. 174.

⁸ См.: Циулина М. В. Средовой подход в патриотическом воспитании // Молодой ученый. 2011. № 3. С. 160.

⁹ См. подр.: Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 13.

¹⁰ См.: Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. / сост. Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М., 1985. Т. 5. С. 457.

¹¹ См.: Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. С. 112.

¹ См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.rf> (дата обращения: 10.11.2016).

² См.: Belous V. G., Golodov P. V. O problemah penitenciarnej pedagogiki // Mir politiki i sociologii. 2016. № 3. S. 164–169.

³ Kul'tura nakazaniya, ili sociokul'turnye aspekty penitenciarnej praktiki / pod obshh. red. E. G. Bagreevoj. M., 2013. S. 59.

⁴ Anketirovanie provodilos' sredi sotrudnikov podrazdelenij po vospitatel'noj i social'noj rabote v ispravitel'nyh uchrezhdenijah obshhego, strogogo i osobogo rezhimov v 30 regionah Rossijskoj Federacii.

⁵ См.: Tulegenov V. V. Kriminal'naja subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie : avtoref. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2003. S. 9.

⁶ См.: Blohin Ju. I. Organizacionno-pravovye mery nejtralizacii negativnogo vlijanija grupp osuzhdennyh otricatel'noj napravlenosti v tjur'mah : dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 1999. S. 33–34.

⁷ См.: Starkov O. V. Kriminal'naja subkul'tura : speckurs. M., 2010. S. 174.

⁸ См.: Ciulina M. V. Sredovoj podhod v patrioticheskom vospitanii // Molodoj uchenyj. 2011. № 3. S. 160.

⁹ См. подр.: Latysheva L. A. Problemy resocializacii osuzhdennyh k lisheniju svobody: ugovovno-ispolnitel'nyj i kriminologicheskij aspekty : avtoref. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2015. S. 13.

¹⁰ См.: Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochinenija : v 8 t. / sost. L. Ju. Gordin, A. A. Frolov. M., 1985. T. 5. S. 457.

¹¹ См.: Latysheva L. A. Problemy resocializacii osuzhdennyh k lisheniju svobody: ugovovno-ispolnitel'nyj i kriminologicheskij aspekty. S. 112.

УДК 343.133:343.82

Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства о побоях: проблемы реализации в условиях исправительных учреждений

Л. А. КОЛПАКОВА – заместитель начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ю. Н. СПИРИДОНОВА – начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы, возникающие в связи с частичной декриминализацией побоев, появлением нового специального состава данного деяния применительно к проблемам обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: побои; уголовно-процессуальная деятельность; рапорт; проверка сообщений о преступлениях.

Novels of criminal and criminal-procedural legislation of beatings: problems of implementation in prison settings

L. A. KOLPAKOVA – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

YU. N. SPIRIDONOVA – Head of the of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with issues arising in connection with the partial decriminalization of the beatings, the advent of a new special formulation of the act in relation to the problems of security of the correctional system.

Key words: beatings; criminal procedure; report; test reports of crimes.

На основании ч. 1 ст. 40 УПК РФ Федеральная служба исполнения наказаний является органом дознания. Хотя уголовно-процессуальная деятельность осуществляется в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы эпизодически, ряд проблем законодательной регламентации и правоприменения в данной сфере по-прежнему остается неразрешенным.

Как известно, несмотря на мероприятия, проводимые сотрудниками для поддержания установленного режима исполнения наказаний, среди осужденных в силу их коллективного содержания случаются конфликты, в ходе которых они могут причинять друг другу вред здоровью той или иной степени тяжести либо наносить побои. На основании Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной приказом Минюста России от 11.07.2006 г. № 250, все поступающие сообщения о преступлениях должны регистрироваться в Книге регистрации сообщений о преступлениях, а информация о происшествиях – в Журнале регистрации информации о происшествиях. Подчиняясь нормам криминальной субкультуры, осужденные крайне редко заявляют о посягательствах на их здоровье.

Чаще всего информация о наличии у осужденных телесных повреждений поступает из медицинской части. Выявление у них травм, которые могут свидетельствовать среди прочего о совершении в отношении них насильственных действий, может осуществляться уже с момента прибытия в исправительное учреждение, далее – при

помещении в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, запираемые помещения, карцеры (в ходе ежедневных проверок и медицинских осмотров); при переводах из одного учреждения в другое, убытии из учреждения, а также самостоятельном обращении пострадавших в медчасть. Согласно п. 11 и 14 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений¹, осужденные не имеют права уклоняться от прохождения медицинских осмотров (освидетельствований) и необходимых обследований, что является одним из средств обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы.

В совместном Приказе Минздравсоцразвития Российской Федерации № 640, Минюста России № 190 от 17.10.2005 г. (с изм. от 06.06.2014 г.) «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу»² форма письменного сообщения строго не регламентирована. Тем не менее на медицинского работника, который проводил освидетельствование и обнаружил признаки телесных повреждений, возлагается обязанность рапортом проинформировать не только начальника учреждения, но и прокурора, осуществляющего надзор (п. 28). Из буквального смысла п. 38 и 56 приказа следует, что такое сообщение необходимо только в том случае, если у лица, проводящего освидетельствование, возникнет подозрение в том, что повреждения на теле или функциональное расстройство здоровья возникли вследствие противоправных действий. Таким образом, фактически на медицинского работника возлагается обязанность юридической

оценки фактов, что явно выходит за границы его компетенции. Более того, считаем, что это создает почву для сокрытия фактов умышленного причинения осужденным телесных повреждений от учета, регистрации, в том числе и по причине добросовестного заблуждения медика относительно определения происхождения травмы.

Необходимо скорректировать формулировки п. 38 и 56, приведя их в соответствие с нормами УПК РФ. В частности, следует указать, что в каждом случае объективного выявления признаков причинения лицу телесных повреждений и (или) возникшего вследствие внешнего воздействия расстройства здоровья медицинский работник обязан сообщить об этом рапортом руководителю учреждения, который должен организовать проверку данного сообщения и в случае установления признаков противоправных действий сообщить надзирающему прокурору. Отметим, что в целях предотвращения и пресечения попыток сокрытия от учета и регистрации уголовно наказуемых деяний, подобных рассматриваемым, прокурор имеет право изучить и сопоставить ряд документальных источников, где содержится соответствующая информация. Это могут быть журналы записи на амбулаторный прием (имеются у начальников отрядов), журналы регистрации амбулаторных больных (непосредственно в медчасти учреждения), медицинские карты осужденных (куда должны вшиваться и акты о выявлении травм), регистрационные формы дежурной части учреждения. Эти же документы при наличии в них относимой информации могут быть использованы в качестве «иных документов» в доказывании в случае возбуждения уголовного дела по факту нанесения побоев, а также иных посягательств на здоровье осужденных.

Если обстоятельства получения травмы не известны, информация должна регистрироваться в Журнале регистрации информации о происшествиях. При выявлении в ходе проверки признаков преступления сообщение переносится в Книгу регистрации сообщений о преступлениях.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ внесены существенные изменения в УКУ и УПК РФ, касающиеся квалификации побоев и порядка уголовного преследования по данной категории уголовных дел. Ранее побои относились к категории дел частного обвинения, и для возбуждения уголовного дела при их нанесении требовалось заявление потерпевшего, в котором должно быть

отражено желание привлечь совершившего эти действия к уголовной ответственности. Внесенными изменениями побои частично декриминализированы и включены в состав ст. 6.1.1 КоАП РФ. Уголовно наказуемыми (ст. 116 УК РФ) остались побои, совершенные в отношении близких лиц, из хулиганских побуждений, а также по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Кроме того, в гл. 16 УК РФ появился новый состав – ст. 116.1, предусматривающая уголовную ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Новой редакцией ст. 20 УПК РФ состав, предусмотренный ст. 116.1 УК РФ, отнесен к делам частного обвинения, а состав, предусмотренный новой редакцией ст. 116 УК РФ, – к делам частно-публичного обвинения. Соответственно, в том и в другом случае для возбуждения уголовного дела требуется заявление потерпевшего.

Внесенные в законодательство изменения могут повлечь ряд проблем при реализации соответствующих норм при совершении рассматриваемых преступлений в исправительных учреждениях. Близкими лицами, в отношении которых могут быть совершены побои, предусмотренные ст. 116 УК РФ, на основании примечания к данной статье могут являться близкие родственники, опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, или ведущие с ним общее хозяйство. В исправительных учреждениях таких лиц нет (за исключением случаев прибытия их на длительные свидания), поэтому побои, нанесенные на территории учреждений ФСИН России, можно квалифицировать по ст. 116 УК РФ только в случае, если они были совершены из хулиганских побуждений, что также маловероятно в условиях исправительного учреждения, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Соответственно, задачей производящего проверку является установление данных мотивов у лица, нанесшего побои или совершившего иные насильственные действия, причинившие физическую боль. Если же деяние совершено без указанных мотивов, на почве личных неприязненных отношений (что характерно для исправительных учреждений),

привлечь виновного к уголовной ответственности можно только при наличии двух условий: во-первых, деяние должно быть совершено повторно; во-вторых, у лица должно быть административное наказание за ранее совершенное подобное деяние. Вместе с тем на основании п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ протокол об административном правонарушении по деянию, предусмотренному ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои), имеет право составить лишь сотрудник органов внутренних дел (полиции). Кроме того, практика привлечения осужденных к административной ответственности отсутствует. Как правило, к осужденным, совершившим правонарушения, применяются меры дисциплинарного взыскания, поэтому привлечение осужденного, находящегося в исправительном учрежде-

нии, к уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ становится практически невозможным. На основании изложенного полагаем, что формулировку ст. 116 УК РФ после слов «социальной группы» необходимо дополнить словами «либо в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы».

Внесение указанных изменений позволит защитить права осужденных, подвергшихся посягательствам на их телесную неприкосновенность и здоровье. Перевод дел о побоях в отношении данной категории лиц в группу дел частного-публичного обвинения будет, по нашему мнению, выступать дополнительной гарантией этого, а также поспособствует преодолению негативных эффектов действия норм криминальной субкультуры в исправительных учреждениях.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Приказ Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 (с изм. и доп.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

² Там же. № 46.

¹ См.: Приказ Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 (с изм. и доп.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

² Там же. № 46.

УДК 343.983.7

Учет ДНК подозреваемых, обвиняемых и осужденных к лишению свободы: вопросы правовой регламентации

О. А. БЕЛОВ – заместитель директора по учебной и воспитательной работе Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

О. Н. БЕЛОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются возможности использования информации, содержащейся в криминалистическом учете данных ДНК биологических объектов, для идентификации отдельных категорий лиц в целях раскрытия и расследования преступлений, а также порядок постановки на учет осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы; на основе анализа действующего российского и зарубежного законодательства, регламентирующего вопросы геномной регистрации и постановки ДНК-профилей на криминалистический учет, обосновывается необходимость расширить перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации в Российской Федерации, в целях повышения эффективности использования данного учета в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: следы биологического происхождения; учет данных ДНК биологических объектов; ДНК-типирование и ДНК-профили; геномная регистрация; криминалистическая идентификация; раскрытие и расследование преступлений.

DNA accounting of suspected, accused and imprisoned convicts : questions of legal regulation

O. A. BELOV – Deputy Head for Academic and Educational Work of the North-West Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor;

O. N. BELOVA – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the possibility of using the information contained in the criminal record of DNA biological objects, to identify certain categories of persons for the purpose of disclosing and investigation of crimes, and the procedure of registration of convicts serving sentences of imprisonment. On the base of the analysis of the current domestic and foreign laws, regulating covering registration and genomic DNA profiles on forensic accounting, it justifies the need to extend the list of persons subject to mandatory genomic registration in the Russian Federation, in order to improve the efficiency of the use of accounting in the fight against crime.

Key words: traces of biological origin; accounting DNA biological objects; DNA typing and DNA profiles; genomic registration; forensic identification; detection and investigation of crimes.

Использование современных методов исследования биологического материала человека уже давно вошло в судебно-медицинскую и следственную практику. В настоящее время обнаружение на месте происшествия даже ничтожно малого количества следов биологического происхождения (крови, спермы, слюны, волос и др.) позволяет проводить идентификационные исследования в целях установления личности преступника, потерпевшего, неопознанного трупа.

Немаловажную роль в идентификации человека по его ДНК-профилю играют специализированные учеты, которые формируются и ведутся в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел. В этих базах данных сосредоточивается и хранится для дальнейшего использования в целях раскрытия и расследования преступлений информация о генотипах определенных категорий лиц.

Метод ДНК-типирования и постановка ДНК-профилей подозреваемых, обвиняемых и осужденных на криминалистический учет уже достаточно давно применяются в следственной практике многих стран (например, Великобритании, США, Канады, Японии, Китая, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Чили, Колумбии, Новой Зеландии и др.).

В России данные процедуры проводятся сравнительно недавно (менее 10 лет).

С 1 января 2009 г. в России действует Федеральный закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009 г.) «О государственной

геномной регистрации в Российской Федерации»¹. Благодаря принятию данного нормативного правового акта появилась законодательная основа для нового вида криминалистических учетов, обеспечивающая возможность внесения в федеральную базу данных генетической информации отдельных категорий лиц.

В соответствии с Инструкцией об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 10.02.2006 г. № 70², учет ДНК-профилей биологических объектов предназначен для установления лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия, фактов принадлежности биологических следов, изъятых по нескольким преступлениям, одному и тому же неустановленному лицу, а также для установления личности неопознанных трупов.

Согласно ст. 7 федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» обязательной государственной геномной регистрации подлежат: лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также неопознанные трупы.

Порядок получения биологического материала для проведения государственной

геномной регистрации и постановки на учет ДНК-профилей осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, регламентирован ст. 9, 13 федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», а также Положением о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2011 г. № 828³.

Обязательная государственная геномная регистрация и получение биологического материала для ее проведения в отношении осужденных проводятся учреждениями, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации. Пенитенциарные учреждения осуществляют получение биологического материала и его последующее направление на исследование в целях получения геномной информации. При этом руководитель учреждения, исполняющего уголовные наказания, обеспечивает: определение и учет лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации; получение биологического материала; направление обращения о проведении обязательной геномной регистрации и биологического материала в соответствующее экспертное подразделение согласно схеме закрепления экспертных подразделений территориальных органов МВД России за учреждениями, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, которая утверждается Министерством внутренних дел Российской Федерации по согласованию с Министерством юстиции Российской Федерации.

В каждом учреждении уголовно-исполнительной системы субъекта Российской Федерации должны быть созданы специальные комиссии по организации обязательной геномной регистрации, в состав которых входят сотрудники отделов специального учета, медицинской службы, воспитательной работы с осужденными и др.

Работа данных комиссий организуется следующим образом: сотрудниками отдела специального учета заполняется специальный бланк на осужденных, подлежащих обязательной геномной регистрации, который передается в клиническую лабораторию колонии; забор крови проводится медицинским работником в присутствии представителя администрации исправительного учреждения, который должен удостоверить

личность осужденного; после соответствующего оформления весь биологический материал направляется для обработки и хранения в экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел.

Анализ действующего законодательства в области геномной регистрации, а также зарубежной практики использования учета ДНК в раскрытии и расследовании преступлений показывает, что данная сфера деятельности, являясь относительно новой в отечественной экспертной практике, имеет ряд значительных недоработок и требует дальнейшего совершенствования.

В России учет данных ДНК биологических объектов ведется только по преступлениям, предусмотренным ст. 105 (убийство), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и гл. 18 УК РФ (преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности), а также в отношении трупов, личность которых не установлена.

Такое положение дел не позволяет осуществлять постановку на учет различных биологических объектов, изъятых по преступлениям, предусмотренным другими статьями УК РФ. Зарубежная практика указывает на необходимость постановки на учет ДНК биологических объектов по всем видам преступлений. Так, например, в Великобритании с 1995 г. подобному учету стали подлежать биологические объекты, изъятые с мест нераскрытых преступлений любой степени тяжести. В результате в 1999–2003 гг. количество совершенных краж со взломом уменьшилось на 14 %, угонов автомашин – на 6 %, а показатель раскрываемости преступлений с использованием ДНК анализа увеличился с 23 до 45 %⁴.

Несмотря на то что федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» не содержит указания на конкретные преступления, предусмотренные уголовным законодательством, при расследовании которых возможны изъятие биологического материала и постановка его на учет, тем не менее он ограничивает данную деятельность в отношении только вышеуказанных категорий преступлений. Анализ ст. 7 данного нормативного правового акта позволяет констатировать, что в случае изъятия биологического материала по преступлениям небольшой и средней тяжести постановка его на учет не производится.

Кроме того, действующий закон не предусматривает возможность постановки на учет ДНК-профилей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (в том

числе по тяжким и особо тяжким преступлениям), что в свою очередь существенно снижает возможность эффективного использования базы данных ДНК в процессе раскрытия и расследования преступлений.

На наш взгляд, И. О. Перепечина справедливо отмечает, что «эффективность использования базы данных тем выше, чем больше в нее включено генотипов, с которыми проводится сравнение»⁵.

В Великобритании с 1995 г. сформирован самый большой на сегодняшний день банк данных ДНК в мире – Национальная база Великобритании, которая содержит около 5 млн профилей (свыше 8 % населения страны) не только осужденных, но и подозреваемых. А, например, в базе данных Исландии хранятся генотипы всего населения страны⁶.

Причины, по которым указанный федеральный закон ограничивает круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, весьма объективны. Во-первых, процедура исследования ДНК биологических объектов и дальнейшая постановка их на учет требуют больших финансовых затрат. Во-вторых, несмотря на то что лаборатории по исследованию ДНК, функционирующие в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел, созданы практически во всех субъектах Российской Федерации, ведомство испытывает острую нехватку специалистов, имеющих допуск к производству генотипоскопических экспертиз.

Еще в 2015 г. МВД России предложило внести поправки в федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», касающиеся расширения круга лиц, подлежащих геномной регистрации, в который вошли бы все, кто отбывает наказание или подозревается в совершении преступлений.

В 2016 г. Общественной палатой Российской Федерации разработан законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

по вопросам государственной геномной регистрации», согласно которому предлагается внести ряд изменений в федеральные законы от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», от 26.04.2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» и от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

В частности, предлагается расширить перечень лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, за счет следующих категорий:

- лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение преступлений в виде лишения свободы;
- лиц, подозреваемых в совершении преступлений, обвиняемых в совершении преступлений, а также подвергнутых административному аресту.

Принятие данного законопроекта потребует решения целого ряда вопросов организационного, материального и финансового характера.

Во-первых, возникнет необходимость увеличения расходов из федерального бюджета (в части введения дополнительных должностей экспертов-биологов, закупки оборудования и расходных материалов).

Во-вторых, обязательность постановки на учет ДНК-профилей подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых вынесена мера пресечения в виде заключения под стражу, потребует правового урегулирования и организации взаимодействия в данной сфере сотрудников органов внутренних дел и следственных изоляторов.

Тем не менее реализация федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» позволит повысить эффективность использования геномной информации в работе правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5740.

² См.: Сборник приказов МВД России, признанных не нуждающимися в государственной регистрации, 2005–2007 гг. (Бюллетень текущего законодательства). М., 2007.

³ См.: СЗ РФ. 2011. № 4. Ст. 5926.

⁴ См.: Красавчиков В. И. Централизованные оперативно-справочные, розыскные и криминалистические учеты. Практика формирования и использования. Перспективы развития: в 2 ч. М., 2009. Ч. 2. С. 285.

⁵ Перепечина И. О. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: правовые и криминалистические аспекты // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 1 (33). С. 17.

¹ См.: SZ RF. 2008. № 49. St. 5740.

² См.: Sbornik prikazov MVD Rossii, priznannyh ne nuzhdajushhimisja v gosudarstvennoj registracii, 2005–2007 gg. (Bjulleten' tekushhego zakonodatel'stva). M., 2007.

³ См.: SZ RF. 2011. № 4. St. 5926.

⁴ См.: Krasavchikov V. I. Centralizovannye operativno-spravochnye, rozysknye i kriminalisticheskie uchety. Praktika formirovanija i ispol'zovanija. Perspektivy razvitija: v 2 ch. M., 2009. Ch. 2. S. 285.

⁵ Perepechina I. O. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii»: pravovye i kriminalisticheskie aspekty // Vestnik kriminalistiki. 2010. Vyp. 1 (33). S. 17.

⁶ См.: Белов О. А. Правовая регламентация учета данных ДНК биологических объектов в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 4 ч. Тамбов, 2015. № 12 (62) Ч. 4. С. 35.

⁶ Sm.: Belov O. A. Pravovaya reglamentacija ucheta dannyh DNK biologicheskikh ob#ektov v Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 4 ch. Tambov, 2015. № 12 (62) Ch. 4. C. 35.

УДК 340

К вопросу о природе правопорядка и направлениях его укрепления

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье исследуется понятие «правопорядок», анализируются его догматические черты и современные проблемы изучения, аргументируется идея поликонтекстуальности данного явления, на основе которой предлагается авторское определение, рассматриваются направления укрепления правопорядка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : право; правовое регулирование; правопорядок; укрепление правопорядка.

On the nature of the law and order and ways to strengthen it

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article examines the concept of «law and order», analyzes the features of its dogmatic and modern problems of studying, argues the idea of polycontextuality of this phenomenon, on the basis of which there is proposed the own definition, are considered areas of strengthening the law and order.

Key words: right; legal regulation; the law and order; strengthening the law and order.

В настоящее время в юридической литературе отсутствует единая, внутренне непротиворечивая теория правопорядка. Несмотря на пристальное внимание ученых, многие вопросы исследованы не досконально. Догматизированное понимание правопорядка препятствует изучению сущности этого явления, его внутренних структурных связей. Отсутствие четких представлений о сущности правопорядка снижает методологический потенциал понятия в сфере как научных изысканий, так и властной деятельности государства. В этой связи постараемся указать на некоторые проблемы, накопившиеся при изучении правопорядка, а также рассмотреть тесную связь природы данного понятия и направлений укрепления правопорядка.

Благодаря усилиям советских ученых (Г. С. Котляревский, В. В. Борисов, Л. С. Явич, Т. М. Шамба и др.) категория «правопорядок» приобрела в целом устойчивое содержание и заняла свое достойное место в понятийных рядах. Советский период в исследовании характеризуется формированием догматического подхода, основными чертами которого являются следующие:

– тесная и прямая связь с законностью. Если законность определяется в качестве принципа, то правопорядок выступает результатом реализации этого принципа в правомерном поведении, то есть воспринимается как «режим законности». Относительная верность этой связи заключается в длительном отсутствии в понятийном аппарате советской науки категории «режим за-

конности», свободную нишу которого и занимает правопорядок;

- идеологическая сущность. Правопорядок характеризуется социалистической сущностью и в этой связи противопоставляется социалистическому правопорядку;

- преобладание узкоюридической интерпретации содержания правопорядка. Поскольку правопорядок характеризует результат реализации законности, то его состояние определяется в большей степени качественно-количественными показателями преступности (правонарушений).

Догматическое понимание правопорядка сочетается с тенденцией (возможно, не вполне осознаваемой самими авторами) поиска внеюридического, социального контекста рассматриваемого понятия. На наш взгляд, это связано как минимум с двумя обстоятельствами. Идеологическая трактовка правопорядка заставляла исследователей обратить свой взгляд, во-первых, на состояние фактических отношений, которые зависят от уровня правопорядка и его характера, а во-вторых, на получивший широкое распространение подход, который определял правопорядок как упорядоченность фактических общественных отношений.

Наряду с догматическими суждениями формировалась основа для расширительной трактовки правопорядка. Это стало возможным в том числе благодаря использованию категорий «цель» и «средство». Так, по мнению А. М. Васильева, понятие «правопорядок» нельзя считать производным от понятия «законность». Теоретическая нагрузка, которую несет первый термин, состоит в том, что им выражаются как социальные цели, так и объективный итог правового регулирования¹.

Можно с уверенностью утверждать, что советский этап исследования интересующего нас явления был ознаменован, с одной стороны, созданием логически целостной, догматической концепции правопорядка, а с другой – формированием теоретических основ для широкого социального подхода.

В постсоветский этап произошел настоящий бум научного интереса к правопорядку. По этой проблеме успешно защищены два исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук и несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. При этом правопорядок рассматривается и как самостоятельный предмет научного анализа, и как средство для характеристики смежных проблем. Основной целью исследователей по-прежнему

остаётся определение понятия и сущности правопорядка. При этом ряд важнейших вопросов, имеющих методологическое значение для создания единой теории (функции правопорядка, его структура и форма; уровень, критерии и показатели состояния правопорядка; гарантии обеспечения, механизм укрепления правопорядка), не получают всестороннего освещения и анализа.

В сфере исследования правового порядка прослеживается устойчивая тенденция рассмотрения его в рамках широкого подхода к пониманию права. Появляются предложения рассматривать правопорядок как режим «правозаконности» (А. В. Виссаров), аргументируется необходимость разграничения официального и неофициального (гражданского) правопорядка (В. Н. Казаков, К. В. Макаров, А. В. Юдин). Отметим, что в теоретическом и в практическом отношении признание существования гражданского правопорядка является контрпродуктивным, поскольку девальвирует понятие «право», дезориентирует исследователей в связи с тем, что смещается акцент от единого понятия к одной из форм его проявления.

Идея А. М. Васильева о необходимости «определенного размежевания» законности и правопорядка была подхвачена О. П. Сауляк, который отмечает, что «реальный... правопорядок, складывающийся в обществе, определяется всей совокупностью поведенческих актов как правомерного, так и противоправного характера»².

Представляется, что дальнейшее исследование правопорядка может быть осуществлено с учетом его поликонтекстуальной природы, которая носит инвариативный характер, и в зависимости от контекста следует говорить о том или ином ее проявлении.

Дуалистическая природа отдельных явлений, хотя и выбивается из общего правила и создает немалые трудности с определением понятия, существует объективно и поэтому требует соответствующего подхода. К примеру, в физике общеизвестно, что свет может проявляться и как частица, и как волна. Представляется, что и в сфере гуманитарного знания вообще и в юриспруденции в частности также возможны подобного рода явления. Ярким примером может служить контекстуальная природа понятия «право», которое в объективном смысле означает систему норм, а в субъективном – меру возможного поведения. Правопорядок является в известном смысле производным от понятия «право», поэтому многозначность

и многоаспектность права отражается и в правопорядке.

Упущением исследований правопорядка являлось стремление отразить лишь момент реализованности права. Однако смысловая нагрузка правопорядка гораздо шире. Им охватывается состояние порядка, возникающее не только в результате реализованности норм права, но и в процессе право-реализации (в виде правовых процедур и правоотношений), а также в самом праве как регуляторе отношений. Сам факт регламентации определенных отношений порождает правопорядок, который не следует отождествлять с существующей системой норм. Правопорядок – это своеобразный «интегративный эффект» системности правовых норм. Его состояние и уровень в данном случае напрямую зависят от полноты правового регулирования, наличия либо отсутствия пробелов, коллизий, логико-структурных дефектов. Важно понимать, что речь идет о статичности права и правопорядка.

Сама природа права как регулятора общественных отношений требует, чтобы существующие предписания воплощались в реальном поведении субъектов. Если в первом случае правопорядок характеризуется нормативностью, всеобщностью требований права, то во втором проявляется в согласованности юридических фактов и правоотношений, реальности и эффективности процедур юридической деятельности и т. д.

Однако и это еще не все. Для права и, соответственно, правопорядка появление того или иного правоотношения не всегда является конечной целью. Зачастую правоотношения есть средство достижения социальных целей права. За правами и обязанностями участников правоотношения скрываются их реальные интересы и потребности, регламентация которых и служит конечной целью права. Стабильность, безопасность и процветание общества – это факторы, на которые ориентируется право в любой исторической формации. Качественное состояние общества в значительной степени определяется правом (как регулятором наиболее важных общественных отношений), следовательно, состояние правопорядка как итог правового регулирования определяется и измеряется в категориях неюридического плана. В данном случае правопорядок приобретает своеобразное «социальное качество», которое доминирует над его юридическими характеристиками.

Поликонтекстуальная природа рассматриваемого явления проявляется в трех

аспектах: системе действующих правовых норм, порядке их реализации, социальных и юридических результатах их действия. Указанные аспекты существенно отличаются друг от друга, относительно автономны, однако неразрывно связаны с идеей регулирования и природой права как особого социального института.

Учитывая идею поликонтекстуальности, постараемся сформулировать наиболее общее определение правопорядка, выделив следующие его существенные признаки:

- производность от права (правопорядок возникает тогда, когда появляются нормы права);
- выражение в качественном состоянии отношений (как фактических, так и правовых);
- отражение диалектической связи социальных и юридических результатов действия права.

Если первичным результатом всегда является правоотношение (характеризующее как правомерное, так и противоправное поведение), то производным, за которым скрывается социальная сторона правового регулирования, – социальный эффект (снижение смертности, увеличение продолжительности жизни и т. д.). Социальные результаты возникают не сами по себе, однако и не только за счет действия права, хотя влияние права должно быть преобладающим. Социальный эффект может возникнуть в результате как регулирования, так и частичного отказа от регулирования и предоставления свободы (дерегулирование отношений). Нередко социальный результат – это прямое следствие юридических результатов, и прежде всего законности, а иногда, наоборот, юридические результаты и законность – непреодолимая стена для социального эффекта. Таким образом, социальные и юридические результаты тесно взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. Их взаимосвязь носит диалектический характер.

Основываясь на указанных признаках, можно предложить следующее определение: правопорядок – это качественное состояние общественных и правовых отношений, возникающее в результате принятия и реализации норм права, характеризующееся единством и противоречием социальных и юридических результатов действия права.

Идея поликонтекстуальности важна не только при анализе исследуемого понятия, но и выступает методологическим ориентиром при выборе направлений укрепления

правопорядка. В толковых словарях слово «укрепить» определяется как сделать более прочным, надежным, основательным³. В этой связи понятие «укрепление правопорядка» охватывает направления, которые связаны с действием всего государственно-правового механизма.

Предназначение и роль права в жизни общества определяются двумя основными функциями – регулятивной и охранительной. В любых социально-политических условиях актуальными задачами являются реализация существующих норм и их защита от нарушений. Таким образом, обеспечение действия норм и их охрана могут считаться исходными направлениями укрепления правопорядка. Вместе с тем статичность правовых норм и динамизм общественной жизни заставляют вести речь о своевременном обновлении права. Совершенствование требований юридических норм необходимо для придания праву большей социальной обусловленности, четкости и системности. На наш взгляд, совершенствование правопорядка следует рассматривать в качестве третьего направления его укрепления.

В качестве предварительного вывода отметим, что укреплению правопорядка в той или иной форме способствуют все функции права и государства, которые можно объединить в три типовые направления: обеспечение, охрана и совершенствование.

Обеспечение правопорядка – это комплексная деятельность, направленная на достижение системного единства таких компонентов правовой системы, как законодательство, юридическая практика и правовая культура, а также создание необходимых условий для эффективной реализации субъектами своих прав и законных интересов.

Обеспечение правопорядка включает в себя как общие, так и конкретные меры. Общие меры характеризуются направленностью на наиболее крупные блоки правовой системы общества (законодательство, практику его реализации и правовую культуру), предшествуют фактической правореализации в конкретных правоотношениях. Они выступают как условие, предпосылка успешной реализации права. В их числе следует назвать такие виды деятельности, как подзаконное правотворчество, правоинтерпретационная деятельность, правовое просвещение. Конкретные меры связаны с «точечным регулированием», то есть воздействием на юридические связи конкретных субъектов права (правоотношения). В

данном случае речь необходимо вести о правоприменении.

Если обеспечение правопорядка призвано создавать благоприятные правовые и социальные условия для эффективной правореализации, то охрана правопорядка отражает организующую властную деятельность государства, обеспечивающую превенцию правонарушений, реализацию мер государственного принуждения и восстановление нарушенного правового состояния. Таким образом, охрану правопорядка можно определить как деятельность, направленную на предупреждение и пресечение правонарушений, привлечение виновных лиц к юридической ответственности, а также восстановление нарушенного правового состояния.

Следует отметить, что деятельность по охране правопорядка не всегда носит властный характер. Использование мер охраны правопорядка возможно не только государственными правоохранительными органами, но и физическими лицами (посредством реализации мер самозащиты своих прав, например права на необходимую оборону), а также институтами гражданского общества (осуществление общественного контроля общественными наблюдательными комиссиями, независимыми экспертами в ходе участия в деятельности аттестационных и конкурсных комиссий на государственной гражданской службе и др.).

Третьим направлением укрепления правопорядка является его совершенствование, под которым следует понимать деятельность, направленную на повышение качества, эффективность функционирования права и государства посредством обновления правовых предписаний, оптимизации структуры государственного механизма, внедрения новационных методов и технологий в деятельность государственных органов.

Высокий уровень правопорядка требует постоянной работы по совершенствованию законодательства и практики его применения. Обратим внимание, что под совершенствованием законодательства понимается правотворческая деятельность по принятию, изменению либо отмене законов. Принятие подзаконных актов следует рассматривать в качестве деятельности по обеспечению правопорядка.

Совершенствование практики реализации норм права возможно достичь благодаря оптимизации государственного аппарата (сокращения численности, исключения

и перераспределения полномочий и т. д.) и использованию новых технологий в деятельности (например, технологии межведомственного электронного взаимодействия, электронная цифровая подпись и др.).

Важной стороной совершенствования правового порядка является повышение качества и объективности методик оценки эффективности функционирования права и государства. Объективные и достоверные сведения о результатах действия права и государства являются важным условием эффективности. В этой связи прикладное значение имеет выработка единой, универсальной технологии оценки права и государства. В настоящее время имеются лишь фрагменты этой системы (например, мониторинг правоприменения, доклады о результатах и основных направлениях деятельности субъ-

ектов бюджетного планирования, доклад Совета Федерации о состоянии законодательства Российской Федерации и др.). На наш взгляд, состояние правового порядка зависит не только от фактических результатов функционирования государства и права, но и от методологического инструментария, позволяющего определить состояние правового порядка на основе тех или иных критериев. Недостоверная информация может служить основой для принятия ошибочных властных юридических решений на уровне как законодателя, так и правоприменителя.

В заключение отметим, что идея поликонтекстуальности правового порядка позволяет не только увидеть многообразие форм его проявления, синтезировав их в единую сущность, но и взвешенно, системно подойти к проблеме направлений его укрепления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 181.

² Сауляк О. П. Сущность правового порядка: теоретико-методологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 25.

³ См., напр.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

¹ См.: Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M., 1976. S. 181.

² Sauljak O. P. Sushhnost' pravopordjaka: teoretiko-metodologicheskoe issledovanie : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2010. S. 25.

³ См., напр.: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S. A. Kuznecova. SPb., 1998.

УДК 343.847(494)

О новых Стандартах службы пробации конкордата в области исполнения наказаний Северо-Западная и Центральная Швейцария

М. ШМИД – руководитель службы пробации Кантона Золотурн (Швейцария);

Е. А. ОГРОХИНА – начальник кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье характеризуется деятельность службы пробации в Швейцарии на основе стандартов, вновь принятых конкордатом Северо-Западная и Центральная Швейцария; рассматриваются основные фазы работы по предотвращению совершения преступниками повторных преступлений и их интеграции в общество.

К л ю ч е в ы е с л о в а : служба пробации; социальное сопровождение; контроль; конкордат; условно-досрочное освобождение; уголовный процесс; исполнение наказания; условное наказание; пенитенциарное учреждение; лишение свободы; принудительные меры уголовно-правового характера.

On the new Probation Service Standards in the Penal System of the Concordat Northwestern and Central Switzerland

M. SCHMID – Head of the Probation Service of the Canton of Solothurn (Switzerland);

E. A. OGROKHINA – Head of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor

The paper characterizes the activity of probation services in Switzerland on the basis of the standards newly adopted by Concordat Northwestern and Central Switzerland. It discusses the main phase of the work to prevent the next crimes of criminals and their integration into society.

Key words: Probation Service; social support; control; concordat; grant of parole; criminal process; execution of punishment; a conditional sentence; prison; imprisonment; coercive measures under criminal law.

Служба пробации (Bewährungshilfe) в Швейцарии – это учреждение, относящееся к системе исполнения наказаний и принудительных мер (Straf- und Massnahmenvollzug). Она призвана осуществлять на основании предписания или добровольного желания клиентов¹ их социальное сопровождение на всех этапах уголовного процесса, в ходе исполнения условного или частично условного наказания, а также после условно-досрочного освобождения. В противоположность учреждениям лишения свободы служба пробации функционирует амбулаторно.

Правовой основой деятельности службы пробации в Швейцарии являются Федеральная конституция Швейцарской Конфедерации, конституции кантонов, Швейцарский уголовный кодекс, законы и предписания федерального и кантонального уровней, международно-правовые документы, а также предписания конкордатов в области исполнения наказаний. Конкордат – это межкантональное объединение в Швейцарии на основе соглашения. В период с 1956 по 1963 г. кантоны заключили три региональных конкордата в области исполнения наказаний (Strafvollzugskonkordat): Восточная Швейцария (Ostschweiz), Северо-Западная и Центральная Швейцария (Nordwest- und Innerschweiz), Латинская Швейцария (Lateinische Schweiz). При этом речь идет о межкантональных соглашениях, которые восполняют пробел между федеральным и кантональным законодательством и направлены на унификацию норм уголовно-исполнительного права посредством обязательных предписаний и рекомендаций.

Так, в апреле 2015 г. конкордатом Северо-Западная и Центральная Швейцария были приняты новые Стандарты службы пробации (Standards für die Bewährungshilfe)². Текст документа содержит введение, стандарты, то есть положения, обязательные для организации деятельности всех служб конкордата и деятельности сотрудников, комментарии к ним и приложение.

Во введении представлены уровни обязательности стандартов, законодательные основы деятельности служб пробации и краткое описание их деятельности.

Основная задача службы пробации в соответствии со ст. 93 Швейцарского уголовного кодекса состоит в предупреждении совершения сопровождаемым лицом новых преступлений и в его социальной интеграции³. Это касается, с одной стороны, лиц, которые условно-досрочно освободились из учреждений системы исполнения наказаний и принудительных мер, а с другой – тех, кто приговорен к условному или частично-условному наказанию.

Согласно ст. 96 Швейцарского уголовного кодекса на весь период уголовного процесса и исполнения наказания кантоны должны обеспечить подозреваемому и осужденному социальное сопровождение (поддержку), за которым они могут обратиться самостоятельно⁴. В большинстве кантонов это является функцией службы пробации. Кроме того, клиент может сам выбрать службу социального сопровождения.

В соответствии со ст. 237 (абз. 2, литера d) Швейцарского уголовно-процессуального кодекса (Schweizerische Strafprozessordnung, StPO) службе пробации предписано социальное сопровождение в ходе исполнения альтернативных принудительных мер уголовно-правового характера⁵.

На основании кантонального законодательства клиенты могут добровольно воспользоваться возможностью последующего социального сопровождения после истечения испытательного срока или на завершающем этапе исполнения наказания. Кроме того, в некоторых кантонах область задач службы пробации расширена и к ней относятся, например, общественно полезные работы, электронный мониторинг, реализация обучающих программ, а также контроль амбулаторного лечения клиентов (ст. 63 Швейцарского уголовного кодекса)⁶. Что касается последнего, то в тех кантонах,

где контроль амбулаторного лечения возложен на предписывающий орган, службы пробации участвуют в организации соответствующих мест для амбулаторного лечения и содействии в работе специалистов.

В зависимости от кантона службы пробации различным образом привлечены к контролю предписаний судов и ведомств исполнения наказаний. Частично такой контроль остается за распорядительными инстанциями, в какой-то мере или на завершающем этапе контроля может быть задействована служба пробации.

Собственно стандарты представляют собой установления, которыми должны руководствоваться сотрудники службы пробации в своей деятельности. При этом они предполагают три уровня обязательности:

1. Обязательная норма для каждой кантональной службы пробации.

2. Обязательная норма для каждой службы пробации, если на нее возложена такая обязанность⁷.

3. Норма, данная в качестве кантонального установления, к которой следует стремиться.

В соответствии с данными стандартами сотрудники службы пробации не персонализируют преступление и осуждают не клиентов, а совершенные ими преступления. Они уважают человеческое достоинство осужденного, принимают во внимание состояние его здоровья и вопросы безопасности.

Совместная работа сотрудников службы пробации и клиентов обсуждается и закрепляется письменно в отношении взаимных ожиданий, возможностей, прав и обязанностей. Такой рабочий союз нацелен на сотрудничество и транспарентный обмен информацией.

Предотвращение рецидивов и социальная интеграция понимаются и претворяются в жизнь как равноценные аспекты службы пробации, для их реализации специалистам службы пробации необходимы дополнительные знания о динамике совершения преступления (Deliktdynamik), работа, ориентированная на преступление и возможные риски (Delikt- und Risikoorientierte Arbeit). При этом ориентирование на риски зависит от социальных последствий совершенных преступлений. Таким образом, служба пробации принимает во внимание угрозу другим людям и самому преступнику.

Деятельность службы пробации понимается как социальная работа в системе исполнения наказаний и принудительных мер

уголовно-правового характера. Сотрудники службы реализуют, с одной стороны, функцию контроля и превенции, с другой – социальной поддержки клиентов. Сотрудники службы пробации должны иметь образование в области социальной работы или эквивалентное образование, позволяющее работать в системе исполнения наказаний.

Кроме того, сотрудники службы пробации имеют обязанность неразглашения информации (Schweigepflicht) и одновременно с этим обязанность предоставления отчетов органам уголовного правосудия (Berichterstattungspflicht) по запросу или в особых случаях угрозы рецидивов. Служба пробации в каждом отдельном случае принимает во внимание правовые ценности общественной безопасности и личности клиента, даже если клиент не сотрудничает, особенно в ситуации повышенной угрозы обществу, или не в состоянии сотрудничать в связи с психическим заболеванием.

В стандартах описаны следующие процессуальные фазы, различным образом реализуемые службами пробации в швейцарских кантонах: принятие дела (Fallaufnahme), анализ случая (Fallanalyse), интервенции (Interventionen), мониторинг рисков (Risikomonitoring), оценка результатов (Fallevaluation).

Тематика проработки преступления (Tatbearbeitung) и исправления ситуации (Wiedergutmachung) должна быть задана в соответствии с совокупной работой над преступлением (deliktorientierte Arbeit). При отсутствии возможности контакта преступника с жертвой в ходе работы над преступлением принимают участие нейтральные посредники.

В каждом случае составляется досье, структура которого регулируется кантонами. В завершении работы дается документированная оценка результатов.

На этапе принятия дела службой пробации производится разбор случая (Falltrriage) с целью оценки риска совершения клиентом новых преступлений, а также его общественной опасности на основе уже имеющихся данных.

В соответствии со ст. 376 Швейцарского уголовного кодекса социальное сопровождение вменяется в обязанность службе пробации того кантона, в котором преступник проживает. Так, на основании установлений конкордата Северо-Западная и Центральная Швейцария служба пробации кантона, вынесшего приговор, ответственна за передачу полномочий службе кантона проживания клиента⁸.

В ходе длительной работы над преступлением, прежде всего в случае совершения клиентом особо тяжких преступлений, совместно с ним проводится совокупный анализ случая (Fallanalyse). В него интегрируется уже имеющийся анализ преступления и возможных рисков, проведенный иными органами. Тем самым создается актуальная картина для сопровождения и контроля клиента. В случае решающих как желательных, так и нежелательных изменений данный документ перерабатывается.

Из анализа преступления вытекает планирование интервенций. Под интервенцией в работе с осужденными следует понимать вмешательство (Dazwischentreten) как меру, необходимую для решения какой-либо проблемы⁹. Данное понятие является общепринятым для обозначения любого действия в социальной работе. План интервенций (включая работу над преступлением) обсуждается с клиентом и фиксируется в письменной форме с целью установления дальнейших действий. Он включает в себя по меньшей мере два направления работы: поддержку (социальная работа) и изменение ситуации (работа над рисками и преступлением).

Интервенции устанавливаются согласно целям и видам работы в зависимости от совершенного преступления. Они могут носить как материальный (финансовые средства, жилье, питание и т. п.), так и нематериальный характер (информация, контакты, переговоры и т. п.). При этом служба пробации привлекает к работе иные органы и учреждения и координирует их деятельность.

В случае повышенных рисков совершения последующих преступлений и/или степени общественной опасности клиента на

основе анализа преступления выявляются соответствующие индикаторы и осуществляется мониторинг с целью регулярной перепроверки факторов риска и желаемого исправления. При крайне высокой степени угрозы обществу должны быть определены кризисные интервенции.

В завершении производится оценка работы над преступлением, то есть выявляется соотношение между заявленными целями на этапе анализа преступления и достигнутыми изменениями. При этом сотруднику службы пробации необходимо ответить на следующие вопросы:

- как были реализованы запланированные интервенции?
- каковы причины нереализованных или частично реализованных интервенций?
- имеют ли интервенции искомый результат (уменьшение опасности рецидива и социальная интеграция)?
- каковы вероятные причины нерезультативных или частично результативных интервенций?
- возникали ли трудности вследствие несоответствующих закрытых процессов?
- что я мог бы изменить или какую поддержку получить по возможности?
- как я чувствую себя, когда вспоминаю о работе с клиентом?

Подводя итог, следует отметить, что служба пробации в Швейцарии реализует свою деятельность в тесном сотрудничестве с прокуратурой, судами, ведомством исполнения наказаний, службами пробации иных кантонов, учреждениями исполнения наказаний, психологическими, психиатрическими, социальными и иными службами (например, службы трудовой занятости, размещения, финансового регулирования и т. п.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общепринятое в Швейцарии обозначение лиц, находящихся под контролем и сопровождением службы пробации.

² См.: URL: https://www.konkordate.ch/download/pictures/e9/67cpeyyi4q7sipd6qm9sgnh8ux3yj0/06.5_standards_bewahrungsdienste_april_2015.pdf (дата обращения: 04.10.2016).

³ См.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a93.html (дата обращения: 04.10.2016).

⁴ См.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a96.html (дата обращения: 04.10.2016).

⁵ Суд может назначить более мягкую принудительную меру уголовно-правового характера вместо предварительного заключения или принудительной изоляции от общества, если она предполагает аналогичную цель (см.: Schweizerische Strafprozessordnung. URL: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html> (дата обращения: 10.10.2016)).

⁶ См.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63.html (дата обращения: 04.10.2016).

⁷ Задачи, стоящие перед службами пробации в Швейцарии, могут быть различны.

¹ Obshheprinjatoe v Shvejcarii oboznachenie lic, nahodjashhihsja pod kontrolem i soprovozhdeniem sluzhby probacii.

² Sm.: URL: https://www.konkordate.ch/download/pictures/e9/67cpeyyi4q7sipd6qm9sgnh8ux3yj0/06.5_standards_bewahrungsdienste_april_2015.pdf (data obrashhenija: 04.10.2016).

³ Sm.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a93.html (data obrashhenija: 04.10.2016).

⁴ Sm.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a96.html (data obrashhenija: 04.10.2016).

⁵ Sud mozhet naznachit' bolee mjagkuju prinuditel'nuju meru ugovovno-pravovogo haraktera vmesto predvaritel'nogo zakljuchenija ili prinuditel'noj izoljacii ot obshhestva, esli ona predpolagaet analogichnuju cel' (sm.: Schweizerische Strafprozessordnung. URL: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20052319/index.html> (data obrashhenija: 10.10.2016)).

⁶ Sm.: URL: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63.html (data obrashhenija: 04.10.2016).

⁸ См.: Richtlinien für die Zusammenarbeit zwischen der Bewährungshilfe, den Vollzugsinstitutionen und den Einweisungsbehörden vom 4. November 2005, Ziff. 5.1.

⁹ См.: Wörter, Begriffe, Bedeutungen: Ein Glossar zur Sozialen Arbeit der Fachhochschule Aargau Nordwestschweiz. Fachhochschule Aargau Nordwestschweiz. 2005. S. 91.

⁷ Zadachi, stojashhie pered sluzhbami probacii v Shvejarii, mogut byt' razlichny.

⁸ См.: Richtlinien für die Zusammenarbeit zwischen der Bewährungshilfe, den Vollzugsinstitutionen und den Einweisungsbehörden vom 4. November 2005, Ziff. 5.1.

⁹ См.: Wörter, Begriffe, Bedeutungen: Ein Glossar zur Sozialen Arbeit der Fachhochschule Aargau Nordwestschweiz. Fachhochschule Aargau Nordwestschweiz. 2005. S. 91.

УДК 343.35

Дифференциация наказаний за преступления в сфере миграции

Т. Н. УТОРОВА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются проблемы наказания за преступления в сфере миграции; обращается внимание на тенденцию ужесточения наказаний за исследуемые преступления, излишнюю суровость санкций: все они без исключения содержат лишение свободы; также отмечается недостаточная дифференциация уголовной ответственности и наказания за преступления в сфере миграции.

Ключевые слова: незаконная миграция; фиктивная регистрация; преступления в сфере миграции; криминализация; карательность санкций.

Differentiation of punishment for crimes in the field of migration

T. N. UTOROVA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the problem of punishment for crimes in the sphere of migration. The author draws attention to the trend of tightening punishments, severity of sanctions: they are all without exception include deprivation of liberty; also notes the lack of differentiation of criminal responsibility and punishment for crimes in the sphere of migration.

Keywords: illegal migration; fictitious registration; crimes in the sphere of migration; criminalization; punitive sanctions.

Использование уголовного права для контроля над миграцией – явление не новое. Во многих государствах предусмотрена уголовная ответственность за незаконные пересечение границы, пребывание в стране и трудовую деятельность. Россия также не является исключением, несмотря на то что большинство противоправных деяний в сфере миграции были криминализированы не так давно.

По мнению многих авторов, в последнее десятилетие в уголовной политике Российской Федерации наметился устойчивый курс на декриминализацию, гуманизацию,

либерализацию и приведение пенитенциарной системы к международным стандартам¹. Но относится ли это утверждение к преступлениям в сфере миграции?

Действующий УК РФ не выделяет совокупность преступлений, связанных с миграцией, в качестве самостоятельной группы преступных посягательств, а распределяет их в разных главах (и даже разделах): ст. 127.1 «Торговля людьми», ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации и фальсификация документов, повлекшие незаконное приобретение гражданства Российской Федерации» и др.

Вместе с тем в гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» объединены составы, основным объектом которых являются отношения в сфере миграции: незаконное пересечение государственной границы (ст. 322), организация незаконной миграции (ст. 322.1), фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2), фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.3).

Одной из первых среди преступлений в сфере миграции введена норма о незаконном пересечении государственной границы, которая появилась в УК РСФСР 1926 г.² В ст. 83 УК РСФСР 1960 г.³ также была установлена ответственность за нарушение режима государственной границы. Определение дефиниции незаконного пересечения государственной границы с некоторыми изменениями перешло из УК РСФСР 1960 г. в УК РФ 1996 г., при этом часть квалифицированных признаков была декриминализована и по ним была введена административная ответственность. Уже в 2003 г. санкция ч. 1 ст. 322 УК РФ претерпела изменения – был увеличен размер штрафа. В 2011 г. расширен перечень основных наказаний за счет введения принудительных работ. Через год статья была дополнена квалифицированным видом с более суровой санкцией, одновременно ч. 3 переведена из категории средней тяжести в тяжкое преступление. Как видим, наказание постепенно ужесточается.

Государства в связи со значительным увеличением миграционных потоков⁴ ужесточают миграционную политику, в частности, путем ограничения доступа на свою территорию иностранных граждан и лиц без гражданства. Мигранты становятся вынуждены обращаться к лицам, на «профессиональной основе» организующим незаконный ввоз. В результате широко распространяется организованная преступность по перемещению мигрантов.

Как известно, мигранты, ввезенные незаконным путем, находятся в уязвимом положении и в большей мере подвержены злоупотреблениям и эксплуатации. В отношении них возможны конфискация паспортов, принудительное изменение условий тру-

дового контракта, задержки с выплатой заработной платы, плохое и недостаточное питание, непредоставление медицинской помощи, физическое и половое насилие и др. Фактически они лишены возможности заявить о таких злоупотреблениях, так как рискуют быть высланными из страны. Зачастую и сами путешествия становятся для мигрантов смертельно опасными. Например, в 2015 г. в пути погибло более 5 тыс. чел., а с начала 2000-х гг. число погибших составляет более 45 тыс.⁵, при этом в действительности данные цифры могут быть значительно больше.

В целях противодействия международной преступности, в том числе деятельности организованных преступных групп по незаконному ввозу мигрантов, в 1990 г. Организацией Объединенных Наций были приняты Конвенция против транснациональной организованной преступности и два дополняющих ее протокола – Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху⁶.

В связи с ратификацией данной конвенции Российской Федерацией УК РФ в 2004 г. был дополнен ст. 322.1 «Организация незаконной миграции». За 12 лет своего существования санкции статьи претерпели значительные изменения. Так, наказание по ч. 1 ст. 322.1 изменялось пять раз, по ч. 2 – три. Все модернизации были направлены на ужесточение наказания: максимальное наказание в виде лишения свободы по ч. 1 увеличено с двух до пяти лет, исключены все альтернативные лишению свободы основные наказания и одновременно введено дополнительное наказание в виде ограничения свободы; по ч. 2 также усилено наказание с пяти до семи лет и введено второе дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Федеральным законом от 21.12.2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 322.2, устанавливающей уголовную ответственность за фиктивную регистрацию российского гражданина по месту жительства и пребывания и фиктивную регистрацию по месту жительства иностранных граждан, и ст. 322.3 – за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении⁷. Санкции указанных статей полностью совпадают и действуют в перво-

начальной редакции, предусматривая в качестве основного наказания альтернативно штраф, принудительные работы и лишение свободы, а в качестве дополнительного к двум последним наказаниям – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Таким образом, преступления в сфере миграции включают в себя четыре статьи, содержащие семь санкций, среди которых три состава небольшой тяжести, два – средней и два – тяжких. Следует отметить, что среди указанных преступлений нет ни одного, которое не предполагало бы наказание в виде лишения свободы. Кроме того, санкции двух преступлений небольшой тяжести предусматривают максимальный срок для этой категории – три года лишения свободы. Оба преступления средней тяжести также влекут практически максимальный срок – четыре и пять лет. В тяжких преступлениях срок лишения свободы равен шести и семи годам. При таком конструировании санкций можно вести речь о пограничных категориях преступлений, близких к следующей категории. Исходя из этого можно предположить, что среди преступлений в сфере миграции законодатель выделяет по два преступления небольшой и средней тяжести и три тяжких.

Но все ли санкции вышеуказанных статей соответствуют степени общественной опасности рассматриваемых деяний и позволяют в достаточной степени дифференцировать ответственность и наказание?

Первый признак, свидетельствующий о дифференциации ответственности, – наличие квалифицированных и особо квалифицированных видов. Иными словами, чем больше частей в статье и, следовательно, санкций, тем больше дифференцированы ответственность и наказание. Из четырех исследуемых статей две не содержат квалифицированных видов. В ст. 322 УК РФ хотя и содержится три части, но ч. 2 следует рассматривать как самостоятельное преступное деяние, а не как квалифицирующий признак, отягчающий ответственность.

По нашему мнению, это свидетельствует о недостаточной дифференциации ответственности за преступления в сфере миграции, хотя основания для расширения перечня отягчающих обстоятельств имеются. Например, санкциями ст. 322.2 и 322.3 УК РФ предусмотрено такое наказание, как лишение права занимать определенные должности, однако квалифицированный состав по специальному субъекту не выделен. Далее, подп. «а» и «б» п. 3 ст. 6 Протокола про-

тив незаконного ввода мигрантов по суше, морю и воздуху требуют в качестве отягчающих признать такие обстоятельства, которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь или безопасность мигрантов, а также связаны с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением с ними, в том числе в целях эксплуатации. Однако отечественный законодатель, с одной стороны, ужесточает наказания за организацию незаконной миграции, с другой – указанные отягчающие обстоятельства в ст. 322.1 УК РФ до сих пор не включил. В то же время в 2016 г. вполне обоснованно был расширен перечень отягчающих обстоятельств ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, выделена ответственность за организацию незаконной миграции группой лиц по предварительному сговору⁸. Однако объединение указанного обстоятельства в одном пункте с организованной группой не вполне оправданно, так как степень общественной опасности последнего признака значительно выше.

Анализ основных наказаний, предусмотренных за преступления в сфере миграции, также свидетельствует об отсутствии должной дифференциации наказания. Из основных наказаний санкции статьи предусматривают только штраф, лишение свободы и принудительные работы, причем последние на сегодняшний день не назначаются, то есть из 12 основных видов наказаний, установленных УК РФ, реально могут быть назначены только два. При этом в трех санкциях из семи присутствует только лишение свободы, во всех остальных – два варианта: либо штраф (самое мягкое наказание), либо лишение свободы (самое суровое). В такой ситуации у суда отсутствует возможность выбора справедливого наказания. В связи с этим видится необходимым расширить в санкциях статей перечень наказаний, которые могут быть назначены в качестве основных.

Не вполне обоснованным, на наш взгляд, является использование в санкциях первых частей указанных статей наказания в виде лишения свободы, так как эти преступления не являются насильственными и не содержат других отягчающих признаков. Максимальные сроки лишения свободы по неквалифицированным составам (ч. 1 ст. 322.1 и ч. 2 ст. 322 УК РФ) в пять и четыре года, на наш взгляд, являются слишком длительными.

О карательности санкций говорит и наличие дополнительных наказаний, которые предусмотрены в санкциях трех (75 %) из

исследуемых статей, причем в ч. 2 ст. 322 УК РФ дополнительных наказаний два – штраф и ограничение свободы.

Следующая особенность санкций заключается в том, что ни в одной из них не установлено минимума лишения свободы, даже в отношении квалифицированных составов, хотя логичнее было бы нижний предел квалифицированного состава установить в размере верхнего предела неквалифицированного состава. Игнорирование указанного правила при построении санкций статей приводит к тому, что и за квалифицированный, и за обычный состав может быть назначено два месяца лишения свободы.

Таким образом, карательность санкций преступлений в сфере миграции является излишне высокой. Так, неквалифицированный состав ст. 322.1 УК РФ приравнен по санкциям к таким преступлениям, как квалифицированные виды причинения средней тяжести вреда здоровью (ч. 2 ст. 112 УК РФ), неквалифицированные – похищение человека (ч. 1 ст. 126 УК РФ), использование рабского труда (ч. 1 ст. 127.2 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 1 ст. 150 УК РФ) и др.

Ужесточение ответственности в сфере миграции в последнее время коснулось и самих незаконно ввезенных мигрантов. В то же время на международном уровне акцент сделан на наказании членов организованных преступных групп, осуществляющих ввоз мигрантов с целью финансовой или иной материальной выгоды. Так, в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху указано, что мигранты не привлекаются к уголовной ответственности, поскольку стали объектом незаконного ввоза. Из докладов Генерального секретаря ООН, Специального докладчика по правам человека мигрантов следует, что арсенал средств регулирования миграции позволяет государствам предотвратить противоправную деятельность без применения уголовного наказания самих мигрантов. Так, в одном из выступлений Специальный до-

кладчик Х. Бустаманте отметил, что «незаконный въезд и пребывание ни в коем случае не следует рассматривать в качестве уголовных преступлений: как таковые они не являются преступлениями против лиц, собственности или национальной безопасности. Важно подчеркнуть, что нелегальные мигранты сами по себе не являются преступниками и не должны рассматриваться в качестве таковых»⁹. По его мнению, миграционная политика, направленная только на решение вопросов безопасности и пограничного контроля, не служит целям сдерживания незаконной миграции или ограничения контрабандного провоза мигрантов и торговли людьми. Такие усилия толкают мигрантов на более опасные путешествия, способствуют росту нелегальных миграционных каналов¹⁰.

В России, согласно ч. 1 ст. 322 УК РФ, не исключена уголовная ответственность мигрантов, чей въезд был незаконно организован, а также тех, кто, осознавая незаконность въезда (при их добровольном согласии на въезд), стал жертвой торговли людьми. Предполагается уголовная ответственность и фиктивно поставленных на миграционный учет иностранных граждан в соответствии со ст. 322.3 УК РФ, что, на наш взгляд, является излишним¹¹.

По заявлениям бывшего руководителя Федеральной миграционной службы России К. Ромодановского, количество незаконных мигрантов в России снижается. Если до 2014 г. в течение пяти лет соотношение легальных и нелегальных мигрантов составляло один к четырем, то в 2014 г. показатели почти сравнялись – 2,7 млн трудящихся мигрантов и 2,9 незаконных мигрантов¹². В 2016 г. глава миграционной службы отметил стабилизацию ситуации с мигрантами. Сейчас, по данным ФМС России, в стране порядка 1,5 млн мигрантов находятся незаконно¹³. Надеемся, что позитивные изменения в деле противодействия незаконной миграции прекратят наметившийся процесс ужесточения наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зебницкая А. К. Уголовная политика современной России и международные стандарты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 29–32.

² См.: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

³ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁴ Например, в 1960 г. в мире насчитывалось 3,2 млн трудовых мигрантов, на начало 1995 г. – более 35 млн, в 2008 г. – 93 млн, в 2015 – 150 млн. (см.: IOM. Labor Migration and

⁵ См.: Zebnickaja A. K. Ugolovnaja politika sovremennoj Rossii i mezhdunarodnye standarty // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. 2014. № 4. S. 29–32.

⁶ См.: Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // SU RSFSR. 1926. № 80. St. 600.

⁷ См.: Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. St. 591.

⁸ Naprimer, v 1960 g. v mire naschityvalos' 3,2 mln trudovyh migrantov, na nachalo 1995 g. – bolee 35 mln, v 2008 g. – 93 mln, v 2015 – 150 mln. (sm.: IOM. Labor Migration and Demographics.

Demographics. Geneva, 2009. P. 1; В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов : доклад Генерального секретаря ООН на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи. URL: http://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/sg_report_russian.pdf (дата обращения: 12.08.2016)).

⁵ См.: Доклад Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SG%20Report%20for%20the%20WHS%20Russian.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).

⁶ См.: Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 34–46.

⁷ См.: СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.

⁸ См.: Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2016).

⁹ URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/reports/index.shtml> (дата обращения: 10.09.2016).

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См. подр.: Уторова Т. Н. Фиктивная постановка на миграционный учет: практика применения статьи 322.3 УК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 10.

¹² См.: URL: <https://rg.ru/2014/12/29/romodanovskij.html> (дата обращения: 10.09.2016).

¹³ См.: URL: <https://ria.ru/society/20160102/1353262641.html> (дата обращения: 12.09.2016).

Geneva, 2009. P. 1; V uslovijah bezopasnosti i dostoinstva: reshenie problemy peremeshhenij bol'shih grupp bezhencev i migrantov : doklad General'nogo sekretarja OON na 70-j sessii General'noj Assamblei. URL: http://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/sg_report_russian.pdf (data obrashhenija: 12.08.2016)).

⁵ Sm.: Doklad General'nogo sekretarja OON v svjazi so Vsemirnym sammitom po gumanitarnym voprosam. URL: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SG%20Report%20for%20the%20WHS%20Russian.pdf> (data obrashhenija: 01.09.2016).

⁶ Sm.: Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2005. № 2. S. 34–46.

⁷ Sm.: SZ RF. 2013. № 51. St. 6696.

⁸ Sm.: Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 g. № 375-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovlenija dopolnitel'nyh mer protivodejstvija terrorizmu i obespechenija obshhestvennoj bezopasnosti». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashhenija: 07.07.2016).

⁹ URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/reports/index.shtml> (data obrashhenija: 10.09.2016).

¹⁰ Sm.: Tam zhe.

¹¹ Sm. podr.: Utorova T. N. Fiktivnaja postanovka na migracionnyj uchët: praktika primenenija stat'i 322.3 UK RF // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 1 (29). S. 10.

¹² Sm.: URL: <https://rg.ru/2014/12/29/romodanovskij.html> (data obrashhenija: 10.09.2016).

¹³ Sm.: URL: <https://ria.ru/society/20160102/1353262641.html> (data obrashhenija: 12.09.2016).

УДК 343.378(470+4+47+57)

Сравнительная характеристика наказаний за контрабанду в России и некоторых зарубежных странах

Н. В. КУЗНЕЦОВА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются особенности уголовных наказаний, предусмотренных за совершение контрабанды в некоторых странах – членах СНГ и отдельных государствах Европейского союза; отмечается широкий разброс законодательной оценки степени общественной опасности контрабанды, видов и сроков наказаний за ее совершение; указывается на близость уголовного законодательства стран СНГ и России в регулировании рассматриваемых отношений, в том числе относительно вида и размера наказания за совершение контрабанды.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наказание; незаконный ввоз; контрабанда; уголовное законодательство; лишение свободы; квалифицирующие признаки.

Comparative characteristics of the penalties for smuggling in Russia and in some foreign countries

N. V. KUZNETSOVA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the features of criminal penalties for smuggling in some member countries of the CIS and the individual states of the European Union. It notes the wide range of legislative evaluation of the degree of public danger of smuggling, types and terms of punishment for its commission. It specifies the proximity of the criminal legislation of the CIS countries and Russia in regulating these relations, including the type and size of the penalties for smuggling.

Key words: punishment; illegal import; smuggling; criminal law; imprisonment; qualifying features.

Современный этап развития большинства государств характеризуется расширением международных связей практически во всех сферах деятельности. Интеграционные процессы способствует закономерному росту внешнеэкономической деятельности стран. Налаживаются устойчивые экономические связи, увеличивается товарооборот, упрощаются таможенные процедуры, совершенствуются нормы международного права, регулирующие данные отношения.

В то же время возникают проблемы, связанные с контролем перемещения товаров через таможенные границы государств, соблюдением таможенного, налогового законодательства, недопущением совершения преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

В большинстве стран современного мира контрабанда по праву признана одним из самых опасных видов преступной деятельности, поскольку наносит наибольший экономический ущерб интересам любой страны¹. Особую тревогу вызывает контрабанда оружия и боеприпасов, наркотиков, произведений искусства, ценных диких животных и т. д. Важное место в системе обеспечения противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности отводится уголовному законодательству.

Интенсивность противодействия связана с уровнем экономического развития того или иного государства, сложившимися историческими традициями, культурой внешне-торговых отношений². Вполне естественно, что подходы законодательных органов к регламентации уголовной ответственности в разных странах отличаются. Успех противодействия контрабанде зависит от многих факторов, в том числе от вида назначаемого наказания.

Анализ развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за контрабанду показывает, что наказания за данный вид преступления не смягчаются. Статья 97 УК РСФСР 1922 г. за нарушение законов и обязательных постановлений о ввозе за границу или провозе за границу

товаров предусматривала наказание в виде принудительных работ сроком до трех месяцев, которое могло сопровождаться конфискацией имущества и штрафом до 300 руб. золотом. К квалифицирующим признакам деяния относились совершение указанных действий в виде промысла, должностным или вооруженным лицом, а также перемещение иностранной валюты, золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в сыром виде, монете и слитках в любом количестве, а также изделий из золота, платины и серебра и драгоценных камней. Совершение указанных действий каралось лишением свободы сроком не менее трех лет со строгой изоляцией. При отягчающих обстоятельствах предусматривалась высшая мера наказания³.

В УК РСФСР 1960 г. норма о контрабанде была помещена в раздел «Иные государственные преступления». За данное преступление предусматривались только два наказания – лишение свободы на срок от трех до десяти лет и ссылка сроком от двух до пяти лет. В качестве дополнительного наказания могла быть применена конфискация имущества⁴.

Несмотря на наличие квалифицирующих признаков, таких как крупный размер, совершение преступления группой лиц, организовавших для занятия контрабандой, должностным лицом с использованием служебного положения или перемещение предметов, ограниченных в свободном обороте, в санкции статьи они по степени общественной опасности не разделялись и пределы наказуемости установлены не были. Такой подход законодателя исключал возможность дифференциации и индивидуализации ответственности, усиливая карательную сущность наказания, что являлось недостатком уголовных законов того времени.

Действующий УК РФ за совершение контрабанды дает возможность дифференциации и индивидуализации ответственности, в том числе посредством наказания. Исходя из характера совершенной контрабанды и степени ее общественной опасности в санк-

циях статей предусмотрены альтернативные наказания: штраф, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы на определенный срок, а за незаконное перемещение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров – пожизненное лишение свободы.

Сходная позиция относительно назначаемого судом наказания и его размера за совершение контрабанды прослеживается в уголовном законодательстве стран СНГ. Связано это в первую очередь с недавней государственной общностью, непосредственным соседством и стремлением создания единого правового поля⁵.

Основными видами наказаний за рассматриваемое преступление являются штраф и лишение свободы на определенный срок. В отдельных государствах, например в Туркменистане, Армении⁶, перечисленные наказания дополняются конфискацией имущества. Среди иных наказаний, предусмотренных за контрабанду, отмечены исправительные работы и ограничение свободы (Казахстан, Республика Беларусь), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 4 ст. 289 Уголовный кодекс Республики Таджикистан⁷). Наличие альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является положительным опытом, предусматривающим возможность выбора наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления.

Несмотря на сходный подход законодателя в конструировании норм о контрабанде, нужно обратить внимание и на некоторые различия. В частности, это исчисление размера наказания за рассматриваемое преступление. Указание разных сроков наказания свидетельствует о различном подходе государств к определению общественной опасности контрабанды. Так, Уголовный кодекс Кыргызской Республики⁸ предусматривает самые минимальные сроки наказания в виде лишения свободы. Санкцией статьи за экономическую контрабанду определяется наказание в виде лишения свободы сроком до двух лет. В республиках Казахстан и Туркменистан наказание в виде лишения свободы ограничено пределами до трех лет. В остальных странах СНГ присутствует единообразный подход в определении максимального срока наказания в виде лишения свободы за контрабанду товаров – до пяти лет (Россия, Беларусь, Армения, Узбекистан, Азербайджан и др.). Размеры

максимального срока лишения свободы за экономическую контрабанду в большинстве рассматриваемых государств в целом совпадают (от 7 до 12 лет). Практически в каждой стране принята своя система исчисления штрафа, размер которого определяется в санкции статьи в виде определенной суммы, исходя из минимального размера оплаты труда, количества расчетных единиц и т. д., что может негативно отразиться на эффективности наказания.

В европейских государствах подход законодателя к регламентации уголовной ответственности за совершение контрабанды также не одинаков. Несмотря на длительное существование Европейского союза, в границах которого действует общий рынок, предполагающий свободное перемещение товаров, оказание услуг, производство работ, законодательство об ответственности за контрабанду нельзя назвать унифицированным. Кроме уголовных законов вопросы, связанные с назначением наказаний за совершение контрабандных деяний, регулируются иными нормативно-правовыми актами, например таможенными уставами, положениями о налогах и др. В некоторых странах, входящих в Европейский союз, в национальном уголовном законодательстве вообще не предусмотрена ответственность за незаконный ввоз или вывоз товаров (Бельгия, Норвегия, Австрия и др.).

Анализируя уголовное законодательство по интересующему нас вопросу, можно выделить два разных подхода. Первый связан с криминализацией обширного круга деяний, которые можно отнести к экономической контрабанде, и заключается в наложении запрета на ввоз и вывоз на территорию государств Европейского союза определенных предметов или товаров. Наиболее ярко данный подход прослеживается в Уголовном кодексе Республики Сан-Марино, который устанавливает ответственность и определяет наказания за незаконный ввоз и вывоз питательных веществ и веществ, используемых в медицинских целях, алкогольных напитков, продуктов и авторских произведений с обманной маркировкой, поддельных монет, ценных бумаг, кредитных документов с фальшивой подписью. В зависимости от объекта преступного посягательства за совершение перечисленных деяний предусмотрено наказание I, II, III, IV степени в виде тюремного заключения от трех до десяти лет⁹. В этом же ряду Уголовный кодекс Голландии. Так, за ввоз на территорию королевства контрафактных товаров, товаров

с ложно указанным местом происхождения или добавлением фиктивного фирменного названия и др. предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком не более одного года и штрафа пятой категории. За ввоз ложных, фальсифицированных, незаконно произведенных клейм, знаков или предметов, на которые они незаконно поставлены, предусмотрено наказание в виде тюремного заключения сроком от двух до шести лет или штрафа пятой категории (100 тыс. гульденов)¹⁰.

Второй подход выражается в криминализации только тех деяний, которые представляют наибольшую общественную опасность. К этой группе, как правило, относится контрабанда изъятых из свободного оборота предметов (оружия, взрывных устройств, наркотических средств, радиоактивных материалов и др.). Например, Уголовный кодекс Франции предусматривает повышенную уголовную ответственность за ввоз или вывоз наркотических средств. За совершение данного преступления предусмотрено наказание (ст. 222-36) в виде десяти лет тюремного заключения и штрафа в размере 50 млн франков. Если перемещение наркотических средств осуществляется организованной бандой, то срок тюремного заключения увеличивается до 30 лет со штрафом в размере 50 млн франков (ст. 222-34). За руководство группой, осуществляющей ввоз и вывоз наркотических средств, определено пожизненное заключение и штраф 50 млн франков¹¹.

Значительно меньший перечень преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров, предусмотрен законодательством Германии. Общие нормы, содержащие наказание за контрабанду, содержатся в Германском положении о налогах от 16.03.1976 г. За совершение простой контрабанды, вне зависимости от вида и количества перемещаемого товара, предполагается лишение свободы сроком до пяти лет. За квалифицированную контрабанду, то есть совершение преступления в виде промысла, с применением насилия или в составе банды с применением огнестрельного оружия, предусмотрено увеличение срока лишения свободы от трех месяцев до пяти лет¹². Примечательно, что отдельно не выделяются нормы о контрабанде наркотических средств и иных ограниченных в свободном обороте предметов. Согласно Уголовному кодексу Германии к контрабанде относится ввоз и вывоз материалов, используемых для изготовления служебных удостоверений

(бумага, пластины, формы, клише, бланки служебных удостоверений и т. д.). Санкцией статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком на два года или штраф (§ 275). При наличии квалифицирующих признаков, таких как совершение преступления в виде промысла или в качестве члена банды, наказание в виде лишения свободы увеличивается до трех лет, за ввоз и вывоз радиоактивных и других опасных веществ и ресурсов – до пяти лет (§ 328)¹³.

Уголовный кодекс Швейцарии кроме тюремного заключения и штрафа за контрабандные деяния предусматривает заключение в каторжную тюрьму сроком до пяти лет. Данное наказание назначается за ввоз фальсифицированных банкнот, фальшивых бумажных денег, металлических монет или служебных знаков оплаты, программ для неправомерного изменения или ликвидации данных, если лицо занимается этим в виде промысла (ст. 144-б, 243, 244). Наказание в виде тюремного заключения и штрафа предусмотрено за ввоз в страну предметов с навязчивыми изображениями жестокости в отношении людей или животных, кормов, вредных для здоровья животных, или средств для корма (ст. 135, 236)¹⁴.

В итальянском законодательстве термин «контрабанда» охватываются все таможенные преступления, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Среди наказаний за совершение указанных деяний предусмотрен только штраф, который исчисляется пропорционально¹⁵.

Анализ законодательства России, некоторых стран СНГ и Европейского союза свидетельствует, что в них имеет место достаточно широкий разброс законодательной оценки степени общественной опасности контрабанды, видов и сроков наказаний за ее совершение. Уголовные законы стран СНГ практически полностью повторяют положения УК РФ, в том числе относительно вида и размера наказания за контрабандные деяния. В качестве положительного момента отмечается более четкая дифференциация видов и размеров наказаний в зависимости от степени общественной опасности контрабанды, а также при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков.

Европейское уголовное законодательство, криминализируя более широкий спектр контрабандных деяний, является более либеральным в части определения наказаний за совершение ввоза и вывоза на территорию государств запрещенных пред-

метов и предметов, в отношении которых установлена государственная монополия. Максимальный предел наказания, как правило, не превышает десяти лет лишения свободы (за исключением Уголовного кодекса Франции). Основными видами наказания являются лишение свободы и штрафы

различных категорий. Иные наказания за совершение контрабанды национальными уголовными законодательствами рассматриваемых государств не предусмотрены. Квалифицирующие признаки отражены слабо и практически не предполагают дифференциации наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Люттов В. А. Сравнительный анализ уголовной ответственности за контрабанду по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 16.

² См.: Прохоров Л. А., Скачко А. В. Правовые модели противодействия контрабанде: опыт зарубежного законодательства // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 69.

³ См.: Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Краснов А. Д. Противодействие таможенным преступлениям: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 103.

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qreakanRUS> (дата обращения: 20.09.2016).

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 20.05.2016).

⁸ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568/890?mode=tekst> (дата обращения: 16.09.2016).

⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://www.twirpx.com/file/1795288/grant/> (дата обращения: 16.09.2016).

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б. В. Волженкина. СПб., 2001. С. 140.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Франции. URL: <http://constitutions.ru/?p=5859> (дата обращения: 20.06.2016).

¹² См.: Савчишкин О. Г., Степанов Г. И. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17. С. 76.

¹³ См.: Уголовный кодекс Германии. URL: <http://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 25.09.2016).

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 25.09.2016).

¹⁵ См.: Кузнецов А. П. Законодательная регламентация государственной политики противодействия налоговым преступлениям в странах дальнего зарубежья // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 11.

¹ См.: Люттов В. А. Сравнительный анализ уголовной ответственности за контрабанду по уголовному законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 3. С. 16.

² См.: Прохоров Л. А., Скачко А. В. Правовые модели противодействия контрабанде: опыт зарубежного законодательства // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 69.

³ См.: Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Краснов А. Д. Противодействие таможенным преступлениям: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 103.

⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.competition.am/uploads/resources/qreakanRUS> (дата обращения: 20.09.2016).

⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 20.05.2016).

⁸ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568/890?mode=tekst> (дата обращения: 16.09.2016).

⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: <http://www.twirpx.com/file/1795288/grant/> (дата обращения: 16.09.2016).

¹⁰ См.: Уголовный кодекс Голландии / под ред. Б. В. Волженкина. СПб., 2001. С. 140.

¹¹ См.: Уголовный кодекс Франции. URL: <http://constitutions.ru/?p=5859> (дата обращения: 20.06.2016).

¹² См.: Савчишкин О. Г., Степанов Г. И. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17. С. 76.

¹³ См.: Уголовный кодекс Германии. URL: <http://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 25.09.2016).

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 25.09.2016).

¹⁵ См.: Кузнецов А. П. Законодательная регламентация государственной политики противодействия налоговым преступлениям в странах дальнего зарубежья // Бизнес в законе. 2005. № 1. С. 11.

УДК 343.8(437.6)

Актуальные проблемы пенитенциарной практики в Словении, связанные с лимитом наполнения тюрем

Г. МЕШКО – профессор Мариборского университета (Словения), доктор юридических наук;

О. В. ДРУЖИНИНСКАЯ – старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье на основе статистических данных анализируется положение в исправительных учреждениях Словении, в частности лимит наполнения тюрем, финансовые и кадровые трудности, предлагаются пути выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: лимит наполнения тюрем; пенитенциарная практика; Словения.

A concise overview of penal practice in Slovenia: prison overcrowding

G. MEŠKO – Professor of the University of Maribor, Slovenia, Dcs. in Law;

O. V. DRUZHININSKAYA – Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor

On the basis of statistical data the author analyzes the present state in the penal institutions in Slovenia, in particular the overcrowding of prisons, acknowledges the financial and staffing difficulties, offers ways out of this situation.

Keywords: overcrowding of prisons; penal practice; Slovenia.

В 1991 г. Словения стала независимым государством и начала претендовать на членство в международных организациях. После вступления в ООН страна присоединилась к международным стандартам в области защиты прав заключенных. Словения в 1993 г. ратифицировала Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, вступив в Совет Европы в 1993 г., начала реализацию деклараций, рекомендаций и правил, а также всех ратифицированных конвенций и протоколов Совета Европы.

С учетом международных стандартов и практики других восточно-европейских государств в 1994 г. было проведено первое всестороннее исследование условий размещения заключенных в исправительных учреждениях Словении. В результате на законодательном уровне были приняты минимальные требования в данной области. Например, согласно ст. 42 Закона об исполнении уголовных санкций, камеры должны соответствовать санитарным требованиям и предоставлять возможности для осуществления психологической помощи¹. Заключенный может находиться в отдельной камере, если в учреждении есть такая возможность. В соответствии с правилами исполнения приговора к тюремному заключению на одного осужденного должно приходиться минимум 9 кв. м в отдельной камере и 7 кв. м в общем помещении². Кроме того, необходимо соблюдать рекомендации 1996 г. по кубатуре от Европейского Комитета по предотвращению пыток

(8 кв. м – отдельная камера на человека). В большинстве стран – членов Совета Европы средняя площадь камер на одного осужденного составляет 7–12 кв. м. Несмотря на международные документы и стандарты, которые должны выполняться на практике, в Словении в связи с увеличением числа заключенных с 2000 г. и по настоящее время наблюдается перенаселение тюрем. По данным Управления тюрьмами Республики Словения на май 2015 г., среднее число заключенных (1511) превысило установленный объем (1322) почти на 14%³.

Управление тюрьмами Республики Словения является независимым административным органом в Министерстве внутренних дел, образованным в 1995 г. в результате объединения восьми органов власти в единое централизованное образование. Ряд задач, ранее выполняемых Министерством внутренних дел, был передан управлению, в частности исполнение различных уголовных наказаний, осуществление досудебного задержания, организация общественных работ как альтернативной лишению свободы меры наказания, воспитательная работа в исправительных учреждениях.

Приговор к тюремному заключению приводится в исполнение в шести тюрьмах и одной исправительной колонии для несовершеннолетних. В самой большой мужской тюрьме (г. Добб) осужденные отбывают различные сроки наказания – от 1,5 лет до пожизненного. Центральное исправительное учреждение для женщин находится в г. Иг, оно также предназначено для подсудимых, несовершеннолетних

правонарушителей и осужденных за наименее опасные преступления, граничащие с административными правонарушениями. Несовершеннолетние и совершеннолетние (в возрасте от 18 лет до 21 года) правонарушители отбывают наказание в учреждении, расположенном в г. Селье. В тюрьмах Копера, Марибора и Любляны содержатся лица, приговоренные к разным срокам тюремного заключения. Исправительные учреждения могут иметь открытый, полуоткрытый и закрытый блоки, которые различаются уровнями безопасности и ограничениями в свободе передвижения. Места предварительного заключения организованы в пределах отдельных исправительных учреждений. Исправительная колония для несовершеннолетних расположена в г. Радече⁴.

При определении исправительного учреждения для лиц, приговоренных к лишению свободы, учитываются следующие критерии:

- пол (обычно мужчины и женщины содержатся в разных пенитенциарных учреждениях, в некоторых случаях они находятся в одном заведении, но содержатся раздельно);
- срок заключения (тюрем с длительным и коротким сроком заключения);
- возраст заключенного (тюрем для взрослых, несовершеннолетних и совершеннолетних (в возрасте от 18 лет до 21 года) правонарушителей);
- степень безопасности, режим исправительного учреждения (закрытые, полуоткрытые и открытые учреждения или блоки в исправительном учреждении).

В Словении заключенные, отбывающие наказания за тяжкие преступления, содержатся отдельно от тех, кто осужден за менее тяжкие преступления, а также от несовершеннолетних и подозреваемых. С другой стороны, в стране отсутствует деление на тюрьмы для рецидивистов и отбывающих заключение впервые. Кроме того, заключенные не классифицируются по категориям уголовных преступлений, однако в тюрьмах осуществляется дифференцированный подход к осужденным за преступления, связанные с наркотиками, в частности практикуется их раздельное проживание.

Словенские тюрьмы в основном меньше европейских: всего 4 учреждения из 13 имеют вместимость более 100 чел., самое большее рассчитано на 420 чел.⁵ Большинство исправительных учреждений расположено в старых зданиях, построенных до или сразу после Второй мировой войны для других целей. В связи с этим в 2003 г. принята

программа по увеличению лимита тюрем. Самый значимый объект строительства – это новая тюрьма в Копере, отвечающая международным стандартам. В Словении большинство заключенных находятся в помещениях общего пребывания, где их количество не должно превышать 8 чел. Если вместимость тюрем не увеличится или суды не начнут практиковать применение наказаний, альтернативных лишению свободы, тюрьмы окажутся в еще больших условиях превышения лимита наполнения.

Несмотря на увеличение численности осужденных, Словения по-прежнему является страной с самым низким уровнем тюремного заключения (63 заключенных на 100 тыс. жителей⁶). Однако по сравнению с другими европейскими странами Словения относится к странам с самым высоким уровнем лимита наполнения тюрем. Это связано с тем, что тюрьмы в данной стране строились из расчета содержания не более ста заключенных. Необходимо строительство новых исправительных учреждений, но ограниченный бюджет государства и другие приоритеты с трудом позволяют реализовать подобные задачи.

Превышение лимита обуславливает и другие проблемы в пенитенциарной среде – отсутствие возможности реализовать право на неприкосновенность личной жизни, соблюдать правила гигиены, организовывать свободное время. Кроме того, тюрьмы не могут обеспечить всех заключенных работой. Отмечается также недостаток персонала (социальных работников, воспитателей, психологов), что ведет к перегруженности сотрудников и дефициту программ реабилитации осужденных. Сотрудники службы воздействия часто отвлекаются от своих прямых обязанностей, им приходится предпринимать дополнительные меры по охране и надзору, они заняты в большей степени соблюдением мер безопасности, чем реабилитацией осужденных.

Лимит наполнения исправительных учреждений влияет и на их безопасность, так как большинство тюрем в Словении построены изначально для других целей и не соответствуют современным стандартам предварительного задержания и тюремного заключения. Анализ функциональных возможностей исправительных учреждений позволил оценить их соответствие по следующим шести критериям: установленный размер камер, наличие места для рекреационных занятий в стенах пенитенциарного учреждения, наличие отдельных помеще-

ний для приема пищи, приема посетителей, наличие помещений для мастерских, безопасность и надежность учреждений. По данным Управления тюрьмами, только 2 из 13 пенитенциарных учреждений соответствуют всем критериям функциональности, 3 – оцениваются как частично пригодные, остальные являются функционально непригодными.

Ухудшение жилищных условий для лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, и ужесточение требований к выполнению служебных обязанностей персонала явились следствием превышения лимита наполнения тюрем и их низкой вместимости, что привело также к увеличению числа конфликтов между заключенными и нападений на сотрудников. Часто конфликты требуют вмешательства персонала и применения силы, при этом разделение по разным камерам или перевод в другие камеры затруднителен, а иногда невозможен из-за переполненности.

Недовольство осужденных, личностные расстройства могут провоцировать суицидальное поведение и голодовки. Об ухудшении условий содержания свидетельствуют письменные жалобы осужденных в различные инстанции. В жалобах, направленных директору Управления тюрьмами Республики Словения, в большинстве случаев указываются низкий уровень медицинской помощи, несправедливые решения сотрудников в отношении льгот тем, кто находится в местах лишения свободы, незаконное применение персоналом физической силы, насилие со стороны других осужденных, ухудшение условий проживания и отсутствие возможности работать в тюрьме.

Неудовлетворительные условия содержания заключенных также влияют на условия труда сотрудников пенитенциарных заведе-

ний, что приводит к увеличению количества неявок на работу. С другой стороны, необходимо отметить, что после реализации Закона о занятости (2003 г.), предписывающего максимальное количество сверхурочного времени 20 часов в месяц, наблюдалось постоянное снижение сверхурочного времени у персонала исправительных учреждений. Впоследствии данный показатель стал вновь увеличиваться. Активную работу по соблюдению рабочего регламента ведут профсоюз сотрудников словенских тюрем, а также Словенское пенологическое общество – негосударственная организация с большинством членов из числа сотрудников тюремной администрации.

На общую численность заключенных также влияет количество освобождений из исправительных учреждений. Одной из причин переполнения лимита словенских тюрем можно отметить уменьшение условно-досрочных и досрочных освобождений и, как следствие, увеличение числа осужденных, отбывающих свой срок полностью.

Следовательно, чтобы избежать постоянного превышения численности заключенных, правительство Словении должно предпринять шаги в двух направлениях: снижение числа отбывающих наказание в тюрьме и увеличение вместимости исправительных учреждений. В первом случае в системе уголовного судопроизводства необходимо более частое применение условно-досрочных освобождений, сокращенного срока тюремного приговора и альтернативных видов наказаний, во втором – требуется увеличение финансирования пенитенциарной системы страны. Кроме того, по нашему мнению, ситуация в словенских тюрьмах в настоящее время требует междисциплинарного исследования вопросов совершенствования пенитенциарной политики и практики деятельности уголовных судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: http://zakonodaja.gov.si/rpsi/r03/predpis_ZAKO1223.html (дата обращения: 30.06.2016).

² См.: URL: http://zakonodaja.gov.si/rpsi/r02/predpis_PRAV2522.html (дата обращения: 30.06.2016).

³ См.: URL: <http://www.prisonstudies.org/country/slovenia> (дата обращения: 30.06.2016).

⁴ См.: URL: http://www.mp.gov.si/en/about_the_office/prison_administration_bodies_of_the_ministry/prisons_and_the_juvenile_correctional_home/ (дата обращения: 30.06.2016).

⁵ См.: URL: http://www.mp.gov.si/en/about_the_office/prison_administration_bodies_of_the_ministry/prisons_and_the_juvenile_correctional_home/ (дата обращения: 30.06.2016).

⁶ См.: URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 20.10.2016).

¹ См.: URL: http://zakonodaja.gov.si/rpsi/r03/predpis_ZAKO1223.html (дата обращения: 30.06.2016).

² См.: URL: http://zakonodaja.gov.si/rpsi/r02/predpis_PRAV2522.html (дата обращения: 30.06.2016).

³ См.: URL: <http://www.prisonstudies.org/country/slovenia> (дата обращения: 30.06.2016).

⁴ См.: URL: http://www.mp.gov.si/en/about_the_office/prison_administration_bodies_of_the_ministry/prisons_and_the_juvenile_correctional_home/ (дата обращения: 30.06.2016).

⁵ См.: URL: http://www.mp.gov.si/en/about_the_office/prison_administration_bodies_of_the_ministry/prisons_and_the_juvenile_correctional_home/ (дата обращения: 30.06.2016).

⁶ См.: URL: http://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 20.10.2016).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.972:343.8

Дименсиональный подход в оценке расстройств личности у осужденных с использованием метода расчета психодинамических коэффициентов цветовых предпочтений по Д. В. Сочивко

А. В. ДИДЕНКО – заместитель начальника по учебной и научной работе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, доктор медицинских наук, доцент;

О. И. СОЧИВКО – преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с постановкой диагноза и оценкой расстройства личности у осужденных в условиях мест лишения свободы на основе дименсионального подхода. Дается описание трех групп осужденных женщин, оценка существующих между ними различий с использованием теста М. Люшера в сочетании с методом расчета психодинамических коэффициентов по Д. В. Сочивко. На основе проведенного исследования отмечается существование базовых различий на поведенческом и аффективном уровне между осужденными с личностной патологией и осужденными без личностных расстройств, но имеющих поведенческие нарушения, связанные с выполнением режимных требований.

Ключевые слова: осужденные женского пола; расстройства личности; категориальная модель; дименсиональный подход; DSM-5; МКБ-10; метод расчета психодинамических коэффициентов по Д. В. Сочивко.

Dimensional approach to evaluation personality disorders of convicts using the method of calculation of psychodynamic coefficients of color preferences by D. V. Sochivko

A. V. DIDENKO – Deputy Head of the Tomsk Institute for Advanced Studies Employees of the Federal Penal Service of Russia for Education and Science, Dsc. in Medicine, Associate Professor;

O. I. SOCHIVKO – Lecturer of the Department of Psychology of Professional Work in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with topical issues related to the diagnosis and evaluation of personality disorders of convicts personality under conditions of imprisonment on the basis of dimensional approach. It presents a description of the three groups of convicted women, evaluation of existing differences between them using the test of M. Luscher in conjunction with the method of calculation of psychodynamic factors of D.V. Sochivko. On the basis of the study was indicated the existence of basic differences in behavioral and affective level between prisoners with personality disorders, and convicted without personality disorders, but having behavioral problems related to the implementation of security requirements.

Key words: female prisoners; personality disorders; categorical model; dimensional approach; DSM-5; ICD-10; method of calculating psychodynamic coefficients of D. V. Sochivko.

Актуальной проблемой, связанной с личностной патологией у осужденных, является постановка диагноза расстройства личности в условиях мест лишения свободы. Диагностические трудности оценки расстройств личности у осужденных вызваны, во-первых, наличием сочетанной (коморбидной) психической патологии в виде органических психических расстройств, зависимости от психоактивных веществ, аффективных расстройств¹ и, во-вторых, влиянием социокультуральных факторов на диагностику расстройств личности, требующих дополнительного введения социальных и криминологических параметров оценки, не связанных с диагностическими критериями, но способных влиять на клиническую картину, оценку и первичную диагностику личностной патологии².

Созданная рабочая группа Американской психиатрической ассоциации по отбору и включению в DSM-5 исследовательских данных, необходимых для диагностики личностной патологии, сконцентрировалась на двух диагностических моделях диагностики расстройств личности: категориальной и дименсиональной.

Категориальная модель основана на диагностических критериях, принципы которых изложены в большинстве медицинских моделей диагностики, являющихся неотъемлемой частью предыдущих версий DSM. Данная модель также является диагностической базой для больших синдромов в DSM-5. Специалисты в области психического здоровья отмечают удобство в использовании этой модели. Достоинствами категориального метода, доминирующего в диагностике психических расстройств, считаются: возможность установления четких границ между различными психиатрическими синдромами, простота использования в клинической практике с учетом дефицита времени, возможность объединения различных симптомов внутри одной диагностической категории³. Однако исследования показывают, что клиницисты чаще ставят диагноз расстройства личности в «импрессионистической манере», основываясь на первом впечатлении от больного или его внешнем восприятии больше, чем при использовании диагностических критериев. Более того, даже когда критерии использу-

ются, их внутренняя достоверность противоречива⁴. По данным литературных источников, главной проблемой существующей модели оценки психических расстройств является неспособность передавать тяжесть расстройства, а также другие клинически значимые особенности любой категории психических расстройств⁵.

Дименсиональный подход к диагностике расстройства личности длительное время поддерживался многими известными исследователями и клиническими психологами⁶. Необходимым условием анализа является использование стандартизированного оценочного инструмента, позволяющего определить значимость различных диагностических признаков. Дименсиональный подход позволяет охватывать намного больше информации относительно аффективной лабильности, нарушений контроля импульсивности, уровня восприятия собственных нарушений, межличностных отношений и стабильности Я-концепции⁷. Эта разносторонняя информация не просто сводится к одной строчке диагноза – она расширяет понимание больного и способствует точной диагностике. Тем не менее, дименсиональный подход не способен решить многие из ключевых проблем существующих классификаций, среди которых можно выделить низкую достоверность постановки диагноза и высокую коморбидность психических расстройств. Недостатками дименсионального подхода также являются отсутствие единства в отношении числа и природы дименсий и точных измерительных шкал для оценки симптомов. В отношении личностной патологии при использовании психометрических шкал отмечается, что их валидность зависит от стабильности в пространстве и времени психопатологических проявлений, имеющих, как предполагается, физические корреляты в головном мозге (например, связанные с аффективными составляющими, зависящими от особенностей нейрофизиологии мозга). В связи с этим использование в диагностике расстройства личности психологического инструмента, способного показать количественные отличия личностной патологии на психологическом уровне, может придать диагностическому процессу дополнительную объективность.

Для решения данной проблемы было проведено сравнительное изучение трех групп осужденных женщин (общее количество обследованных составило 100 чел.). Исследование было проведено на базе УФСИН России по Московской области и УФСИН России по Краснодарскому краю. Средний возраст осужденных обследованных групп – 34 ± 2 года. Минимальный срок наказания, отбытый в исправительном учреждении лицами изучаемой группы, – 3 года. Первая группа представлена осужденными, не состоящими ни на одном из видов учета. Вторая группа осужденных представлена лицами, состоящими на профилактическом учете. Третья группа – осужденные с диагнозом расстройства личности, состоящие под наблюдением психиатра исправитель-

ного учреждения. Для психометрической оценки различий между тремя изучаемыми группами использовался тест М. Люшера⁸ в сочетании с методом расчета психодинамических коэффициентов по Д. В. Сочивко⁹.

Проведенное исследование позволило установить, что у осужденных женщин группы № 1 ($n=42$) и осужденных женщин группы № 3 ($n=30$) имеется системное отвержение синего цвета (рис. 1), которое было связано с отсутствием ощущения удовлетворенности, нарушением межличностных взаимоотношений. Отвержение синего цвета поведенчески проявлялось в дистанцировании от окружающих. Искренние, аутентичные эмоции имели тенденцию к блокированию, что приводило к фиксации осужденных на внутренних переживаниях.

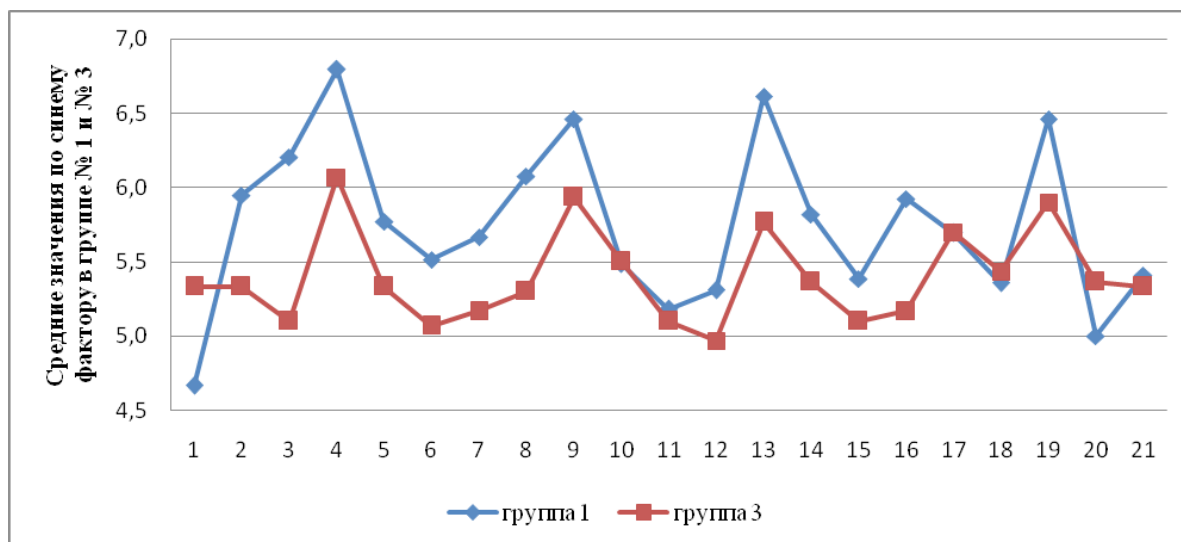

Рис. 1. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по синему цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 1 и № 3

Осужденные женского пола группы № 2 ($n=28$) также демонстрировали системное отвержение синего цвета (рис. 2). Отвержение синего цвета, по М. Люшеру, означает, что он выступает как «роль-защита», которая трактовалась как боязнь пустоты.

Осужденные женского пола группы № 3 и осужденные группы № 2 характеризовались системным отвержением зеленого цвета (рис. 3). По данным, полученным Д. В. Сочивко, женщины склонны в целом больше, чем мужчины, отвергать зеленый цвет, и, вероятно, это отвержение по отношению ко всем возможным парам иных цветов означает, что угнетена способность отстаивать свою позицию, имеется неудов-

летворенность своим социальным статусом. Однако эта тенденция также может говорить и о том, что у личностей с подобным цветовым отвержением может возникать страх недооцененности и, как следствие, наличие асоциальных форм самоутверждения.

Кроме этого, для осужденных групп № 3 и № 2 были характерны общие поведенческие проявления в виде защиты своего «Я» и неспособность к осознанию неэффективности своего поведения.

Интересны сравнительные данные, полученные при изучении отвержения/предпочтения зеленого цвета в группах № 1 и № 3 (рис. 4).

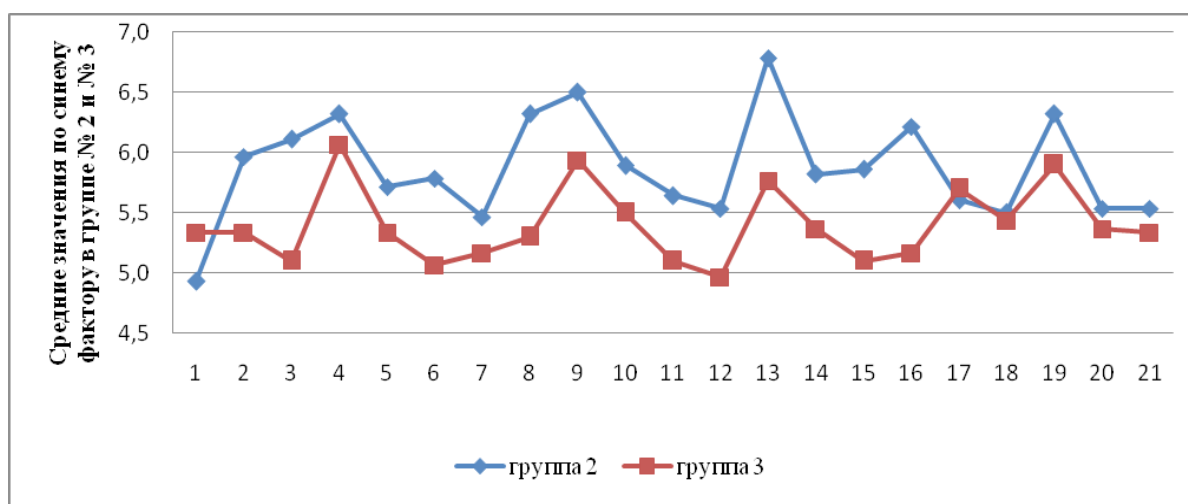

Рис. 2. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по синему цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 2 и № 3

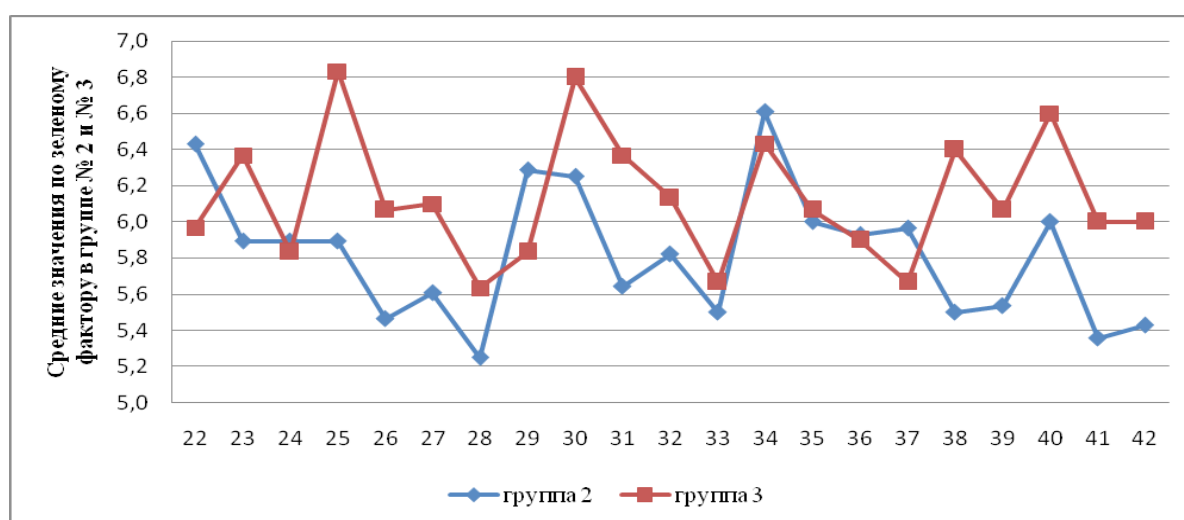

Рис. 3. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по зеленому цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 2 и № 3

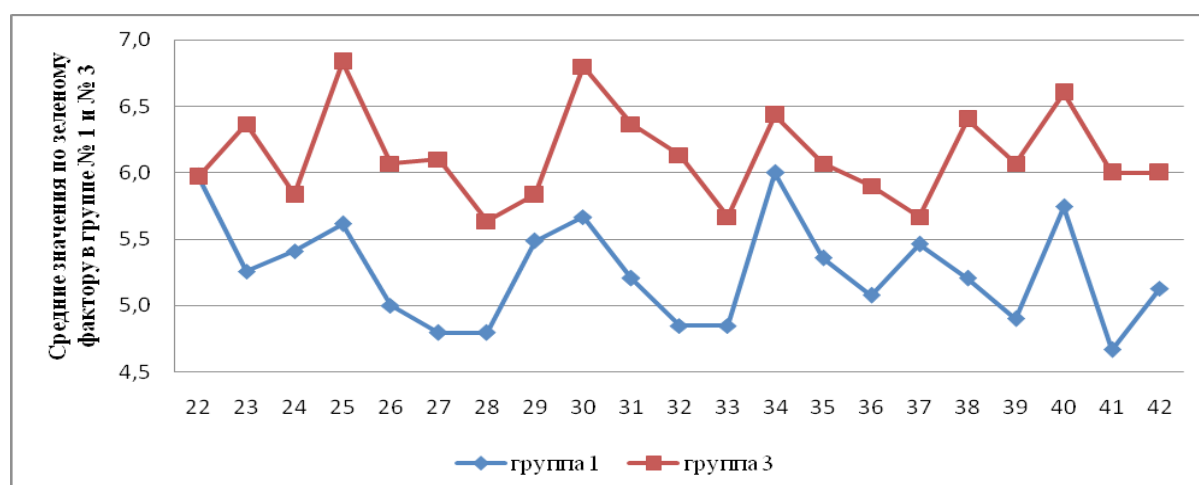

Рис. 4. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по зеленому цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 1 и № 3

Так, было установлено, что осужденные женского пола группы № 1 могут как предпочитать, так и отвергать зеленый цвет. Предпочтение цвета М. Люшер называет «ролью-идолом», что проявляется в стремлении человека к достижению какой-либо цели. Согласно характеристикам роли-идола зеленого типа поведения, представленным М. Люшером, главное его содержание – попытка иллюзорного самоутверждения в границах собственного «Я». Таким образом, самоутверждение, а также достижение власти может происходить за счет присоеди-

нения к «Мы», а в местах лишения свободы чаще всего за счет присоединения к асоциальной группе.

Осужденные групп № 1 и № 2 выбирали желтый цвет (рис. 5, 6). В индивидуальных беседах с осужденными выявлялись желание избежать трудности, тенденция к подавлению аффективных проявлений. Сочетание желтого с отвергаемым синим цветом коррелировало с попытками ухода от актуальных переживаний настоящего и направлением в будущее, а сочетание желтого с отвергаемым зеленым – стремление к независимости.

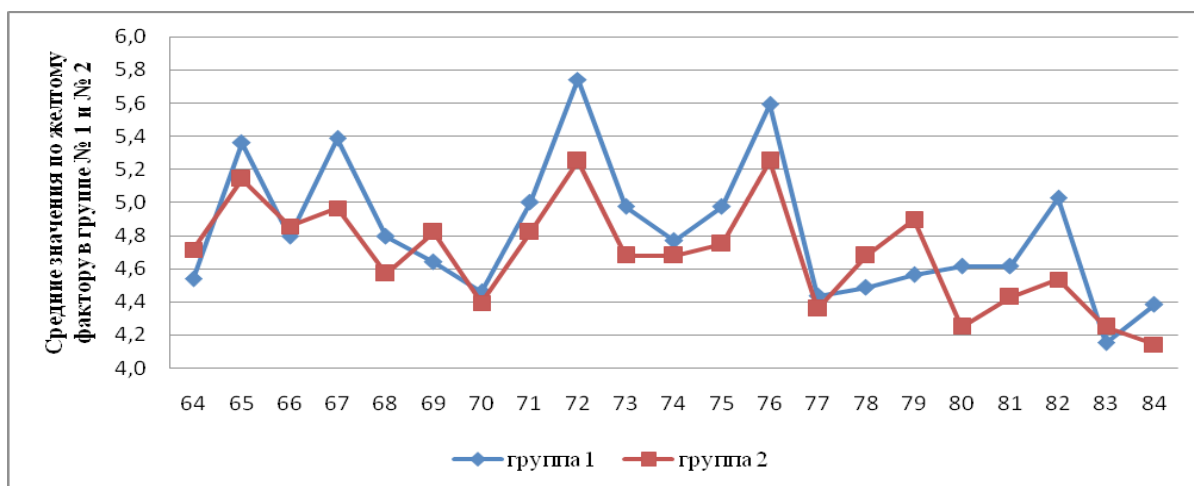

Рис. 5. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по желтому цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 1 и № 2

Таким образом, в структуре «роли-идола» желтого типа поведения, которая свойственна осужденным групп № 2 и № 1, существуют две противоположные психодинамические тенденции: с одной стороны, отчетливое стремление к отрыву, отъединению, целиком ориентированное в иллюзорное будущее, с другой – желание изменить прошлое, освободиться от внешних принуждений и обид, исходящих из прошлого.

При анализе предпочтения желтого цвета (по М. Люшеру) получено три различных функциональных направления интерпретации, коррелирующих с данными, выявленными при психологическом обследовании, а именно: стремление к отрыву, социальной разобщенности и бегству от настоящего (плюс желтый – минус синий); стремление к свободе «от оков принуждения и стесненности» (плюс желтый – минус зеленый); стремление к разгрузке, облегчению, «к ос-

вобождению от огорчений и досады» (плюс желтый – минус красный).

Осужденные группы № 3 отвергали желтый цвет. Отвергаемый желтый подразумевает, что разочарование и отсутствие уверенности в возможности реализовать надежды выливаются в смятение.

Роли-защиты желтого типа психодинамики поведения соответствовали отвержению желтого и были связаны с боязнью любых изменений в своей судьбе.

При психометрическом обследовании осужденных группы № 2 было выявлено отвержение фиолетового цвета (рис. 7), что в сочетании с отвержением синего или зеленого цветов, характерных для этой группы, было связано с избирательностью в межличностных контактах, излишней чувствительностью к внешним воздействиям, низкой стрессоустойчивостью, раздражительностью и нетерпеливостью.

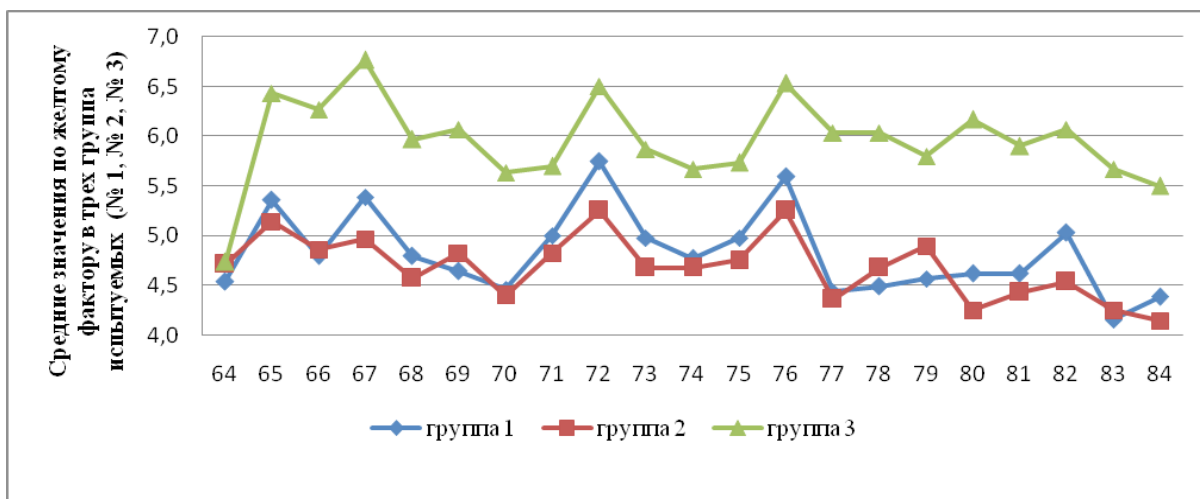

Рис. 6. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по желтому цветовому фактору в трех группах осужденных женского пола

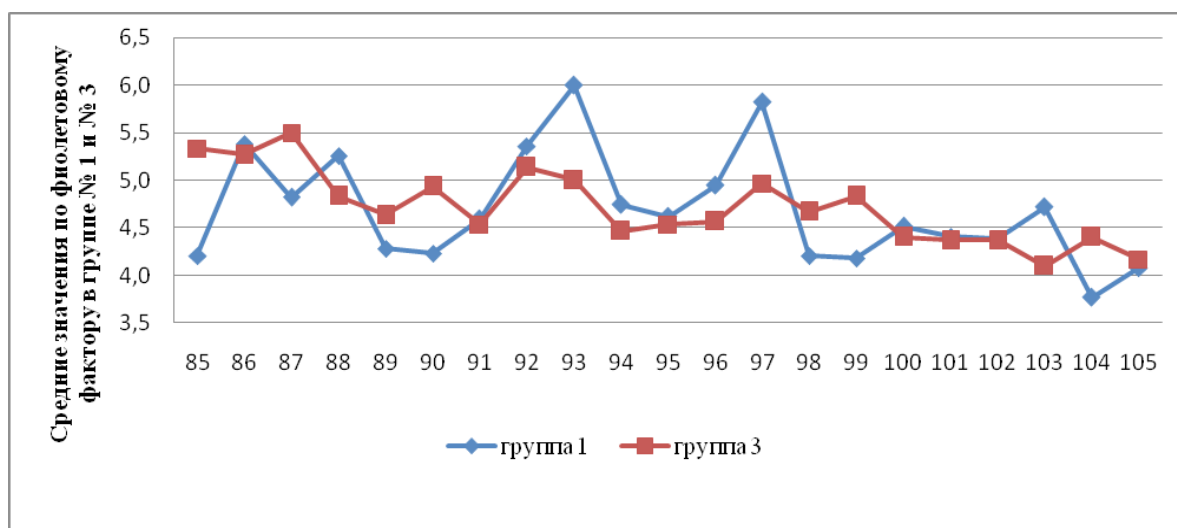

Рис. 7. Средние значения психодинамических коэффициентов Д. В. Сочивко по фиолетовому цветовому фактору в группах осужденных женского пола № 1 и № 3

У этих осужденных блокированы аффилиативная потребность в сфере эмоционально значимых контактов и потребность в принятии и уважении, способность принять решение, выйти с достоинством из унижающей их ситуации.

У осужденных группы № 3 при психологическом обследовании было выявлено предпочтение фиолетового цвета, что связано с выявляемой неспособностью отделить реальность от воображаемого мира. В плане самооценки отмечалась излишняя ранимость и чувствительность. Указанные особенности выражались в трудностях усвоения общепринятых норм поведения.

Таким образом, проведенное сравнительное психометрическое исследование с по-

мощью метода расчета психодинамических коэффициентов цветовых предпочтений (по Д. В. Сочивко) выявило следующие особенности психического состояния осужденных женщин, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы:

1. Группа № 3 характеризуется существенным по сравнению с другими группами отвержением желтого цвета и предпочтением фиолетового. Таким образом, страх потери стабильности существования присутствовал у осужденных группы № 3, которые по результатам оценки психического статуса психиатром исправительного учреждения находились в состоянии клинической компенсации расстройства личности.

2. Группы № 1 и № 2 отвергают синий и зеленый цвета, но предпочитают желтый, что свидетельствует о стремлении уйти от фрустрирующей их действительности, желании перемен, стремлении к свободе и независимости, лучше, пусть иллюзорному, будущему. Системное отвержение группой № 2 фиолетового цвета еще больше осложняет реализацию этих стремлений из-за выраженной избирательности в контактах и повышенной к ним требовательности, но

одновременной чрезмерной потребности в принятии и уважении.

Указанные особенности могут говорить о существовании базовых различий на поведенческом и аффективном уровнях между осужденными с личностной патологией и осужденными без установленных с помощью методов психических расстройств, но имеющих поведенческие нарушения, связанные с выполнением режимных требований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Качнова Н. А. Клинико-психопатологические и социальные характеристики осужденных женщин с психическими расстройствами : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1999; Гусев С. И. Клинико-патодинамические, социально-психологические закономерности формирования ремиссий и реабилитация в условиях пенитенциарной изоляции : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2010; Яковлева А. Л., Симуткин Г. Г. Клинико-динамические особенности аффективных расстройств при их коморбидности с личностными расстройствами // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2014. № 2 (83). С. 26–29.

² См.: Семке В. Я., Диденко А. В. Специфика диагностики расстройств личности в условиях пенитенциарной среды // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 5. (56). С. 88–91.

³ См.: Павличенко А. В. Настоящее и будущее диагноза в психиатрической практике // Трудный пациент. 2015. № 5–6. Т. 13. С. 41–42.

⁴ См.: Harford T. C., Chen C. M., Saha T. D. An item response theory analysis of DSM-IV diagnostic criteria for personality disorders: findings from the national epidemiologic survey on alcohol and related conditions // Personality Disorders. 2013. 4:43–54.

⁵ См.: Brown T. A., Barlow D. H. Dimensional Versus Categorical Classification of Mental Disorders in the Fifth Edition of the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders and Beyond: Comment on the Special Section // Journal of Abnormal Psychology. 2005. Vol. 114. № 4. P. 551–556.

⁶ См.: Widiger T. A., Simonsen E., Sirovatka P. J. Dimensional Models of Personality Disorders: Refining the Research Agenda for DSM-V. Arlington, 2006.

⁷ См.: Trestman R. L. DSM-5 and Personality Disorders: Where Did Axis II Go? // J Am Acad Psychiatry Law. 2014. 42:2–142.

⁸ См.: Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж, 1995.

⁹ См.: Сочивко Д. В. Цветопсиходинамика. М., 2009.

¹ См.: Качнова Н. А. Клинико-психопатологические и социальные характеристики осужденных женщин с психическими расстройствами : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1999; Гусев С. И. Клинико-патодинамические, социально-психологические закономерности формирования ремиссий и реабилитация в условиях пенитенциарной изоляции : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Томск, 2010; Яковлева А. Л., Симуткин Г. Г. Клинико-динамические особенности аффективных расстройств при их коморбидности с личностными расстройствами // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2014. № 2 (83). С. 26–29.

² См.: Семке В. Я., Диденко А. В. Специфика диагностики расстройств личности в условиях пенитенциарной среды // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. № 5. (56). С. 88–91.

³ См.: Павличенко А. В. Настоящее и будущее диагноза в психиатрической практике // Трудный пациент. 2015. № 5–6. Т. 13. С. 41–42.

⁴ См.: Harford T. C., Chen C. M., Saha T. D. An item response theory analysis of DSM-IV diagnostic criteria for personality disorders: findings from the national epidemiologic survey on alcohol and related conditions // Personality Disorders. 2013. 4:43–54.

⁵ См.: Brown T. A., Barlow D. H. Dimensional Versus Categorical Classification of Mental Disorders in the Fifth Edition of the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders and Beyond: Comment on the Special Section // Journal of Abnormal Psychology. 2005. Vol. 114. № 4. R. 551–556.

⁶ См.: Widiger T. A., Simonsen E., Sirovatka P. J. Dimensional Models of Personality Disorders: Refining the Research Agenda for DSM-V. Arlington, 2006.

⁷ См.: Trestman R. L. DSM-5 and Personality Disorders: Where Did Axis II Go? // J Am Acad Psychiatry Law. 2014. 42:2–142.

⁸ См.: Льюшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж, 1995.

⁹ См.: Сочивко Д. В. Цветопсиходинамика. М., 2009.

УДК 159.9:343.8

О понятии «конструктивное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы»

Д. В. ПЕСТРИКОВ – доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат психологических наук

В статье обосновывается понятие конструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, где конструктивность рассматривается как оценочная характеристика социально одобряемых поведения, действий, поступков;

делается акцент на том, что конструктивное поведение развивается в процессе адаптации к условиям профессиональной деятельности, становления профессиональной роли сотрудника.

Ключевые слова: поведение; роль; статус; толерантность; должностная позиция; организационная культура; профессиональная культура; интернализация; психология; конструктивность; конструктивное поведение.

On the concept of «constructive behavior of the employees of the penal system»

D. V. PESTRIKOV – Associate Professor of the Department of Psychology of Professional Work in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

The article explains the concept of constructive behavior of employees of the penal system, where constructiveness is regarded as appraisal characteristics of socially approved behavior, actions, and deeds; it emphasizes on the fact that the constructive behavior develops in the process of adaptation to the conditions of professional work, the formation of the professional role of the employee.

Key words: behavior; role; status; tolerance; job position; organizational culture; professional culture; internalisation; psychology; constructiveness; constructive behavior.

Служба в уголовно-исполнительной системе неизбежно связана со значительными психическими и физическими нагрузками, что обуславливает необходимость ее сопровождения с целью поддержания оптимального уровня эффективности деятельности сотрудника.

В настоящее время наметилась тенденция к омоложению личного состава, принимаемого на службу. Отсутствие четкой методологии организации процесса сопровождения служебной деятельности препятствует эффективному решению задач пенитенциарной системы, что повышает риск проявления деструктивных форм поведения сотрудников и отрицательной оценки деятельности уголовно-исполнительной системы со стороны общества.

Ориентация сотрудника на конструктивное поведение в своей деятельности возможна путем создания для этого специальных условий, способствующих развитию его личности. Анализ научных публикаций показал, что на сегодняшний день конструктивное поведение рассматривается в рамках межличностных конфликтов¹ и деструктивного поведения². Как правило, авторы корректируют «карту мира», определяя деструктивные формы поведения как несоответствующие существующим нормам (девиантное поведение), при этом не учитывают, что основа данного поведения лежит в

активности человека, направленной на разрушение.

В понятие конструктивного поведения заложен паттерн активности, направленный на созидание в рамках осуществляемой профессиональной деятельности, а не соответствие нормам поведения. Однако нормативное поведение является необходимым условием конструктивного поведения сотрудника ФСИН России.

В настоящее время под конструктивным поведением понимается часть профессиональной этики, изучающая совокупность моральных норм, однозначно регламентирующих должное поведение личности в конфликтных ситуациях. В отличие от норм обычной этики эти нормы не дают права выбора, они закрепляются в служебных документах и подкрепляются административными санкциями³. Следовательно, сотрудник должен быть готов к деятельности в условиях, обуславливающих профессиональную этикой, то есть четко представлять норму профессионального поведения.

Основными обязанностями сотрудников уголовно-исполнительной системы являются: организация деятельности по исправлению осужденных, предупреждение и выявление уголовных преступлений, осуществление деятельности в различных правоотношениях⁴. Для достижения данных целей сотрудникам предоставлены право-

вые полномочия, поэтому общество имеет право ожидать высокие показатели их деятельности и оценивать степень конструктивности. Любое отклонение от принципов приводит к снижению доверия общества к деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы⁵.

Соответственно, любые утверждения о поведении сотрудника, которые могут дискредитировать службу, должны быть исследованы в целях установления причин и предупреждения негативных последствий, выработки системы решений, направленных на формирование конструктивного поведения сотрудников.

В проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие 64 сотрудника УФСИН России по Рязанской области в возрасте от 26 до 40 лет, имеющие стаж службы в учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы, от 5 до 11 лет и проходящие службу в исправительных учреждениях и СИЗО. Предметом исследования стали представления сотрудников о конструктивном поведении, целью – определение базовых характеристик такого поведения и выявление факторов, создающих основу для реализации конструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы в практической деятельности.

Обобщая полученные результаты, можно выделить основные характеристики конструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы:

1. Надлежащий уровень личностной толерантности (данное качество отметили в качестве значимого более 82 % респондентов). Анализируя значение и смысловую нагрузку понятия «толерантность», можно предположить, что данное качество должно выступать как критерий профессионализма сотрудника, быть маркером конструктивного поведения, выражающимся в осознании выбора стратегии поведения и принятии ответственности за него. При этом развитие личностной толерантности и поддержка ее необходимого уровня в процессе профессиональной деятельности являются организационной задачей пенитенциарной системы.

2. Коммуникативные права личности (73 % опрошенных), под которыми респонденты понимают: право на свою систему ценностей, право на достоинство и его уважение, право на индивидуальность и своеобразие, на отличие от собеседника, право на точку зрения и др. Эти права могут рассматриваться и как операционализация коммуникативной толерантности, как фик-

сация конкретных направлений усилий, необходимых для поддержания полноценного мирного сосуществования и сотрудничества. Именно поэтому признание человеком основных коммуникативных прав личности (как своих, так и собеседника) и следование им в общении могут служить важными критериями межличностной толерантности.

3. Межличностная толерантность, под которой большинство опрошенных (63 %) понимает способность конструктивно взаимодействовать с различными категориями граждан. При этом респонденты прямо указывают на тот факт, что межличностная толерантность развивается в процессе адаптации к службе в уголовно-исполнительной системе через преодоление различного рода защитных механизмов, которые являются причинами интолерантного поведения⁶. Таким образом, основываясь на данном положении, мы можем диагностировать выраженность личностной толерантности как устойчивой характеристики сотрудника, позволяющей эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

Кроме этого, по мнению большинства сотрудников (75 %), межличностная толерантность включает в себя три взаимосвязанных качества:

- признание или способность видеть в другом человеке именно носителя иных ценностей, иной логики мышления, форм поведения, осознание его права быть другим, отличным от остальных;
- принятие или способность позитивного отношения к другому человеку;
- понимание или способность чувствовать другого как самого себя, видеть мир с его позиций и своей собственной одновременно.

4. Должностная позиция сотрудника уголовно-исполнительной системы. На наличие сформированной должностной позиции в качестве элемента конструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы указали более 59 % респондентов. Важно отметить, что, по мнению большинства опрошенных (77 %), должностная позиция рассматривается ими как детерминанта ведущей деятельности, формирование которой происходит при взаимодействии с организационной и профессиональной культурой. Должностная позиция является квинтэссенцией представлений сотрудника о своей миссии в рамках осуществляемой профессиональной деятельности. При соответствии требованиям профессиональной деятельности должностная позиция подкре-

пляет конструктивное поведение сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Подводя итог изложенному, отметим, что под конструктивным поведением сотрудника уголовно-исполнительной системы следует понимать устойчивую активность сотрудника, основанную на социальных нормах, организационной культуре, культуре профессиональной деятельности, в соответствии с должностной позицией, имеющей в своей основе намерение эффективно (плодотворно, результативно) осуществлять служебно-профессиональную деятельность в организации (достижение желаемой цели). Это эффективная деятельность, основанная на социальной самоидентификации сотрудника в условиях служебно-профессиональной деятельности.

Если сотрудник не справляется со своей ролью, это может быть обусловлено тем, что она не соответствует уровню его личностных притязаний. Необходима выработка различного рода мер, направленных как на профилактику, так и на формирование личности сотрудника, устойчивого к негативному влиянию служебно-профессиональной деятельности, на основе интернализации, то есть превращения внешних реальных действий, свойств предметов, социальных форм общения в устойчивые внутренние качества личности через усвоение индивидом выработанных в обществе (общности) норм, ценностей, верований, установок, представлений и т. д. Формирование конструктивного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы возможно в процессе интернализации требований к его профессиональной деятельности.

Далее подробно остановимся на анализе факторов, создающих основу для реализации конструктивного поведения сотрудников в практической деятельности. Респондентами были отмечены следующие факторы:

1) честность и порядочность сотрудников уголовно-исполнительной системы;

2) справедливость и беспристрастность во всех своих контактах с гражданами Российской Федерации и коллегами по службе;

3) вежливость и толерантность в общении;

4) применение силы в соответствии с законом;

5) добросовестность и прилежность в исполнении обязанностей (соблюдение режима рабочего времени и др.);

6) обязанность сотрудника выполнять все законные распоряжения и соблюдать закон;

7) обязанность сообщать руководству о любых угрозах, связанных со служебной де-

ятельностью, адресованных лично ему или членам его семьи, а также подобного рода информацию, связанную с деятельностью других сотрудников и граждан;

8) обязанность сотрудника, за исключением случаев, когда существует служебная необходимость, всегда быть чистым и аккуратным, носить форму одежды в соответствии с требованиями;

9) ответственность сотрудника уголовно-исполнительной системы за свои действия, бездействия в профессиональной деятельности и требование предпринимать все возможное, чтобы повысить свой уровень компетенции;

10) соблюдение антикоррупционного законодательства;

11) соблюдение правил поведения в коллективе (поддержка коллег при исполнении служебных, законных обязанностей, контроль их деятельности с целью предупреждения нарушения законности). Информация, которая поступает в распоряжение сотрудника уголовно-исполнительной системы, должна рассматриваться как конфиденциальная, он не должен использовать ее для личной выгоды и афишировать третьим лицам, кроме как для использования в рамках служебных обязанностей.

Конструктивное поведение во многом определяется существующей организационной и профессиональной культурой⁷. При этом культура деятельности сотрудника в организации является показателем конструктивного поведения, выраженного в профессионализме и уровне компетентности, этики поведения. Организационная культура определяет направленность деятельности сотрудников пенитенциарной системы, является внешним, средовым фактором. Конструктивное поведение развивается в процессе адаптации к условиям профессиональной деятельности, при этом происходит становление профессиональной роли сотрудника. Следовательно, конструктивное поведение невозможно без соответствующего уровня лояльности⁸ сотрудника к организации, его желания соответствовать требованиям организационной культуры.

Таким образом, в рамках реализации системы психологического сопровождения персонала органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, следует уделять внимание формированию конструктивного поведения сотрудников и проводить целенаправленную работу по профилактике деструктивных форм поведения в конфликтных ситуациях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр: Сухов А. Н. Социальная психология. М., 2012; Парыгин Б. Д. Социальная психология. Истоки и перспективы. СПб., 2010.

² См., напр.: Минин А. Я., Краев О. Ю. Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи : пособие. М., 2016; Организационное поведение и управление человеческими ресурсами: кейсы из коллекции ВШМ СПбГУ / под ред. И. В. Гладких, В. Н. Минин. СПб., 2010.

³ См.: Скородумова Э. З. Конструктивное управление конфликтами в организации как психологический феномен // Концепт. 2015. Т. 10. С. 261–265.

⁴ См.: Крымов А. А. Концепция развития уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 96–100.

⁵ См.: Спасенников Б. А., Голодов П. В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17–22.

⁶ См.: Пестриков Д. В. Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России) // Прикладная юридическая психология. 2008. № 2. С. 86–96.

⁷ См.: Киселев В. К. Организационная культура государственной службы: сущность, тенденции развития (социологический аспект) : дис. ... канд. социолог. наук. М., 1999.

⁸ См.: Горностаев С. В. Проблемы формирования служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 69–72.

¹ См., напр: Сухов А. Н. Social'naja psihologija. M., 2012; Parygin B. D. Social'naja psihologija. Istoki i perspektivy. SPb., 2010.

² См., напр.: Minin A. Ja., Kraev O. Ju. Aktual'nye problemy deviantnogo povedenija nesovershennoletnih i molodezhi : posobie. M., 2016; Organizacionnoe povedenie i upravlenie chelovecheskimi resursami: kejsy iz kollekcii VShM SPbGU / pod red. I. V. Gladkih, V. N. Minin. SPb., 2010.

³ См.: Skorodumova Je. Z. Konstruktivnoe upravlenie konfliktami v organizacii kak psihologicheskij fenomen // Koncept. 2015. T. 10. S. 261–265.

⁴ См.: Krymov A. A. Konceptija razvitija ugovolno-processual'noj dejatel'nosti organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2014. № 8. S. 96–100.

⁵ См.: Spasennikov B. A., Golodov P. V. Aktual'nye problemy pravovoj psihologii // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu. 2015. № 2 (18). S. 17–22.

⁶ См.: Pestrikov D. V. Razvitie ustanovki na tolerantnoe povedenie v obshhenii (na primere kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovanija FSIN Rossii) // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2008. № 2. S. 86–96.

⁷ См.: Kiselev V. K. Organizacionnaja kul'tura gosudarstvennoj sluzhby: sushhnost', tendencii razvitija (sociologicheskij aspekt) : dis. ... kand. sociolog. nauk. M., 1999.

⁸ См.: Gornostaev S. V. Problemy formirovanija sluzhebnoj lojal'nosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 3 (31). S. 69–72.

УДК 165.81:159.9.01:343.8

Психотерапевтический потенциал социального конструктивизма

О. Н. РАКИТСКАЯ – начальник кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

И. Н. СЕРЯКОВА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье обосновываются возможности конструктивизма в качестве концептуальной основы и средства систематизации психологических знаний, детерминирующих психологическую и психотерапевтическую практику, в том числе в условиях пенитенциарной системы.

Ключевые слова: конструктивизм; познание; конструирование реальности; психологическая реальность; когнитивная психотерапия.

Psychotherapeutic potential of social constructivism

O. N. RAKITSKAYA – Head of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor;

I. N. SERYAKOVA – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article substantiates the possibility of constructivism as a conceptual framework and tools of systematization of psychological knowledge, which determine the psychological and psychotherapeutic practice, including in the conditions of the penitentiary system.

Key words: constructivism; cognition; construction of reality; psychological reality; cognitive psychotherapy.

Проблемы межличностного общения и понимания нередко приводят к нарастанию психоэмоционального напряжения, сопровождающегося возникновением болезненных симптомов. Учеными повседневный стресс различной этиологии рассматривается как неизбежная ситуация жизнедеятельности, закономерно приводящая к заболеваниям невротического или психосоматического характера¹. В данных обстоятельствах психологическая помощь населению становится востребованной, однако даже в случае ее оказания является ситуативной и недостаточно системной. Обеспечение недостающих характеристик психологической работы требует определенных организационных и методологических условий.

Следует отметить, что уголовно-исполнительная система является одной из немногих социальных сфер, в которой созданы организационные условия для функционирования психологической службы, обслуживающей профессиональную деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы и обеспечивающей процессы исправления и ресоциализации осужденных. Приказ Минюста России от 12.12.2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы» регламентирует основные направления психологической практики в системе исполнения наказаний.

Что касается методологической базы, концептуально обосновывающей возможности психотехнической практики, то в качестве таковой полезно рассматривать конструктивизм как философское направление мысли, обладающее выраженным психологическим потенциалом, поскольку его содержанием выступают представления о конструктивном характере процесса познания, активной роли познающего субъекта. Данное направление противостоит классической метафизической онтологии и эпистемологическому реализму и представляет собой междисциплинарное направление философии XXI в., которое «предлагает особый взгляд на знание, новый ракурс его рассмотрения, так как знание в рамках данного подхода вы-

ступает инструментом обеспечения жизнедеятельности организма»². В связи с этим конструктивистский подход открывает большие перспективы не только для исследования специфики социальной реальности, но и выработки на его основе рекомендаций психолого-педагогического характера, обеспечивающих более гармоничный вариант структурирования бытия человека, формирования более адаптивных энергосберегающих форм жизнедеятельности людей.

Согласно данному подходу любая познавательная деятельность является конструированием, в его основе лежит «представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений»³. Следовательно, поиск и описание оптимальных «специальных» процедур конструирования образов о себе и партнерах по взаимодействию, окружающем мире и своем месте в нем могут стать задачей психолого-философских исследований, обеспечивающих конструктивное общение и жизнедеятельность граждан. Особенное значение это приобретает в условиях исправительных учреждений, призванных, помимо реализации функции наказания, ресоциализировать граждан, чьи способы познания и когнитивные образования обусловили делинквентное поведение. В ряде исследований выявлено, что имеющиеся у осужденных установки отражают непризнание вины, низкую оценку общественной опасности совершенного деяния и его последствий и тем самым затрудняют использование в пенитенциарной практике коррекционных программ когнитивно-поведенческого подхода⁴. Признавая особенности когнитивных конструкций осужденных, а также наличие детерминированных ими трудностей в психолого-педагогической работе с данным контингентом, выражаем несогласие с критической оценкой потенциала когнитивного направления психотерапевтической и психотехнической практик в обеспечении социализации указанной категории граждан. С нашей точки зрения, именно данный подход наиболее полно реализует потенциал философии конструктивизма.

Конструктивизм в узком смысле, или социальный конструктивизм, представляет собой разнородную группу теорий, созданных в психологии, социологии, философии, которые подчеркивают идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины⁵.

По мнению В. А. Лекторского, корни когнитивной составляющей конструктивистского подхода обнаруживаются в синергетических представлениях, согласно которым нельзя говорить об одной единственной существующей реальности, так как на самом деле она многослойна и включает много уровней⁶.

Социальный конструкционизм представляет собой направление в социальных науках, в том числе психологии, постулирующее первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании мира и собственного «Я». Согласно этому подходу «сама личность, конструирующая свое понимание мира, в свою очередь конструируется обществом, в котором она развивается, языком и культурным контекстом развития»⁷. В данном случае речь идет о необходимости отказа от абсолютных истин, эталонов поведения и психологических процессов и рассмотрении последних в многоголосии и взаимообогащении различных дискурсов (языков и способов интерпретации мира), в контексте культуры и истории конкретных сообществ, демократизации и социального преобразования сознания людей.

«Социальный конструкционизм утверждает, что любое знание относительно и обусловлено социальной группой, которая его конструирует, и что познающий неотделим от теоретизирующего сообщества, которое создает конструкции»⁸. С позиции социального конструкционизма все составляющие нашей социальной реальности (ценности, обычаи, законы, нормы поведения, традиции) конструируются посредством языка в отношениях с другими людьми. Важным условием такого интерсубъективного взаимодействия является общая причастность индивидов к социальному запасу знаний, доступному в повседневной жизни и передающемуся из поколения в поколение⁹. Именно эти знания, передающиеся в социальной практике посредством языка, и

детерминируют понимание окружающего мира и происходящих в нем событий.

Основой эпистемологических конструктивистских концепций являются положения Э. Глазерсфельда, согласно которым знание не обретается пассивным образом, оно активно конструируется познающим субъектом, а функция познания носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности¹⁰. Наиболее категорично данная идея выражена в радикальном конструктивизме, в котором не признается мировоззренческий объективизм науки, предполагающий, что наука открывает законы природы, существующие независимо от открывающего их человека.

В современной философии науки радикальному конструктивизму противопоставляется позиция конструктивного реализма, предложенная В. А. Лекторским и названная им «конструктивистским реализмом». В соответствии с ней, будучи включенным в мир, «познающее существо “вырезает” из реальности то, что соотносимо с его деятельностью, и при этом меняется само»¹¹. Таким образом, дихотомия внутреннего и внешнего мира, конструктивизма и традиционного реализма снимается, а познание, несмотря на все свои конструкции, имеет дело с реальностью.

С позиции конструктивного реализма созданная человеком реальность изменяет человека и определяет характер и возможности познания. Те единицы реального мира (атомы, элементарные частицы), которые философы-эмпирики считали логическими конструкциями из чувственных данных, а радикальные конструктивисты простыми фикциями, в современных условиях развития становятся конструктами создаваемой человеком реальности. Именно управление процессом конструирования психологической реальности является, на наш взгляд, задачей лиц, обеспечивающих процессы социализации и ресоциализации граждан. В связи с этим обретают актуальность исследования свойств и характеристик конструктов, составляющих содержание такой реальности и детерминирующих ее привлекательность для адептов.

Собственно исследования формирования и содержания психологической реальности осуществлялись в рамках традиционной парадигмы научного познания на стыке философии и психологии. При этом в работах ряда авторов (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков,

Г. П. Щедровицкий и др.) присутствуют идеи, присущие конструктивизму. Так, к наиболее продуктивным идеям Л. С. Выготского, имеющим конструктивистский характер, В. О. Богданова относит представление о высших психических функциях человека как социальных отношениях, которые переносятся во внутренний мир субъекта, а также идею об адаптивности (пригодности) знаний и идею о знаковой символической опосредствованности познания, согласно которой осознание субъектом каких-либо феноменов зависит от сложности организации языковых значений, которыми он пользуется. Проследивая параллели с отечественной традицией исследования когнитивных конструктов, В. О. Богданова ссылается на А. Н. Леонтьева, предложившего и развившего понятие личностного смысла, структурирующего сознание и делающего акцент на активности, пристрастности субъекта относительно способов репрезентации мира. Она подтверждает, что А. Н. Леонтьев развивает концепцию Я. С. Выготского о формировании понятий и рассматривает их как исторически сложившиеся формы фиксации общественного опыта, которые преломляют мир в сознании человека, формируют мировоззрение каждого отдельного индивида¹².

Итак, для реализации прикладных задач психологической науки позиция конструктивного реализма представляется наиболее близкой и перспективной, так как подчеркивает активную роль не только познающего субъекта, но и самого процесса познания. В некоторых направлениях психологической и психотерапевтической практики, нацеленной на увеличение адаптивных возможностей людей, обращающихся за помощью, коррекции подвергаются именно когнитивные структуры психики.

Именно на философской основе социального конструктивизма возникла нарративная психотерапия, задачей которой является выяснение того, как люди выражают свой опыт и создают установки опыта – нарративы, при выявлении дисфункционального характера которых у специалиста появляется возможность оказания эффективной терапевтической помощи. Интерпретации событий жизни человека, которые станут частью его опыта, определяются уже сконструированными смыслами доминирующих историй данного человека и определяют его дальнейшее поведение в обществе. Данный вид терапии основывается на возможности изменения смыслов жизненных историй, кото-

рые повлекут изменения в представлениях человека о реальности, поведении и жизни в целом¹³.

Представители когнитивной психотерапии (А. Бек, А. Эллис), опирающейся на идеи «когнитивной психологии» о человеке как устройстве для обработки информации, считают, что реакции человека обусловлены не стимулами, воздействующими на него, а его пониманием данных стимулов. Поэтому для достижения изменения реакций людей ими предлагается не варьировать стимулы, а корректировать их понимание, отражающее отношение к ним. В соответствии с концепцией А. Эллиса причины возникновения нежелательных эмоциональных последствий в виде сильной тревоги или депрессии связаны с определенными иррациональными убеждениями человека. Принцип рационально-эмоциональной терапии основывается на необходимости опровержения таких убеждений посредством приведения рациональных доводов и демонстрации их несостоятельности на поведенческом уровне¹⁴. В концепции когнитивной психотерапии А. Бека представлены характеристики познавательной деятельности пациентов, обусловившие возникновение и развитие болезни (мышление по типу «все или ничего», драматизация, дискредитация позитивных моментов, эмоциональная аргументация, навешивание ярлыков, преувеличение/преуменьшение, ментальный фильтр, чтение мыслей, сверхобобщение и т. д.). При этом отмечается, что неадаптивные мысли или механизмы познания характеризуются автоматичностью (самопроизвольным возникновением), внутренним созвучием (эго-синтонностью), слабой осознанностью, трудной доступностью и высокой устойчивостью¹⁵.

Таким образом, философия конструктивизма обуславливает безграничные возможности человека в построении психологической реальности, а в психологии и психотерапии в какой-то мере выяснены характеристики познания, применяемые человеком для построения своего мировоззрения, в том числе некоторые его параметры, затрудняющие безболезненное функционирование человека при взаимодействии с другими людьми. На основании вышеизложенного становится очевидным психотерапевтический потенциал социального конструктивизма для объединения и систематизации гуманитарных знаний, продуцируемых с целью обеспечения высокой жизнеспособности социальных субъектов,

в том числе лиц, оказавшихся в социально негативной жизненной ситуации, – осужденных к лишению свободы. В отношении психолого-педагогического сопровождения осужденных в пенитенциарной практике реализация принципов конструктивизма, подвергающего сомнению возможности объективного познания действительности,

может способствовать смещению активности специалистов с функций психодиагностического характера на психотехнические и коррекционные, реализуемые с целью оптимизации возможностей конструирования и понимания осужденными реальности, обеспечивающей социально приемлемые формы поведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Спасенников Б. А., Голодов П. В. Актуальные проблемы правовой психологии // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 2 (18). С. 17–22.

² Лекторский В. А. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 35.

³ Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 6.

⁴ См.: Сучкова Е. Л. Представления осужденных о собственном поведении в правовой сфере // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 49–53.

⁵ См.: Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 36.

⁶ См.: Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 38.

⁷ Фаликман М. В. Методология конструктивизма в психологии познания // Психологические исследования. 2016. № 9 (48).

⁸ Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003. С. 343.

⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 73.

¹⁰ См.: Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2001. № 4. С. 73.

¹¹ Лекторский В. А. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола»). С. 37.

¹² См.: Богданова В. О. Конструктивистское философствование: особенности и смыслы : моногр. Челябинск, 2015. С. 53–56.

¹³ См.: Жорняк Е. С., Савельева Н. В. Нарративная психотерапия. URL: <http://psychotropinka.tut.su/php.html> (дата обращения: 07.07.2016).

¹⁴ См.: Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход. СПб. ; М., 2002.

¹⁵ См.: Бек Д. С. Когнитивная терапия. Полное руководство. М., 2016.

¹ См.: Spasennikov B. A., Golodov P. V. Aktual'nye problemy pravovoj psihologii // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu. 2015. № 2 (18). S. 17–22.

² Lektorskij V. A. Konstruktivizm v jepistemologii i naukah o cheloveke (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. 2008. № 3. S. 35.

³ Kasavin I. T. Konstruktivizm: zajavlennye programmy i nereshennye problemy // Jepistemologija i filosofija nauki. 2008. № 1. S. 6.

⁴ Sm.: Suchkova E. L. Predstavlenija osuzhdennyh o sobstvennom povedenii v pravovoj sfere // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 2 (57). S. 49–53.

⁵ Sm.: Ulanovskij A. M. Konstruktivizm, radikal'nyj konstruktivizm, social'nyj konstruktivizm: mir kak interpretacija // Voprosy psihologii. 2009. № 2. S. 36.

⁶ Sm.: Lektorskij V. A. Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyj realizm v sovremennoj jepistemologii i nauke // Konstruktivistskij podhod v jepistemologii i naukah o cheloveke / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 38.

⁷ Falikman M. V. Metodologija konstruktivizma v psihologii poznaniya // Psihologicheskie issledovaniya. 2016. № 9 (48).

⁸ Smit N. Sovremennye sistemy psihologii. SPb., 2003. S. 343.

⁹ Sm.: Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M., 1995. S. 73.

¹⁰ Sm.: Glazersfel'd Je. Vvedenie v radikal'nyj konstruktivizm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofija. 2001. № 4. S. 73.

¹¹ Lektorskij V. A. Konstruktivizm v jepistemologii i naukah o cheloveke (materialy «kruglogo stola»). S. 37.

¹² Sm.: Bogdanova V. O. Konstruktivistskoe filosofstvovanie: osobennosti i smysly : monogr. Cheljabinsk, 2015. S. 53–56.

¹³ Sm.: Zhornjak E. S., Savel'eva N. V. Narrativnaja psihoterapija. URL: <http://psychotropinka.tut.su/php.html> (data obrashheniya: 07.07.2016).

¹⁴ Sm.: Jellis A. Gumanisticheskaja psihoterapija: racional'no-jemocional'nyj podhod. SPb. ; M., 2002.

¹⁵ Sm.: Bek D. S. Kognitivnaja terapija. Polnoe rukovodstvo. M., 2016.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378:004

Влияние информатизации образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся

Н. С. ОБОТУРОВА – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент

В статье анализируется влияние новых информационных технологий на формирование общекультурных компетенций обучающихся; обращается внимание на неоднозначность последствий активного внедрения интернет-ресурсов в образовательный процесс; формулируются условия, при которых информатизация образования может выполнять не только когнитивные, но и социально-культурные функции.

Ключевые слова: культура; образование; знание; информация; информатизация; медиа-формат; компетенция; общекультурные компетенции.

Effect of informatization of the educational environment on the formation of general cultural competence of students

N. S. OBOTUROVA – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, Dsc. in Philosophy, Associate Professor

The article analyzes the effect of new information technologies on the formation of general cultural competence of students. The author shows the ambiguity of the effects of the active introduction of Internet resources in the educational process, and also lays down the conditions under which education informatization can perform not only cognitive, but also social and cultural functions.

Key words: culture; education; knowledge; information; informatization; media format; competence; general cultural competence

Определяя цель высшего образования как «обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации»¹, федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 69) подчеркивает

единство профессиональных и гуманистических, социальных, общечеловеческих задач. Взаимосвязь профессионального и социально-гуманитарного, общекультурного компонентов образования конкретизируется в стандартах специальностей и направлений подготовки через перечень компетенций как результатов освоения образовательных программ.

В требованиях к результатам освоения основных образовательных программ в числе общекультурных компетенций, которые

ми должен обладать выпускник, стандарты называют способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы; ориентироваться в политических, социальных и экономических процессах; анализировать, систематизировать, обобщать, критически осмысливать информацию; креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи; анализировать свои возможности, самосовершенствоваться, адаптироваться к меняющимся условиям профессиональной деятельности и социокультурным условиям.

Одной из важнейших общекультурных компетенций в современном мире является «способность работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации»². Актуальность формирования указанной компетенции обусловлена основными тенденциями развития современного общества, определяемого различными концепциями как информационное, сетевое, общество знаний, одной из которых является когнитивизация, то есть наполнение повседневной жизни и профессиональной деятельности людей знаниями. В системе образования также происходит переход к обучению постиндустриального типа, основанному на использовании новых источников и современных методик.

Традиционные системы знаний, основанные на устном, письменном и печатном слове, утрачивают свои ведущие позиции, информация, объем которой стремительно растет, «представляется в мультимедийных интерактивных форматах; на смену классическим библиотекам приходят базы знаний в медиа-форматах»³. Информатизация образования, активное включение интернет-ресурсов в образовательный процесс принципиально изменяют характер процесса познания, что выражается прежде всего в беспрецедентном ускорении передачи информации, новых возможностях для работы с различными базами данных⁴. Кроме того, новые технологии обеспечивают интерактивность обучения, проявляющуюся как возможность через сеть взаимодействовать в режиме реального времени, при этом участники коммуникации не являются пассивными потребителями, а могут самостоятельно объединяться в виртуальные сообщества, наиболее наглядным примером которых являются дискуссионные форумы.

Особенностью современных информационных технологий является специфический способ организации информации, называемый гипермедией, одновременно объединяющий изображение, звук и текст, что существенно увеличивает качество восприятия информации, поскольку в процесс познания одновременно включаются несколько органов чувств. Становление гипермедии отражает общую тенденцию развития гипертекстовой технологии, в которой «текстовый материал теряет свою замкнутость, становится принципиально открытым»⁵, а место поиска информации через ее соответствие поисковому образцу занимает навигация, то есть «перемещение от одних элементов накопленной информации к другим с учетом их смысловой слитности»⁶, что увеличивает возможности освоения информации в интеллектуальных процессах. Таким образом, современные информационные технологии являются принципиально новыми средствами обработки информации, позволяющими получать новое знание, искать новые идеи.

Вместе с тем влияние информатизации может быть и негативным, а экспансия интернет-ресурсов в образовательный процесс имеет существенные риски, обусловленные снижением качества информации. В современных исследованиях проблемы отмечается, что Интернет представляет собой непомерно разросшееся хранилище, в котором каждый может опубликовать свой текст, ссылки и другие материалы, что, с одной стороны, дает неограниченные возможности для коммуникации и творческой самореализации пользователей, но с другой – приводит к утрате самой идеи ценности текста. Аналогичные процессы происходят и в научной среде, в которой возникает ситуация, когда никто никого не читает, но все публикуются с целью улучшения отчетности и повышения индекса цитируемости, о чем свидетельствует возникновение такого феномена, как культура дайджестов, реферативные журналы, огромное количество справочных изданий⁷.

Общий объем информации у современных студентов больше, чем у предыдущих поколений. При этом необходимо отметить, что информационная нагруженность совмещается с клиповым сознанием, которое оперирует отдельными кластерами информации, не связывая их между собой. Особенностью клипового сознания является и то, что его носители охотно высказывают свое мнение по самым разным вопросам, имея очень поверхностное представление о предмете, а недостаток аргументации ком-

пенсируют повышенной эмоциональностью. Причиной распространения такого типа сознания является современная среда быденных коммуникаций (телевидение, компьютерные игры, Интернет).

Пребывание в новой информационно-коммуникативной среде формирует у современного школьника, курсанта, студента привычку к быстрому получению информации по поводу заданных вопросов, а также к тому, что эту информацию можно постоянно обновлять и микшировать, ограничиваясь поверхностными демоверсиями. В результате происходит отказ от глубокого анализа проблем и свыкание с тем, что их всегда можно закрыть и «снять», составив самое общее представление, но так и не изучив их. Таким образом, из информационно-коммуникативного пространства, в котором живет сознание современного человека, вымываются вопросы, требующие медленных режимов работы теоретического мышления. В результате происходит разрушение целого комплекса способностей, обеспечивающих его работу, таких как рефлексия, проблематизация, самоопределение и т. д. Отрицательными следствиями распространения клипового сознания становится также неспособность его субъектов в условиях возрастающей сложности социальных процессов выявлять и оценивать главные тенденции развития, определять их системообразующие параметры, принимать решения, анализируя возможные положительные и отрицательные последствия.

Нельзя не отметить и то, что само по себе наличие сетевого доступа к информации не означает, что ее использование будет ориентировано на получение знания. Более того, внимательное наблюдение за «цифровыми культурами», особенно молодых пользователей Интернета, свидетельствует о возникновении общества всеобщего развлечения, поэтому Интернет в равной степени может стать «как инструментом для построения общества знания, так и лабиринтом, который может завести – медленно, но верно – на берега – или в пропасть – общества развлечений»⁸.

Критическое осмысление процессов информатизации образования постепенно приводит к необходимости «более глубокого осознания сути самих технологических инноваций и поиска оптимальных вариантов

их включения в образовательную деятельность»⁹. Новые технологии могут играть положительную роль при условии, что они не будут использоваться только для технического опосредования традиционных форм работы. Наиболее перспективным направлением сегодня является такое сочетание информационно-технических средств обучения с проблемным подходом, которое позволяет перейти от преподавания как сообщения готовых ответов к обучению в форме постановки проблем и поиска их решений. Необходимо предлагать студентам такие дидактические ситуации, которые содержат какие-либо препятствия, для преодоления которых требуется эмпирический поиск в сочетании с теоретическим знанием.

Специфика образовательных задач обуславливает новый уровень подготовки преподавателей в области преподаваемых ими дисциплин, в том числе гуманизацию обучения, при которой дисциплина предстает не как «мертвый» набор данных, но как результат деятельности людей. Обучающиеся должны знать, каким образом добываются знания, как работают ученые, что ими движет, зачем люди пишут книги, для чего делаются открытия и т. п. Кроме того, необходима подготовка и в области самих педагогических процессов, которая должна включать, наряду с изучением новых технологий, освоение способов обеспечения мотивации обучающихся.

Таким образом, общекультурные, гуманитарные задачи приобретают в современном образовании особую роль, на что указывает и представленная во всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005 г.) концепция общества знания, в которой знание понимается как интеллект, воображение, «живой опыт», живое знание, подчеркивается необходимость отхода от «когнитивизма», формализованного научно-технического знания. Реализация этих принципов в образовании предполагает дополнение инструменталистского подхода к его пониманию ценностным, гуманистическим, утверждающим связь образования с базовыми ценностями как смысловым ядром культуры, регулирующими индивидуальной и общественной жизни: понимание того, что приобщение обучающихся к культуре, социализация, гуманизация являются для общества не менее значимыми, чем овладение общим и специализированным знанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹ Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ (red. ot 03.07.2016) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2012. № 53 (ch. 1). St. 7598.

² Приказ Минобрнауки России от 14.01.2011 г. № 20 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность (квалификация (степень) «специалист»)» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Ястреб Н. А. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ : моногр. Вологда, 2014. С. 203.

⁴ См.: Бабкин А. А., Крюкова Д. Ю., Панфилова О. А. Вопросы методического сопровождения курсов «Информационная безопасность» и «Информационное обеспечение государственных закупок» в системе вузовского ведомственного образования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3 (35). С. 99–104.

⁵ Ястреб Н. А. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ. С. 93.

⁶ Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). М., 2004. С. 341.

⁷ См.: Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.

⁸ К обществам знания: всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 57.

⁹ Ястреб Н. А. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ. С. 201.

² Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14.01.2011 g. № 20 (red. ot 31.05.2011) «Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniju podgotovki (special'nosti) 031001 Pravoohranitel'naja dejatel'nost' (kvalifikacija (stepen') «specialist»)» [Elektronnyj resurs]. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».

³ Jastrebn N. A. Konvergentnye tehnologii: filosofsko-jepistemologicheskij analiz : monogr. Vologda, 2014. S. 203.

⁴ Sm.: Babkin A. A., Krjukova D. Ju., Panfilova O. A. Voprosy metodicheskogo soprovozhdeniya kursov «Informacionnaja bezopasnost'» i «Informacionnoe obespechenie gosudarstvennyh zakupok» v sisteme vuzovskogo vedomstvennogo obrazovaniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 3 (35). S. 99–104.

⁵ Jastrebn N. A. Konvergentnye tehnologii: filosofsko-jepistemologicheskij analiz. S. 93.

⁶ Chernavskij D. S. Sinergetika i informacija (dinamicheskaja teorija informacii). M., 2004. S. 341.

⁷ Sm.: Emelin V. A., Thostov A. Sh. Vavilonskaja set': jerozija istinnosti i diffuzija identichnosti v prostranstve Interneta // Voprosy filosofii. 2013. № 1. S. 74–84.

⁸ K obshhestvam znaniya: vseмирnyj doklad JuNESKO. Parizh, 2005. S. 57.

⁹ Jastrebn N. A. Konvergentnye tehnologii: filosofsko-jepistemologicheskij analiz. S. 201.

УДК 378.147:343.83

Формирование у обучающихся интеллектуальной свободы в образовательной деятельности вуза

Т. А. СОЛОВЬЕВА – заведующий кафедрой теории и методики естественно-математического образования Псковского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования;

О. Е. МАКАРКИНА – доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Современный социальный заказ высшей школе на формирование интеллектуально свободной личности, неготовность вузовских преподавателей к эффективно-му решению этой задачи, а также недостаточная разработанность методического инструментария для развития интеллектуальной свободы обучающихся в педагогической теории обуславливают актуальность настоящей статьи. В статье анализируется понятие «интеллектуальная свобода обучающихся», представлена структура данного феномена.

Ключевые слова: интеллектуальная свобода; подструктура социально-личностного опыта; психологическая подструктура; биологическая подструктура; подструктура индивидуально-психических свойств личности; мотивационная подструктура; эмоционально-волевая подструктура.

Formation of students' intellectual freedom in the educational activities of the university

T. A. SOLOVYOVA – Head of the Department of Theory and Methodology of Science and Math Education of the Pskov State University, Dsc. in Pedagogics, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education;

O. E. MAKARKINA – Assistant Professor of the Department of Social-humanities and Natural Sciences of the Pskov branch of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

The article analyzes the concept of «intellectual freedom of students,» it presents the structure of the phenomenon.

Key words: intellectual freedom; substructure of social and personal experience; psychological substructure; biological substructure; substructure of individual mental features of the individual; motivational substructure; emotional and volitional substructure.

Постоянно увеличивающийся поток разноплановой информации требует особого внимания профессорско-преподавательского состава не только к развитию интеллектуально образованной личности, но и к формированию у выпускников вузов интеллектуальной свободы. Именно она выступает гарантией осуществимости научно-демократического подхода в политике, экономике и культуре. Речь идет о свободе «непредвзятого и бесстрашного обсуждения»¹ и личной ответственности за свои высказывания и поступки.

Академик Д. С. Лихачев интеллектуальную свободу неразрывно связывал с совестью, честностью, правдивостью, подчеркивая, что «честь, порядочность, совесть – это качества, которыми дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств человек – не человек», представлял свободу как нравственную категорию: «Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли»².

Массовая вузовская практика пока еще слабо ориентирована на развитие интеллектуальной свободы у обучающихся. Так, курсанты воспринимают как должное то, чему и как их учат, не претендуют на самостоятельность и независимость от педагога. Такие важные структурные элементы свободной учебной деятельности, как целеполагание, планирование, рефлексия, оценка, в большинстве случаев монополизированы преподавателями. Ограничение количества ситуаций, в которых обучающиеся имели бы реальную возможность действовать свободно, отрицательно сказывается на развитии их интеллектуальной свободы.

Изложение собственных взглядов, приближающих педагогическую общественность к решению поставленной задачи, следует начать с содержательной характеристики базового понятия.

Интеллектуальная свобода обучающегося – это динамическая интегративная личностная характеристика, включающая в себя следующие подструктуры:

а) подструктуру социально-личностного опыта:

- сформированные у обучающихся ключевые (способность к организации и планированию, анализу и синтезу, принимать решения, извлекать информацию), системные (способность к генерализации новых идей, инициативе, адаптации в новых условиях, к применению знаний на практике) и межличностные (способность к критике и самокритике, воспринимать межкультурные различия, приверженность этическим ценностям) компетенции;

- сформированные универсальные (осознание, исследование и принятие жизненных ценностей), регулятивные (целеполагание, планирование, прогнозирование, саморегуляция (преодоление всевозможных препятствий)), познавательные (исследование, поиск, отбор, моделирование; анализ, синтез, рассуждения, доказательства, выдвижение гипотез, самостоятельное создание способов решения проблемы) и коммуникативные (вести дискуссию, эффективно сотрудничать с учителем, сверстниками) учебные действия;

б) психологическую подструктуру:

- особенности психических процессов: продуктивный и дивергентный типы мышления; сформированный посредством самовоспитания саногенный тип мышления; творческое воображение; аналитико-синтетическое восприятие или «мыслящее» восприятие;

в) биологически обусловленную подструктуру:

- биопсихические свойства: интеллектуальная маскулинность (интеллектуально-психологический пол личности), для которой характерно самостоятельное, независимое и ответственное поведение, реализуемое через избирательность и стремление к поиску смысла; целеполагание и планирование деятельности, настойчивость в реализации самостоятельно составленного плана, умение осуществлять рефлексии и оценку собственной деятельности, направленной на достижение результата;

г) подструктуру индивидуально-психических свойств личности:

- характерологические качества личности: сенсорность как черта, проявляющаяся в желании изобретать все новое и нигде не повторяясь, видеть ситуацию, «картину» в целом, «не заикливаясь» на деталях, экспериментировать с формой предъявления информации;

д) мотивационную подструктуру:

- мотивы: неудовлетворенность какой-либо стороной актуальной действительности; «отклонение от реальности», то есть стремление к созданию образов и идей, не похожих на наличные в данной ситуации; стремление создать и объективизировать образы вопреки ожидаемым и общепризнанным; стремление к самовыражению; мотив самоутверждения, в котором выражается активное стремление ребенка утвердить свою личность, отстоять свое «Я»; три стадии познавательного интереса (любопытность, собственно познавательный интерес, теоретический интерес);

- потребность в достижениях, то есть бессознательное побуждение к более совершенному действию и достижение стандарта совершенства;

- внутренний, интернальный локус контроля, то есть обобщенное ожидание, что собственные достижения или неудачи зависят, прежде всего, от себя самого, что следует рассчитывать в основном на свои способности и ожидать результаты, соответствующие своей деятельности, оценка себя в соответствии с достигнутым успехом в продвижении к различным целям;

ж) эмоционально-волевую подструктуру:

- интеллектуальные эмоции: удовольствие от процесса интеллектуальной деятельности, «умственная радость»; эмоциональный стресс, мобилизующий внутренние ресурсы человека; источник поведения – активное «Я», то есть активность личности человека; эмоции «успех – неуспех», побуждающие к деятельности, усиливая ее при предвосхищении скорого успеха и лишая ее побуждающей силы при предвосхищении неудач³.

Представленная характеристика подструктур интеллектуальной свободы обучающихся помогает определить как условия, так и способы ее формирования в образовательном процессе вуза.

Реализуя первое педагогическое условие, при планировании предстоящего лекционного или семинарского занятия преподаватель должен проанализировать характер и содержание учебной информации. В случае

если учебный материал носит проблемный характер, на его основе для формирования у курсантов качеств интеллектуально свободной личности необходимо построить совокупность заданий, представляющих собой проблемные задачи, направленные на развитие творческого мышления, аналитико-синтетического («думающего») восприятия и творческого воображения. По мнению философа Алена, основой интеллектуальной свободы является сомнение. Сомневаться – значит «исследовать, разбирать и собирать идеи, как колесики сложного механизма, беспрестанно и спокойно, сопротивляясь желанию принимать все на веру»⁴.

Второе педагогическое условие требует от преподавателя подготовки успешности учебно-познавательной деятельности курсантов за счет обеспечения антиципации (предвосхищения) обучающимися искомого знания. Профессор психологии О. К. Тихомиров замечает: «Если бы искомое вообще было неизвестным, оно не могло бы быть найденным»⁵. Эмоциональное предвосхищение искомого становится возможным благодаря тому, что в формулировке и оформлении заданий предлагается косвенное определение неизвестного через отношение его к уже известному обучающемуся, другими словами, скрытая подсказка. У курсанта появляется субъективное ощущение, что принцип построения действий найден (хотя готового ответа пока нет). Чувство уверенности в своих интеллектуальных возможностях актуализирует интеллектуальные потребности обучающегося, предопределяя успех выполнения «заложенных» в задании интеллектуальных действий⁶. Курсанты получают возможность ощутить «эмоциональную радость созидания», понимаемую философом Б. Кроче как ощущение интеллектуальной свободы⁷, проявляемое в интеллектуальных эмоциях.

Эмоционально-волевая подструктура интеллектуальной свободы обучающихся позволяет характеризовать ее как сознательную саморегуляцию курсантами своей интеллектуальной деятельности, обеспечивающую преодоление трудностей при достижении поставленной цели. В связи с этим может быть рекомендован прием письменной постановки курсантами личной образовательной цели (в первую очередь когнитивной) на лекционных и практических занятиях. Целесообразность данного приема объясняется тем, что часто цели, декларируемые в рабочих учебных программах, существенно отличаются от реальных жизненных ориентиров курсантов. В настоящее

время доказана необходимость начинания любой деятельности, включая учебно-познавательную, с обсуждения конечных целей, то есть предполагаемых плодов деятельности. В этом приеме целеполагание выполняет функцию личной мотивировки интеллектуальной деятельности.

Данный прием позволяет выстраивать личностное отношение к объекту познания, выявляет и актуализирует личностные качества курсанта, относящиеся к изучаемому материалу. Он обеспечивает доминирование установки на самостоятельное, независимое и ответственное поведение, которое реализуется через стремление к поиску смысла деятельности, повышая уровень автономности обучающегося в образовательном процессе. Курсант сам может стать «архитектором и строителем» собственного процесса учебного познания.

Подобное значение имеет и прием определения личностного желания и возможностей выполнения предлагаемых заданий. Чтобы курсант ощутил себя субъектом образовательной деятельности, он должен рефлексировать и каким-либо способом обозначить свои возможности и желания: «хочу и могу», «хочу, но не уверен, что смогу», «хочу, но не могу самостоятельно», «не хочу». Интеллектуальная свобода в образовательном процессе вуза есть возможность выбирать, мыслить, действовать исходя из внутренних побуждений и потребностей, обусловленных особенностями человека как культурного существа.

Известно, что философ Спиноза определял интеллектуальную свободу как естественное право или способность индивида свободно рассуждать и судить о любых вещах без внешнего принуждения. Из этого следует, что для развития у курсантов интеллектуальной свободы может быть полезен такой прием, как работа с культурно-историческими аналогами, то есть ознакомление с трудами ученых, с альтернативными точками зрения на одну и ту же проблему, а затем аргументированное изложение своей позиции. Данный прием эффективен на семинарских занятиях во время перекрестных дискуссий.

Ознакомление с парадоксами, прием противопоставления (довод – возражение на основе нового подхода или иного вывода и т. д.), открытые задания когнитивного типа выступают в качестве упражнений в свободной интеллектуальной деятельности курсантов.

Сущность интеллектуальной свободы, по мнению Д. Хауарда, в том и состоит, чтобы

индивид мог выразить себя с предельной полнотой, свободно высказывать свои взгляды, которые могут казаться другим неортодоксальными, еретическими и неприемлемыми⁸.

Решение реальных проблем, существующих сегодня в науке, и предложение по своему выполнить то, что человечеству уже известно, не только обеспечивают накопление опыта творческой деятельности, но и дают курсанту опыт свободы, ответственности, самостоятельности. Еще Ф. Ницше писал, что «тот, кто ограничился усвоением сотворенных другими образцов, – бесплоден».

Интеллектуальная свобода является самым динамичным и наиболее существенным фактором в решении современных жизненных проблем. Интеллектуально свободным людям свойственен самостоятельный, не стимулированный извне поиск противоречий, на основе которых они «самочинно» ставят и решают проблемы.

В связи со сказанным для развития такой свободы у курсантов важным становится формирование у них универсальных познавательных действий постановки и решения проблем, которые понимаются как осознанные сложные приемы интеллектуальной деятельности, то есть как сложные обобщенные умения.

На наш взгляд, составляющими сложного обобщенного интеллектуального умения постановки проблемы являются умение осознавать проблему, предполагающее выявление противоречия и включающее в себя перцептивные (соизмерительные, измерительные) действия, мыслительные действия (сравнение, анализ), имажинативные действия (перекодирование, достраивание, схематизация, акцентирование), и умение формулировать проблему, в состав которого входят речеперцептивные умения, речемыслительные умения (в частности, постановка вопроса в конкретно-качественной форме), речеимажинативные умения (перекombинирование, акцентирование, уподобление).

В состав сложного обобщенного интеллектуального умения решать проблемы входят умение выдвигать предположения, умение доказывать гипотезы и умение проверять доказанные гипотезы. Актуализация каждого из вышеперечисленных сложных интеллектуальных умений способствует формированию у курсантов социально-личностного опыта как одной из подструктур интеллектуальной свободы личности.

Для выполнения интеллектуальных действий, входящих в состав универсальных учебных действий постановки и решения

проблем, оптимальными оказываются открытые когнитивные задания типа:

- установление происхождения, смысла, строения, признаков, функций, связей различных познаваемых объектов (например, природного явления, правила, текста, уравнения, задачи, обряда);

- отыскание принципов построения различных структур (государств, биологических популяций, технических приспособлений, видов и стилей текста, математических множеств);

- вычленение общего и отличного в разных системах, например в иностранных языках.

Для развития интеллектуальной свободы у курсантов с целью воспитания ответственности перед другими и самим собой может быть рекомендован метод анализа и оценки собственной познавательной деятельности, так как интеллектуально свободный человек – это субъект, способный действовать независимо, но исходя из понимания своей ответственности за свои действия, решения, выбор.

Прием внутренней рефлексии, дающий возможность осмысления способов работы с информацией, поиска наиболее рациональных, воспитывает аналитическое отношение к своей интеллектуальной деятельности. Осуществляя внутреннюю рефлексии, субъект «отдает себе полный и ясный отчет в том, что и как он делает, то есть осознает те схемы и правила, в согласии с которыми он действует»⁹.

Другим методическим приемом, входящим в структуру данного метода, является рецензирование и оппонирование работ и результатов деятельности других курсантов

с целью воспитания аналитического отношения к чужим работам и ответственности за свои суждения.

Педагогика и сама жизнь накопили достаточно приемов, методов и технологий для развития интеллектуальной свободы человека.

К классическим относится метод сократовских бесед. Сократ говорил: «Дурак дает ответ, а мудрец ищет истину». Не стоит стремиться тут же дать ответ на вопрос курсантов, необходимо стимулировать их к размышлению, постановке все новых и новых вопросов, ведь понятие «интеллектуальная свобода» обозначается как преодоление внешней заданности и ограниченности интеллектуальной деятельности человека.

В перечне технологий, обеспечивающих формирование у курсантов интеллектуальной свободы, центральное место принадлежит теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Среди педагогических технологий следует назвать также «Гайд-парк» технологию, в основе которой лежит рефлексия – анализ всего происходящего без банального оценочного суждения. В самом определении технологии заложено творческое начало, свобода для интеллектуального самовыражения участников образовательного процесса. Педагог выступает здесь не как авторитарный наставник, а как мастер, режиссер, скульптор.

Итак, в современной системе образования России, направленной на гармонизацию духовных и практических отношений людей между собой и окружающим миром, интеллектуальная свобода личности призвана стать ключевым звеном в цепи качеств и свойств выпускников высшей школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Спиноза. Мир философии. М., 1991. Т. 2. С. 106.

² Лихачев Д. С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999. С. 31–32.

³ См. подр.: Соловьева Т. А. Становление интеллектуальной свободы обучающихся в условиях интеграции мирового сообщества // Образование в условиях интеграции мирового сообщества : тр. межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 33.

⁴ Ален. Суждения. М., 2000. С. 107.

⁵ Тихомиров О. К. Психология мышления : учеб. пособие. М., 1984. С. 236.

⁶ См. подр.: Соловьева Т. А. Основы технологии интеллектуально развивающего образовательного процесса // Современные технологии в российских и зарубежных системах образования : IV Международ. науч.-практ. конф. Пенза, 2015. С. 55–56.

⁷ См.: Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 106–107.

⁸ См.: Хауард Д. Два века конституционного правления // Америка. 1987. № 362. С. 6.

⁹ Ильенков Э. В. К истории вопроса о предмете логики как науки // Вопросы философии. 1966. № 1. С. 32.

¹ См.: Спиноза. Мир философии. М., 1991. Т. 2. С. 106.

² Lihachev D. S. Intelligencija – intelektual'no nezavisimaja chast' obshhestva // Sud'ba rossijskoj intelligencii. SPb., 1999. S. 31–32.

³ См. подр.: Solov'eva T. A. Stanovlenie intelektual'noj svobody obuchajushhihsja v uslovijah integracii mirovogo soobshhestva // Obrazovanie v uslovijah integracii mirovogo soobshhestva : tr. mezhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb., 2014. S. 33.

⁴ Alen. Suzhdenija. M., 2000. S. 107.

⁵ Tihomirov O. K. Psihologija myshlenija : ucheb. posobie. M., 1984. S. 236.

⁶ См. подр.: Colov'eva T. A. Osnovy tehnologii intelektual'no razvivajushhego obrazovatel'nogo processa // Sovremennye tehnologii v rossijskih i zarubezhnyh sistemah obrazovanija : IV Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. Penza, 2015. S. 55–56.

⁷ См.: Kroeche B. Antologija sochinenij po filosofii. SPb., 1999. S. 106–107.

⁸ См.: Hauard D. Dva veka konstitucionnogo pravlenija // Amerika. 1987. № 362. S. 6.

⁹ Il'enkov Je. V. K istorii voprosa o predmete logiki kak nauki // Voprosy filosofii. 1966. № 1. S. 32.

УДК 159.9.072:343.83

Исследование личностных особенностей курсантов как условие повышения эффективности обучения навыкам стрельбы

А. М. МИЩУК – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

В статье подводятся итоги эксперимента, в рамках которого изучались личностные особенности курсантов, влияющие на овладение навыками использования оружия в ситуациях, предусмотренных законом; предлагаются способы повышения эффективности обучения стрельбе из боевого оружия с учетом индивидуальных особенностей курсантов.

Ключевые слова: огневая подготовка; повышение эффективности обучения стрельбе; личностно-психологические особенности курсантов.

The study of personality characteristics of students as a condition of increase of efficiency of teaching skills of shooting

A. M. MISHCHUK – Adjunct of the Faculty of Staff Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article summarizes the results of an experiment in which were studied personality traits of students that affect the acquisition of skills using weapons in situations stipulated by the law; it suggests ways to improve the efficiency of training in shooting from combat weapons taking into account the individual characteristics of the students.

Keywords: shooting training; improving the efficiency of training in shooting; personality and psychological characteristics of students.

Огневая подготовка является составной частью боевой подготовки и направлена на формирование, развитие и совершенствование навыков и умений, необходимых для уверенного владения оружием при выполнении служебных задач, что актуально для сотрудников правоохранительных органов.

Применение оружия сотрудниками в установленных законом случаях происходит, как правило, в сложных психологических условиях, в конфликтных ситуациях, вызывающих эмоциональное состояние, которое резко сужает возможности рационального рассмотрения ситуации, поражает волю, что существенно сказывается на результатах применения оружия¹.

В образовательных организациях ФСИН России обучение курсантов стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия проводится в рамках следующих дисциплин: «Первоначальная подготовка», «Огневая подготовка», «Стрельба в экстремальных ситуациях» и «Прикладная стрельба». Учебный процесс организуется в соответствии с Типовой (примерной) программой по дис-

циплине «Огневая подготовка», утвержденной 26 августа 2011 г., в форме теоретических, практических и контрольных занятий, проводимых в учебных классах, тирах, на стрельбищах. Основной формой является практическая работа с оружием, на которую отводится большая часть учебного времени. Практические занятия по огневой подготовке формируют необходимые прикладные знания, умения и навыки в обращении с оружием, готовность к мгновенному использованию его в сложных оперативных ситуациях; воспитывают психологическую устойчивость к сбивающим факторам; развивают координационные, скоростносиловые физические способности, прививают культуру обращения с оружием, а также вырабатывают готовность к эффективному применению оружия непосредственно в ситуациях, когда возникают основания, предусмотренные законом.

Программа обучения навыкам владения оружием не менялась в течение нескольких лет, как и приказ Минюста России от 26.02.2006 г. № 24 «Об утверждении Курса

стрельб из стрелкового оружия сотрудников уголовно-исполнительной системы». Сложившиеся стереотипы преподавания огневой подготовки преодолеваются с трудом, так как повышения квалификации сотрудники, проводящие занятия по дисциплине, не проходят. Новые информационные технологии, компьютерная техника, электронные стрелковые тренажеры в образовательный процесс внедряются медленно, являются дорогостоящими и не могут заменить стрельбу из боевого оружия. В то же время анализ системы обучения по данному направлению указывает на то, что качество подготовки курсантов зависит не только от количества учебных часов, состояния материально-технической базы, оснащения учебного процесса необходимым инвентарем и оборудованием, но и от современной научно обоснованной методики преподавания. В связи с этим совершенствование огневой подготовки в образовательных организациях ФСИН России приобретает характер актуальной педагогической проблемы и нуждается в более глубоком анализе в рамках целостного педагогического процесса.

Для выявления условий повышения эффективности обучения навыкам стрельбы из боевого оружия нами было проведено исследование личностных особенностей курсантов, состоящее из нескольких этапов.

Диагностический этап включал в себя проведение психологического тестирования во время сдачи комплексного экзамена по огневой подготовке с использованием методик определения доминирующего состояния (ОДС) Л. В. Куликова для определения настроения и некоторых других характеристик личностного уровня психических состояний; «Профиля чувств настроения» (ПЧН) Л. В. Куликова для выявления структуры чувств индивида; методики исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантелеева для выявления структуры самоотношения личности, а также выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморукводства, отраженного самоотношения, самооценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения; теппинг-теста Е. П. Ильина для определения свойств нервной системы по психомоторным показателям; опросника Р. Плутчика для диагностики механизмов психологической защиты; шкалы тревоги Ч. Д. Спилберга для самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивной тревожности как состояния) и лич-

ностной тревожности (как устойчивой характеристики человека); «Шкалы экзистенции» А. Ленгле и Г. Орглера для измерения экзистенциальной исполненности, качества жизни личности, связанного с ощущением наполненности жизни определенным смыслом; тестов М. Люшера для измерения психофизиологического состояния курсанта, его стрессоустойчивости, активности и коммуникативных способностей².

Выборка составила 82 курсанта третьего курса, в контрольную группу вошли 20 спортсменов группы спортивного совершенствования по стрельбе из боевого оружия.

По результатам сдачи экзамена по огневой подготовке и оценки за учебные стрельбы во время изучения дисциплины в течение учебного года респонденты были разделены на 3 группы: 1 группа (39) – курсанты, выполнявшие контрольные нормативы на положительные оценки; 2 группа (43) – курсанты, выполнявшие контрольные нормативы на отрицательные оценки; 3 группа (20) – спортсмены группы спортивного совершенствования по стрельбе из боевого оружия.

На рис. 1–4 представлены результаты тестирования по методу М. Люшера.

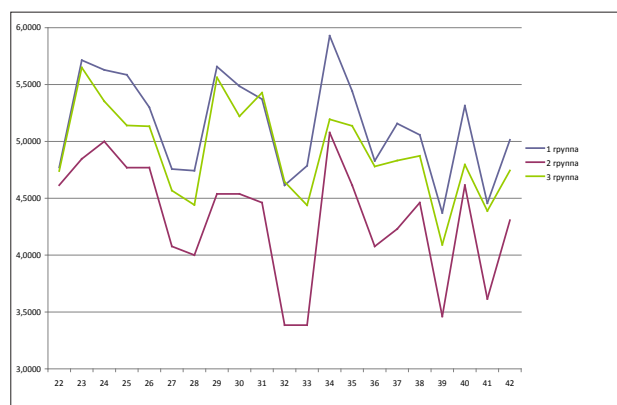

Рис. 1. Результаты выбора зеленого цвета

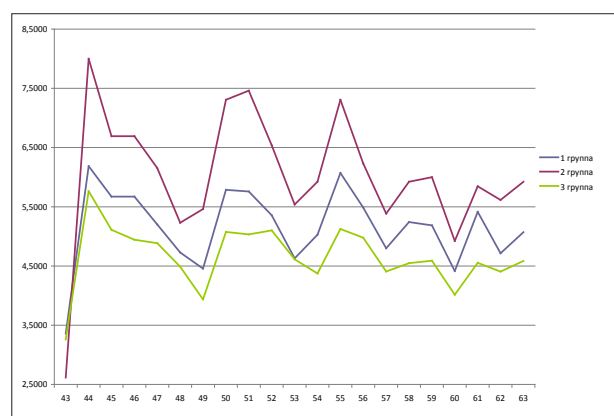

Рис. 2. Результаты выбора красного цвета

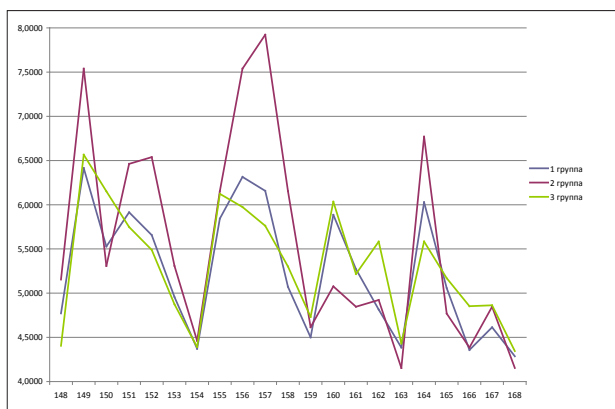

Рис. 3. Результаты выбора черного цвета

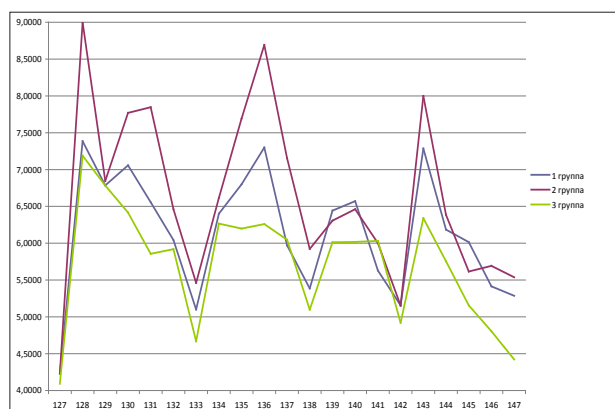

Рис. 4. Результаты выбора серого цвета

На рис. 5–8 графически представлены результаты исследования по другим методам.

Приведенные ниже графики результатов свидетельствуют о значительных различиях у курсантов выделенных нами групп.

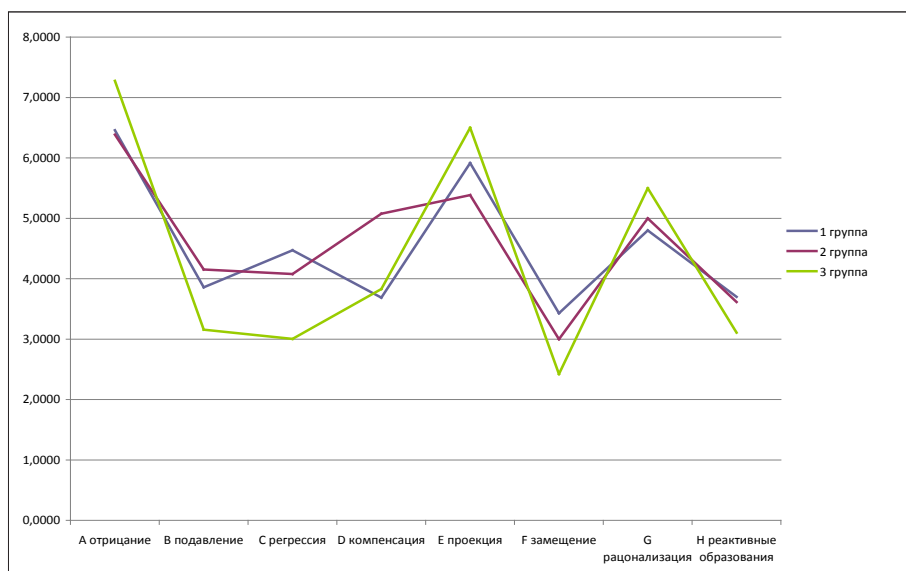

Рис. 5. Результаты опросника Р. Плутчика

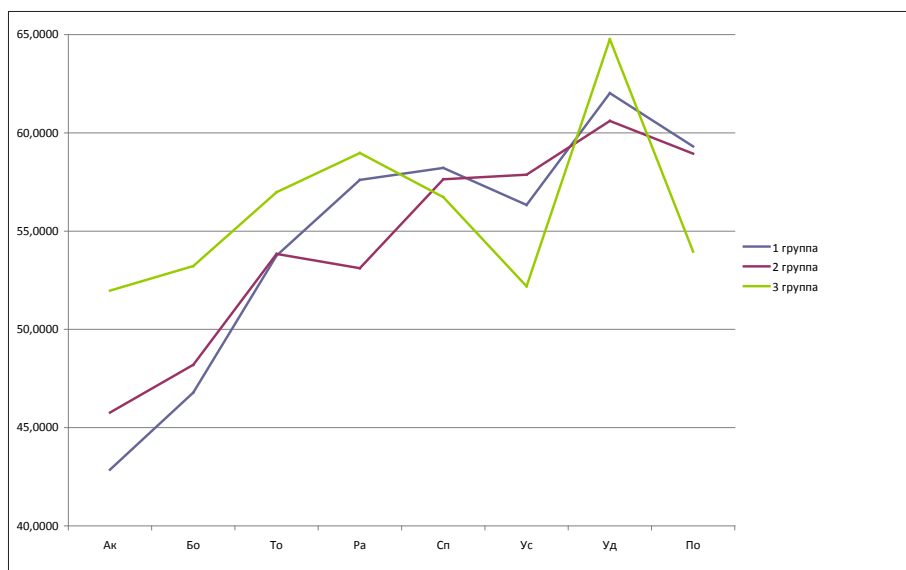

Рис. 6. Результаты методики ОДС Л. В. Куликова

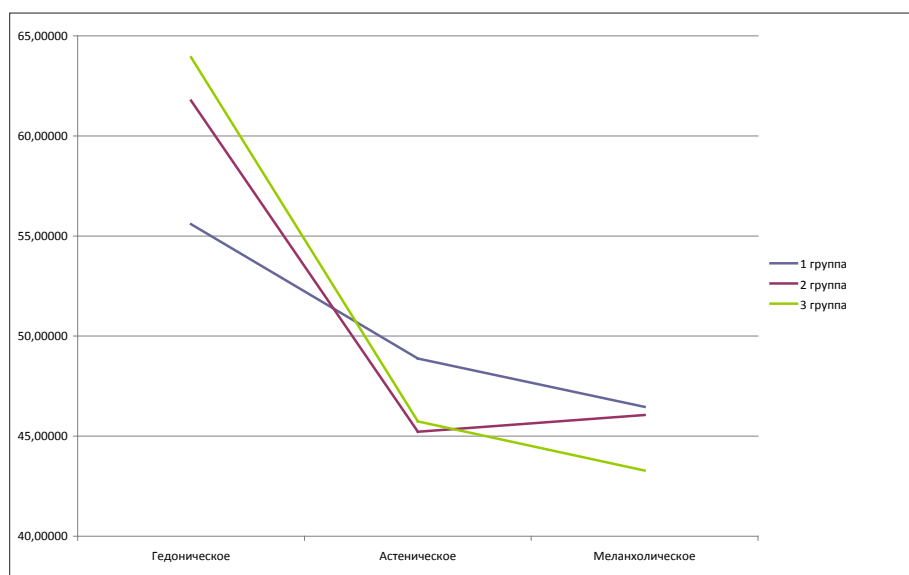

Рис. 7. Результаты методики ПЧН Л. В. Куликова

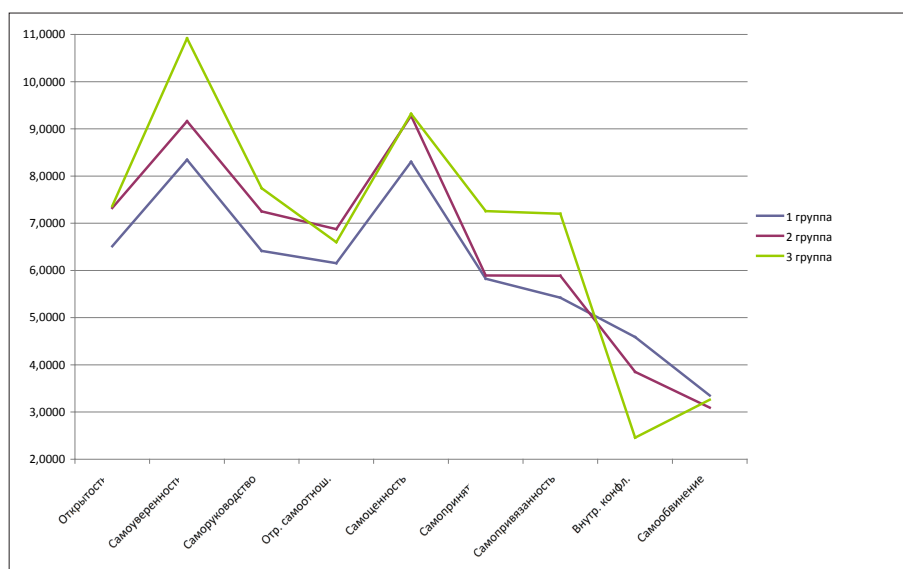

Рис. 8. Результаты МИС С. Р. Пантелеева

Анализ результатов тестирования позволил нам выделить следующие психологические характеристики групп курсантов. Курсантам 1 группы, выполнявшим контрольные нормативы на положительные оценки, свойственны: позитивное отношение к жизни, самоуважение, наличие стремлений, низкий уровень переживаний неудач; истощение, низкий гедонизм, неудовлетворенность жизнью, напряжение и недостаток сил, но без депрессии; избирательность отношения к своим личностным свойствам (стремление к изменению лишь некоторых своих качеств при сохранении прочих других), положительный фон отношения к себе, признание своих достоинств и достижений в привычных для себя условиях, усиление недооценки собственных успехов при не-

ожиданных препятствиях, дефицит острых ощущений.

Курсантам 2 группы, выполнявшим контрольные нормативы на отрицательные оценки, присущи: разочарованность ходом событий, сужение интересов, смысл будущего неясен; сниженная критичность в самооценивании, недостаточная адекватность самооценки, пассивное отношение к жизненной ситуации, пессимизм, неверие в возможность успешного преодоления препятствий; хроническая усталость, напряжение и как следствие невозможность концентрироваться на телесных ощущениях; инфантилизм (хотят изменить свою жизнь, но не хотят ничего для этого делать), ригидность, детскость, одиночество, замкнутость, при этом нормальное текущее настроение,

гедонизм, скрытая депрессия, связанная с межличностными конфликтами, пассивность, наличие тревожного фона, дефицит материальных вещей.

Курсанты 3 группы, спортсмены группы спортивного совершенствования по стрельбе из боевого оружия, характеризуются склонностью воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений. Общий фон восприятия себя положительный. Свои недостатки считают продолжением достоинств. Неудачи, конфликтные ситуации не дают оснований для того, чтобы считать, себя плохими. Оптимистическое отношение к жизненной ситуации, готовность к преодолению препятствий, вера в свои возможности, силы. Преобладает положительный эмоциональный фон. Расширение интересов, ожидание радостных событий в будущем. Выражено желание действовать. Чувствуют себя хорошо, цель у них есть, задачи понятны, группа, в которой они тренируются, их поддерживает, от остальных курсантов они обособились («мы – элита»). Склонны к риску, регрессия отсутствует, нет замещения, удовлетворенность высокая. В целом положительно относятся к себе, ощущают баланс между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, между притязаниями и достижениями, довольны сложившейся жизненной ситуацией и собой. При этом возможно отрицание своих проблем и поверхностное восприятие себя.

Анкета в свою очередь показала, что курсанты, слабоуспевающие на занятиях по огневой подготовке, в большей степени воспитывались в неполных семьях. Опираясь

на исследование В. С. Мухиной «Экспериментальное исследование феноменологической связи тела и психики (на материале изучения подростков посредством испытаний А-тестом ВИ.ЗИ.ЭС.)»³, можно предположить, что и у курсантов, воспитанных в неполных семьях, могут наблюдаться недостаток телесной энергетики, а также возникать самые разнообразные острые и хронические напряжения, что в свою очередь может отразиться на стрельбе. Как известно, для достижения результатов в стрельбе необходимо контролировать свое тело усилием воли, выполнять действия с оружием под воздействием внутренних и внешних раздражителей.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать следующий вывод: для повышения эффективности обучения стрельбе в образовательных организациях ФСИН России преподаватели должны учитывать личностные особенности курсантов, с курсантами 1 и 2 групп проводить психологические тренинги и сеансы аутогенной тренировки для повышения телесной энергетики и снятия напряжения, повышения эмоциональной устойчивости и собранности, давать упражнения на координацию, удерживание равновесия; курсантов 3 группы привлекать к проведению дополнительных занятий со слабоуспевающими, тем самым они смогут повторить базовые элементы стрельбы, улучшить свои результаты и поделиться опытом в овладении навыками стрельбы.

Представляется необходимым и психологическое сопровождение курсантов при изучении дисциплины «Огневая подготовка».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Мищук А. М. Огневая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы как педагогическая проблема // Педагогика, психология, образование: от теории к практике : сб. статей аспирантов, соискателей и преподавателей. Чебоксары, 2015. С. 92–97.

² См.: Энциклопедия психодиагностики. URL: <http://psylab.info/> (дата обращения: 20.08.2016).

³ См.: Мухина В. С. А-тест ВИ.ЗИ.ЭС. // Развитие личности. 1999. № 1. С. 4–19.

¹ См. подр.: Mishhuk A. M. Ognevaja podgotovka sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy kak pedagogicheskaja problema // Pedagogika, psihologija, obrazovanie: ot teorii k praktike : sb. statej aspirantov, soiskatelej i prepodavatelej. Cheboksary, 2015. S. 92–97.

² См.: Jenciklopedija psihodiagnostiki. URL: <http://psylab.info/> (data obrashhenija: 20.08.2016).

³ См.: Muhina V. S. A-test VI.ZI.JeS. // Razvitie lichnosti. 1999. № 1. S. 4–19.

Кратковременные сеансы физической культуры как основа успешного освоения учебной дисциплины курсантами вузов ФСИН России

М. А. КАЛИНИН – преподаватель кафедры служебно-боевой подготовки
ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются процессы утомления, его внешние проявления в период учебных занятий, данные анкетирования курсантов юридического и психологического факультетов и предлагаются практические рекомендации по использованию кратковременных сеансов физической культуры на учебных занятиях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : утомление; курсанты; учебное занятие; кратковременный сеанс физической культуры; физкультурная пауза; физкультминута; микропауза.

Short sessions of physical training as the basis for the successful discipline study by the cadets of high schools of the FPS of Russia

M. A. KALININ – Lecturer of the Department of Combat Training of the Vologda
Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the processes of tiredness and its symptoms during the training sessions, survey results of cadets of legal and psychological faculty and provided are practical recommendations on the use of short sessions of physical training in the classroom.

Key words: tiredness; cadets; training session; short session of physical training; physical pauses; minute physical training; micro pauses.

В процессе развития общества и укрепления правового государства расширяется спектр задач по подготовке сотрудников для уголовно-исполнительной системы. Возрастают требования, предъявляемые к качеству образования и соблюдению служебной дисциплины курсантами ведомственных вузов. Одним из решающих условий эффективности процесса обучения был и остается высокий уровень организации аудиторной деятельности.

Анализ академической успеваемости в образовательных организациях ФСИН России показал, что в основном система обеспечивает решение поставленных задач. Вместе с тем имеется ряд моментов, требующих улучшения, внедрения методов и средств, способных повысить качество обучения путем повышения работоспособности обучающихся во время учебных занятий и самостоятельной подготовки¹.

Многочисленные исследования показывают, что у обучающихся вузов при продолжительном и сконцентрированном умствен-

ном труде наступает состояние утомления, для которого характерны такие признаки, как существенное снижение реакций организма на внешние раздражители, ухудшение памяти (быстрое забывание нового материала), чувство усталости, снижение работоспособности, ухудшение самочувствия².

Проявление признаков утомления – это физиологически необходимая защита от истощения организма, предупреждение о необходимости прекращения работы³. Выделяют три стадии утомления (незначительное, значительное и резкое), для каждой из которых характерны свои внешние проявления. Вместе с тем усилием воли можно заставить организм продолжать работу, что может оттянуть, но не устранить утомление или повлечь более опасное состояние переутомления, для которого будут характерны усталость до начала рабочего дня, отсутствие интереса, апатия, мигрень, головокружение, снижение иммунитета и, как следствие, различные заболевания и травмы⁴.

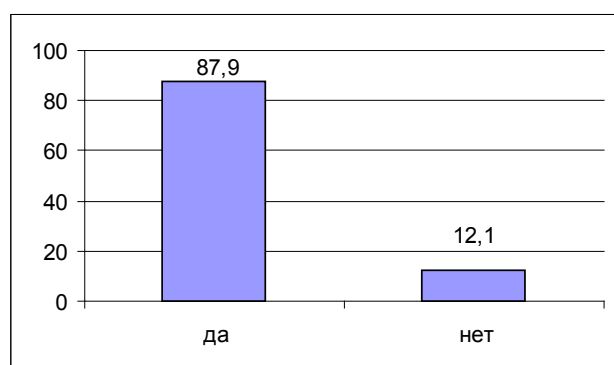
Для выявления факторов, способствующих утомлению обучающихся в период учебных занятий, и выработки комплекс мер по уменьшению их влияния было проведено письменное анкетирование, в котором приняло участие 87 курсантов 3–4 курсов психологического и юридического факультетов ВИПЭ ФСИН России.

В результате анализа ответов были получены следующие данные.

Большинство курсантов (87,9 %) испытывает утомление в период аудиторной деятельности и самостоятельной подготовки (см. диагр. 1).

Диаграмма 1

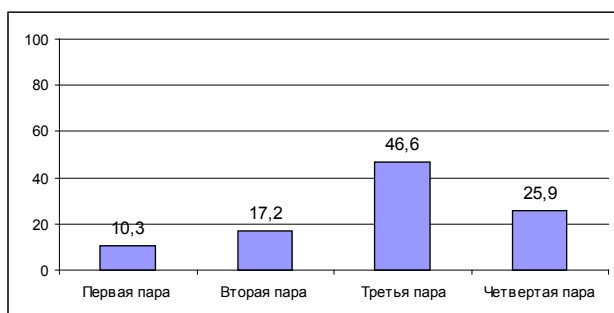
Распределение ответов на вопрос «Испытываете ли Вы утомление на аудиторных занятиях и в период самостоятельной подготовки?» (в %)

Почти половина опрошенных (46,6 %) отметила, что наибольшее снижение работоспособности, ухудшение самочувствия, чувство усталости появляются на третьей паре учебных занятий. Наименее изнурительными, по мнению курсантов, оказались первая и вторая пары (см. диагр. 2).

Диаграмма 2

Распределение ответов на вопрос «На какой паре учебных занятий утомление проявляется в большей степени?» (в %)

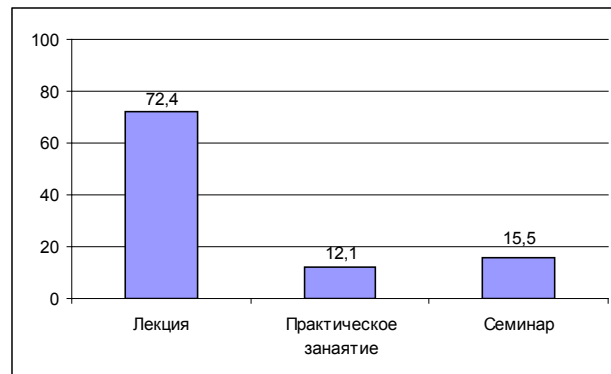

Большинство обучающихся (72,4 %) считает, что лекционное занятие – это наиболее сложный вид аудиторной деятельности, требующий длительного сосредоточения внимания, активизации процессов мышления и запоминания. У незначительной части респондентов утомление проявляется чаще на практических (12,1 %) и семинарских занятиях (15,5 %).

Такое распределение оценок может быть связано с большей активностью самих обучающихся в процессе семинарских и практических занятий.

Диаграмма 3

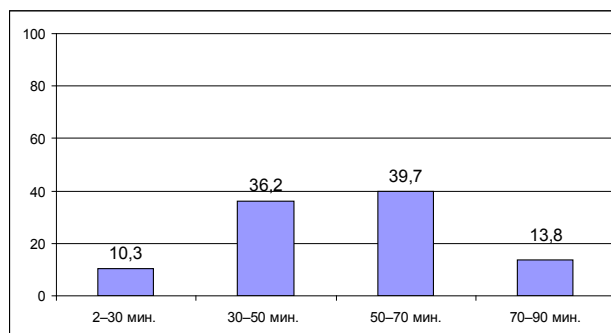
Распределение ответов на вопрос «На каких видах теоретических учебных занятий утомление проявляется чаще?» (в %)

При этом курсанты отмечают, что незначительное утомление проявляется в середине занятия (с 30-й до 70-й минуты учебной пары) (см. диагр. 4).

Диаграмма 4

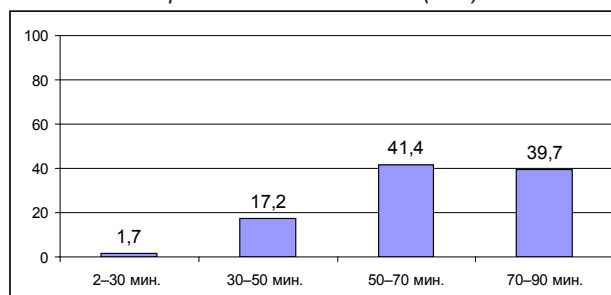
Распределение ответов на вопрос «В какой промежуток времени незначительное утомление (отвлеченное внимание, стремление выпрямить туловище, потянуться) проявляется больше?» (в %)

В свою очередь значительное утомление, по мнению опрошенных, начинает нарастать во второй половине занятия – с 50-й до 90-й минуты (см. диагр. 5).

Диаграмма 5

Распределение ответов на вопрос «В какой промежуток времени значительное утомление (рассеянное внимание; стремление поддержать голову руками, облокотиться, сменить позу, неуверенные, замедленные движения; слабый интерес, отсутствие вопросов по новому материалу) проявляется больше?» (в %)

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее сложным видом аудиторной деятельности для курсантов является лекционное занятие, которое приходится на 3 и 4 пары. Это может быть связано с тем, что на лекции основную активность проявляет преподаватель, а курсанту, как правило, отведена пассивная роль слушателя. В связи с физиологическими особенностями организма период развития утомляемости начинается спустя 3–4 часа после начала рабочего дня и длится в течение 1,5–2 часов, что соответствует указанным промежуткам времени⁵.

По мнению опрошенных, третья и четвертая четверти занятия для восприятия новой информации являются наиболее сложными в связи с невозможностью волевыми усилиями компенсировать состояние утомления, в результате чего резко снижаются работоспособность, умственная активность, наблюдаются функциональные нарушения организма.

Основными факторами развития утомления, по мнению респондентов, являются: статичная поза во время проведения занятия (46 %), сложность изучаемого материала (41 %), день недели (28 %), стиль проведения занятия преподавателем (27 %), время года (27 %). Частью опрошенных (менее 7 %) также были отмечены недосыпание, ранний подъем по тревоге, накопившаяся усталость после несения службы в составе суточного наряда.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости использования в аудиторной работе курсантов средств и методов, позволяющих компенсировать малоподвижный труд с большим напряжением нервной системы и психических функций. В связи с этим приобретает особую актуальность теория активного отдыха, предложенная И. М. Сеченовым, согласно которой восстановление работоспособности происходит быстрее и полнее не в покое, а в активном состоянии, при помощи специально организованных движений, выполняемых незадействованными частями тела, в результате чего в утомленных функциональных системах усиливаются процессы восстановления и повышается работоспособность⁶.

В основе механизма активного отдыха во время аудиторных занятий лежат кратковременные сеансы физической культуры, представляющие собой комплекс физических мероприятий, направленных на быстрое восстановление оперативной работоспособности и предупреждение утом-

ляемости во время продолжительной монотонной деятельности за счет переключения умственной нагрузки на мышечную⁷. Основными задачами кратковременных сеансов физической культуры в образовательных организациях ФСИН России являются: повышение трудоспособности обучающихся; уменьшение утомляемости; формирование и улучшение адаптационных способностей; сбережение и укрепление здоровья; приобретение курсантами теоретических, методических и практических знаний для организации самостоятельной подготовки; формирование сознательной потребности в поддержании служебной дисциплины на учебном занятии.

Методика кратковременных сеансов физической культуры носит «полярный» характер, то есть чем незначительнее физическая работа в ходе учебного занятия, тем больше она должна быть во время перерыва, при этом задействованность основных мышечных групп, нервно-эмоциональное и умственное напряжение обратно пропорциональны их включенности и напряженности в ходе выполнения основной деятельности⁸. Предлагаемые кратковременные сеансы физической культуры включают в себя физкультурную паузу, физкультминуту, микропаузу.

Физкультурная пауза проводится во время учебного занятия при появлении значительных признаков утомления в целях восстановления работоспособности. В течение 3–5 минут выполняются 6–8 упражнений контрастного характера по отношению к выполняемой деятельности. Во время лекционных занятий целесообразно использование упражнений высокой интенсивности, активизирующих крупные мышечные группы, не задействованные в процессе труда. Для физкультурной паузы подойдут прогибания назад и вперед; вращения, наклоны головы и туловища; различные приседания, отжимания; упражнения в парах и т. д. Все упражнения выполняются стоя⁹.

Общая динамика физической нагрузки во время физкультурной паузы характеризуется постепенным нарастанием с максимумом в середине и последующим снижением. В заключительной части должны быть упражнения, настраивающие на учебную деятельность.

Программа физкультурной паузы для теоретических занятий может содержать упражнения для следующих мышечных групп:

1. Упражнения для мышц шеи (30 секунд). Исходное положение: стоя, ноги на ширине

плеч, руки на поясе. Наклоны головы вперед, назад, влево, вправо на четыре счета; вращение головой в левую и в правую стороны на четыре счета.

2. Упражнения для плечевого пояса (40 секунд). Исходное положение: стоя, ноги на ширине плеч, руки разведены в стороны и согнуты в локтях, кисти рук лежат на плечах. Вращение локтями вперед, назад на четыре счета. Исходное положение: стоя, ноги на ширине плеч, руки перед собой. Вращение руками вперед, назад на четыре счета.

3. Упражнения для мышц рук (40 секунд). Исходное положение: стоя, ноги на ширине плеч, руки перед собой. Вращение предплечьями вперед, назад на четыре счета; вращение кистями вперед, назад на четыре счета.

4. Упражнения для мышц спины (40 секунд). Исходное положение: стоя, ноги шире плеч, правая рука вверх, левая на поясе. Наклоны корпуса тела влево, вправо на четыре счета, первые два счета – наклоны вправо, смена положения рук, вторые два счета – наклоны влево. Исходное положение: стоя, ноги на ширине плеч, руки на поясе. Вращение тазом по часовой и против часовой стрелки.

5. Силовые упражнения для мышц спины и рук (45 секунд). Исходное положение: упор лежа от пола или парты. Сгибание, разгибание рук на каждый счет (10–15 раз).

6. Упражнения для мышц ног (45 секунд). Исходное положение: стоя, ноги шире плеч, кисти рук сцеплены за головой. Приседания на каждый счет (2 серии по 15–20 раз).

7. Упражнения на восстановление дыхания (50 секунд). Исходное положение: стоя, ноги на ширине плеч, руки вдоль корпуса тела. На вдохе одновременно с медленным

подъемом рук над головой плавно приподняться на носках, на медленном выдохе опустить руки, встать на полную стопу. Повторять до восстановления нормального дыхания и пульса¹⁰.

Физкультминута является укороченной формой физкультурной паузы и длится 2–4 минуты. Может проводиться при проявлении признаков незначительного или первых признаков значительного утомления. В период физкультминуты выполняется обычно 3–4 упражнения, позволяющих отдохнуть тем мышечным группам, которые в большей степени чувствуют усталость. Может включать в себя упражнения для мышечных групп спины, ног и шеи.

Микропаузы, как правило, носят профилактический и восстановительный характер. Они непродолжительны по времени и длятся 30–50 секунд. За это время в положении стоя или сидя выполняются упражнения, направленные на напряжение и расслабление незадействованных или мало задействованных мышечных групп. Как правило, в микропаузы включаются упражнения на растягивание конечностей, изменение поз, для отдыха глаз.

На основании полученных в ходе опроса курсантов ВИПЭ ФСИН России данных были выработаны практические рекомендации по использованию кратковременных сеансов физической культуры в образовательном процессе, направленных на компенсацию гиподинамии во время аудиторной деятельности с целью профилактики и ликвидации процессов утомляемости, улучшения трудоспособности и адаптационных способностей обучающихся, сохранения здоровья курсантов, поддержания служебной дисциплины в период проведения занятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Баранов В. В. Физическая культура и спорт в университетском комплексе как факторы формирования конкурентного ресурса студента // Теория и практика физической культуры. 2013. № 4. С. 100–103.

² См.: Виленский М. Я., Ильинич В. И. Физическая культура работников умственного труда. М., 1987; Зайцева С. С. Культура умственного труда студентов как педагогический феномен // Вестник Университета Российской академии образования. 2007. № 1. С. 42–45; Нюдюрмагомедов А. Н. Культура умственного труда студента // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 4. С. 151–154; Полякова Г. И. Влияние физических нагрузок на мозговое кровообращение на фоне выполнения умственной работы // Теория и практика физической культуры. 1974. № 9. С. 33–36.

³ См.: Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. М., 2008. С. 514–520.

⁴ См.: Виноградов М. И. Руководство по физиологии труда. М., 1969; Косилов С. А., Леонова Л. А., Филина Л. С. Влияние специальных тренировок на функциональную подвижность нервных процессов и эффективность освоения ими трудовых действий // Новые исследования возрастной физиологии : сб. науч. тр. М., 1974. С. 2–20.

⁵ См.: Баранов В. В. Физическая культура и спорт в университетском комплексе как факторы формирования конкурентного ресурса студента // Теория и практика физической культуры. 2013. № 4. С. 100–103.

⁶ См.: Виленский М. Я., Ильинич В. И. Физическая культура работников умственного труда. М., 1987; Зайцева С. С. Культура умственного труда студентов как педагогический феномен // Вестник Университета Российской академии образования. 2007. № 1. С. 42–45; Нюдюрмагомедов А. Н. Культура умственного труда студента // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. № 4. С. 151–154; Полякова Г. И. Влияние физических нагрузок на мозговое кровообращение на фоне выполнения умственной работы // Теория и практика физической культуры. 1974. № 9. С. 33–36.

⁷ См.: Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. М., 2008. С. 514–520.

⁸ См.: Виноградов М. И. Руководство по физиологии труда. М., 1969; Косилов С. А., Леонова Л. А., Филина Л. С. Влияние специальных тренировок на функциональную подвижность нервных процессов и эффективность освоения ими трудовых действий // Новые исследования возрастной физиологии : сб. науч. тр. М., 1974. С. 2–20.

⁵ См.: Крушельницька Я. В. Фізіологія і психологія праці : навч. посібник. Київ, 2000. С. 118–136.

⁶ См.: Полякова Г. И. Влияние физических нагрузок на мозговое кровообращение на фоне выполнения умственной работы. С. 33–36.

⁷ См.: Матвеев Л. П. Прикладность физической культуры: понятийные основы и их конкретизация в современных условиях // Теория и практика физической культуры. 1996. № 7. С. 42–47.

⁸ См.: Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. С. 514–520.

⁹ См.: Баранов В. В. Физическая культура и спорт в университетском комплексе как факторы формирования конкурентного ресурса студента. С. 100–103; Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. С. 514–520.

¹⁰ См.: Парфенова И. К. и др. Сравнительная характеристика влияния гимнастики А. Н. Стрельниковой и точечного массажа на познавательные процессы студентов // Здоровье и образование в XXI веке. 2013. № 4. С. 325–327.

⁵ См.: Krushel'nic'ka Ja. V. Fiziologija i psihologija praci : navch. posibnik. Kiev, 2000. S. 118–136.

⁶ См.: Poljakova G. I. Vlijanie fizicheskikh nagruzok na mozgovoje krovoobrashhenie na fone vypolnenija umstvennoj raboty. S. 33–36.

⁷ См.: Matveev L. P. Prikladnost' fizicheskoy kul'tury: ponjatijnye osnovy i ih konkretizacija v sovremennyh uslovijah // Teorija i praktika fizicheskoy kul'tury. 1996. № 7. S. 42–47.

⁸ См.: Matveev L. P. Teorija i metodika fizicheskoy kul'tury. S. 514–520.

⁹ См.: Baranov V. V. Fizicheskaja kul'tura i sport v universitetskom komplekse kak faktory formirovanija konkurentnogo resursa studenta. S. 100–103; Matveev L. P. Teorija i metodika fizicheskoy kul'tury. S. 514–520.

¹⁰ См.: Parfenova I. K. i dr. Sravnitel'naja harakteristika vlijanija gimnastiki A. N. Strel'nikovoj i tochechnogo massazha na poznavatel'nye processy studentov // Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke. 2013. № 4. S. 325–327.

УДК 343.8

Воспитательная работа в центрах исправления осужденных: проблемы и перспективы эксперимента

С. А. ГОРКИНА – заместитель начальника кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

С. М. СМОЛЕВ – начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России

В статье рассматривается воспитательный аспект эксперимента по апробации модели центра исправления осужденных исправительного учреждения в УФСИН России по Рязанской области; раскрываются его положительные и отрицательные стороны; предлагается комплекс мероприятий, направленных на практическую реализацию разработанной модели.

Ключевые слова: воспитательная работа; исправление осужденных; экспериментальная площадка по апробации модели центра; мониторинг; нравственное, правовое, трудовое, физическое воспитание.

Educational work in the correction centers: problems and prospects of the experiment

S. A. GORKINA – Deputy Head of the Department of Management and Organization of the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

S. M. SMOLEV – Head of the Department of shooting training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the educational aspect of the experiment on testing the model of correction center for convicts in the correctional institution of the Federal Penal Service of Russia in the Ryazan region; it reveals positive and negative aspects of his conduct in accordance with the goals and objectives; it proposes a set of different measures aimed at practical implementation of the developed model.

Key words: educational work; correction of convicts; experimental platform for testing center model; monitoring; moral, legal, labor, physical education.

Воспитательная работа, согласно ч. 2 ст. 9 УИК РФ, является одним из основных средств исправления осужденных. Вся совокупность элементов процесса исполнения (отбывания) наказания в виде лишения свободы, как и каждый из них в отдельности, имеет воспитательное значение. Требования соблюдения режима, привлечение осужденных к труду, применение к ним мер поощрения и наложение взысканий, многие другие методы воспитательного воздействия ориентированы на главную цель – исправление осужденного. Вместе с тем воспитательная работа выделена законодателем как отдельный, самостоятельный институт в деятельности исправительных учреждений, представляющий собой систему конкретных, установленных законом, а также не противоречащих ему форм и методов педагогического воздействия на осужденных¹.

А. И. Зубков воспитательную работу рассматривал как комплекс мер по распространению и утверждению общественно значимых ценностей, признаваемых и защищаемых государством и обществом, направленных на формирование гражданской позиции осужденных, их готовности строго следовать предписаниям закона и нормам человеческого общежития². В. И. Поздняков данное направление работы определяет как планомерную деятельность сотрудников органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, представителей государственных, общественных и религиозных организаций, а также самостоятельных организаций осужденных (в настоящее время упразднены) по обеспечению нравственного, правового, трудового, физического и иного воспитания для дальнейшего исправления и успешной социальной адаптации после отбывания уголовного наказания³. Но если мы обратимся к определению, данному И. Н. Смирновой⁴ и О. И. Чистотиной⁵, то увидим, что они рассматривают воспитательную работу как деятельность воспитателя, построенную на основе сочетания требовательности с гуманным отношением к осужденным, опорой на положительные качества личности, учетом групповых и индивидуальных особенностей. Вовлечение осужденных в указанные виды деятельности способствует укреплению дисциплины, формированию у них готовности к выполнению требований законодательства и социальных норм, уважительного отношения не только к сотрудникам исправительных учреждений, но и

к другим осужденным, а через это и к проектированию уважительного отношения ко всему обществу. Кроме того, участие осужденных в указанных мероприятиях способствует искоренению в их среде криминальных традиций и обычаев.

С целью повышения эффективности воспитательной работы в ряде исправительных учреждений проводится эксперимент по апробации модели центра исправления осужденных, который призван заменить собой широко используемую в настоящее время отрядную систему содержания. Центры исправления подразумевают под собой внештатное структурное подразделение исправительного учреждения: колонии общего, строгого, особого режимов (кроме учреждений для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы).

Центр исправления осужденных создается для организации исполнения уголовного наказания путем дифференцированного содержания, целенаправленного исправительного воздействия со стороны работников исправительного учреждения, представителей государственной и муниципальной власти, общественных объединений и религиозных организаций с целью формирования уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общения, повышения общеобразовательного и культурного уровней, изменения поведения в соответствии с установленным порядком отбывания наказания.

Актуальность внедрения новой модели работы с осужденными обусловлена, на наш взгляд, необходимостью организации пенитенциарной воспитательной работы с учетом таких структурных компонентов социальной среды исправительного учреждения, как эффективная система профессионального взаимодействия персонала, наличие достаточного количества исправительных программ, воспитательные возможности материально-бытовых условий, привлечение социальных учреждений и образовательных организаций, родителей, других родственников и близких людей к воспитанию, благоприятный социально-психологический климат в среде сотрудников и воспитанников⁶.

В соответствии с распоряжением ФСИН России от 30.04.2015 г. № 63-р «О проведении эксперимента по апробации модели центра исправления осужденных исправительного учреждения» на базе ИК-2 УФСИН России по Рязанской области был осуществ-

влен комплекс различных мероприятий, направленных на практическую реализацию разработанной модели центра исправления осужденных:

- в колонии образовано пять центров исправления в соответствии с лимитом наполнения учреждения (1502 чел.), а также особенностями расположения на территории колонии общежитий для осужденных. В состав каждого центра исправления вошло 2–3 отряда с общей численностью порядка 300 чел.;

- проведены организационно-штатные мероприятия. Дополнительно введены пять должностей (четыре – в центр трудовой адаптации, одна – в отдел безопасности), что позволило к настоящему времени увеличить количество сотрудников, участвующих в проведении эксперимента, до 25 чел. С целью оптимизации рабочего времени для сотрудников центров установлен сменный режим работы с расчетом, чтобы в период от подъема и до отбоя осужденных, в том числе в выходные и праздничные дни, на службе находилось не менее одного сотрудника;

- в целях повышения эффективности проводимого эксперимента к участию в нем привлечены сотрудники Академии ФСИН России. Создана совместная рабочая группа, утвержден ряд документов: график выездов в исправительное учреждение, программа эксперимента и мониторинга хода его осуществления, план работы межкафедральной экспериментальной площадки по апробации модели центра. За время проведения эксперимента состоялось десять заседаний рабочей группы, где обсуждались вопросы организационного характера, проблемы, а также промежуточные результаты.

По итогам мониторинга за ходом эксперимента и анкетирования сотрудников ИК-2 УФСИН России по Рязанской области отмечен ряд положительных результатов:

- усилился надзор за поведением осужденных и соблюдением ими требований распорядка дня исправительного учреждения;

- повысилась эффективность воспитательной работы, например, советов воспитателей;

- стабилизировалась социально-психологическая обстановка в среде осужденных;

- стало возможным ежедневное персонализированное общение сотрудников центров с осужденными;

- повысился уровень взаимодействия сотрудников различных отделов и служб колонии;

- активизировалось профессиональное общение сотрудников центров друг с другом по поводу передачи положительного опыта, взаимообучения, информирования об обстановке в центрах.

Указанные положительные тенденции подтверждаются статистическими показателями. Анализ дисциплинарной практики в исправительном учреждении за период функционирования центров с 1 июня 2015 г. по 30 марта 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года показывает, что наблюдаются незначительное снижение (на 2 %) нарушений установленного порядка отбывания наказания (с 862 до 848 случаев), сокращение на 32 % злостных нарушений (с 68 до 46), в том числе на 44 % снизилось количество случаев изготовления и хранения осужденными запрещенных предметов (с 16 до 9), на 36 % – количество случаев мелкого хулиганства (42 до 27). При этом случаев угроз или неповиновения представителям администрации не допущено. Также на 10 % уменьшилось количество водворений осужденных в ШИЗО, переводов в ПКТ и ЕПКТ (с 805 до 724).

За время эксперимента в два раза увеличилось количество осужденных, освобожденных условно-досрочно (с 5 до 10 чел.), отмечается трехкратный рост числа лиц, которым неотбытая часть наказания замена более мягким видом наказания (с 4 до 12), в 1,5 раза увеличилось число осужденных, переведенных в колонию-поселение (с 4 до 6). Также снизилось количество обращений, отправленных осужденными в различные инстанции (3 квартал 2015 г. – 284, 4 квартал 2015 г. – 242, 1 квартал 2016 г. – 182), что свидетельствует об оперативности решения бытовых и социальных проблем внутри самого учреждения.

Помимо улучшения статистических показателей изменения произошли и в организации деятельности отделов и служб. В условиях эксперимента удалось систематизировалась работу психологической службы исправительного учреждения. Закрепление психолога за конкретным центром позволило осужденным привыкнуть к работе с одним и тем же сотрудником, что способствовало установлению более тесного эмоционального контакта и, как следствие, повышению эффективности психологической помощи.

Повысился уровень социальной работы с осужденными. Так, в 2015 г. освобождено 549 чел., на которых сотрудниками группы социальной защиты осужденных направ-

лено 1680 запросов в органы местного самоуправления, службу занятости и органы внутренних дел. Выросло число оформленных документов на получение пенсий, социальных пособий, ежемесячных денежных выплат (с 82 до 97). Разрешено 200 социальных проблем осужденных (АППГ – 146). В 2015 г. трое осужденных помещены в дома престарелых и инвалидов (АППГ – 1). Осуществлялось тесное взаимодействие с Министерством труда и занятости населения Рязанской области, Пенсионным фондом Рязанской области. Сотрудники указанных ведомств посещали центры, проводили лекции-консультации по оказанию социальной помощи после освобождения.

Вместе с тем наряду с положительными результатами проводимого эксперимента отмечаются и проблемные вопросы в реализации предложенной модели центра. Так, возникла необходимость пересмотра временных нормативов и периодичности проведения ряда мероприятий, осуществляемых в центрах (например, изучение социально-психологической обстановки в среде осужденных в центрах один раз в полугодие, а не каждый месяц; увеличение времени для проведения воспитательной работы с осужденными для ознакомления с личными делами осужденных, психоло-

го-педагогического изучения личности с выявлением отношения к совершенному преступлению и назначенному наказанию, установления степени криминальной зараженности и педагогической запущенности). Такие изменения необходимы, поскольку ежемесячное изучение социально-психологической обстановки приводит к халатному отношению осужденных к тестированию, результатом чего является искажение достоверности исследований.

Следует также отметить, что в связи с посменной работой психологов времени на психолого-педагогическую работу с осужденными недостаточно для получения полноценной информации. Возникает необходимость изменения графика работы психологов психологической лаборатории на постоянный для повышения эффективности и результативности их деятельности.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время актуальны глубокое, системное изучение состояния исправительного и воспитательного воздействия на осужденных, выработка на этой основе антикризисных мер в пенитенциарной системе, включая возможности дополнительного финансирования, детальное правовое регулирование средств исправления осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 30–34.

² См.: Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Зубков. М., 2001. С. 287.

³ См.: Поздняков В. И. Воспитательная работа с осужденными как средство достижения целей наказания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 1. С. 37–38.

⁴ См.: Смирнова И. Н. Воспитательная работа в механизме предупреждения совершения преступлений осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 31.

⁵ См.: Чистотина О. Н. Воспитательная работа с условно осужденными: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2005. С. 36.

⁶ См.: Белоус В. Г., Голодов П. В. О проблемах пенитенциарной педагогики // На пути к гражданскому обществу. 2016. № 2 (22). С. 14–18.

¹ См.: Golodov P. V. Sredstva ispravlenija osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2016. № 2 (34). S. 30–34.

² См.: Kommentarij k ugovolno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. A. I. Zubkov. M., 2001. S. 287.

³ См.: Pozdnjakov V. I. Vospitatel'naja rabota s osuzhdennymi kak sredstvo dostizhenija celej nakazanija // Ugovolno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2004. № 1. S. 37–38.

⁴ См.: Smirnova I. N. Vospitatel'naja rabota v mehanizme preduprezhdenija sovershenija prestuplenij osuzhdennymi, sostojashimi na uchete v ugovolno-ispolnitel'nyh inspekcijah : dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2003. S. 31.

⁵ См.: Chistotina O. N. Vospitatel'naja rabota s uslovno osuzhdennymi : dis. ... kand. ped. nauk. Rjazan', 2005. S. 36.

⁶ См.: Belous V. G., Golodov P. V. O problemah penitenciarnoj pedagogiki // Na puti k grazhdanskomu obshhestvu. 2016. № 2 (22). S. 14–18.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ на учебное пособие С. В. Бабурина «Психология пенитенциарного стресса и адаптации»

В. М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор

Представленное на рецензию учебное пособие посвящено актуальной проблеме пенитенциарной психологии – особенностям, профилактике и коррекции негативных последствий психологического стресса у осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях (пенитенциарного стресса).

Адаптация к местам лишения свободы и длительному нахождению в них связана с преодолением многочисленных средовых стресс-факторов и отражает разные стадии пенитенциарного стресса. Это часто пагубно сказывается на здоровье осужденных, снижая качество и уровень их жизнедеятельности, а также противодействует их ресоциализации, так как наблюдается рост астенических переживаний и происходит усиление иных процессов психической дезадаптации, повышая риск возникновения в исправительном учреждении конфликтных и иных деструктивных ситуаций. Стрессовые состояния наряду с общей педагогической запущенностью и отрицательным влиянием асоциальных групп способствуют дальнейшей криминализации осужденных, их духовной деградации. В связи с этим изучение стрессовых состояний заключенных и устранение их негативных последствий являются ключевыми направлениями деятельности психологов уголовно-исполнительной системы России.

Главным фактором динамики адаптивной или дезадаптивной направленности развития пенитенциарного стресса, по мнению автора, выступает степень глубины и наполненности духовного мира человека. Автор справедливо отмечает и обосновывает, что снижение уровня духовности и культуры становится ведущим фактором в запуске и развитии разных форм пенитенциарного дистресса. В этой связи в пособии раскрыты особенности развития пенитенциарного стресса с учетом углубленного изучения внутреннего мира человека.

В учебном пособии автор, обращаясь к накопленным гуманитарным знаниям о духовном

мире человека, предлагает новую методологическую платформу для изучения, профилактики и коррекции пенитенциарного стресса (на основе «духовной парадигмы стресса»), раскрывает возможности психотерапевтической роли самого стресса.

Особое место в учебном пособии отводится вопросам духовно-нравственного развития осужденных, профилактики и коррекции дезадаптивно-стрессовых состояний на основе современных психотерапевтических моделей и технологий.

Учебное пособие предназначено для курсантов, адъюнктов, преподавателей психологических факультетов специальных высших учебных заведений, а также сотрудников исправительных учреждений. Структура работы, включающая введение, три главы и заключение, отличается логичностью изложения материала и способствует решению задач, поставленных в пособии. Работа с материалом пособия обеспечивает также освоение данных, анализирующих проблему стресса смежными дисциплинами (прежде всего такими, как философия и культурология), что повышает общекультурный уровень будущих психологов.

С учетом изложенного считаю, что учебное пособие С. В. Бабурина «Психология пенитенциарного стресса и адаптации» соответствует требованиям, предъявляемым к данному виду работ, и может быть рекомендовано к изданию и использованию в учебном процессе.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Основные итоги международной научно-практической конференции «Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил)»

11 ноября 2016 г. в ВИПЭ ФСИН России состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил)». В ее работе приняли участие ведущие ученые научных и образовательных организаций ФСИН России, МВД России и Минобрнауки России (С. С. Галахов, И. В. Дворянсков, С. М. Колотушкин, С. И. Кузьмин,

В. Е. Южанин и др.), сотрудники территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, суда и прокуратуры, представители зарубежных пенитенциарных служб и образовательных учреждений Беларуси, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Монголии и Словении.

Перед участниками конференции с приветственным словом выступил заместитель начальника УФСИН России по Вологодской области В. С. Ушаков.

Цель проведения конференции состояла в комплексном анализе теоретических и прикладных проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, определении возможных направлений их совершенствования.

Предметом обсуждения стали проблемы содержания, правовой регламентации и реализации уголовного наказания в России и зарубежных странах в контексте происходящих социально-экономических, политико-правовых и духовных изменений общественной жизни. Особое внимание было уделено анализу современного состояния уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, вопросам назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, исправления осужденных, подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы, а также вопросам реализации в уголовно-исполнительном законодательстве и практической деятельности международных стандартов обращения с заключенными. В ходе работы конференции был проанализирован опыт назначения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия.

На пленарном заседании с докладами выступили зарубежные участники конференции: начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь Кийко Николай Владимирович рассказал о новеллах уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, директор учреждения исполнения наказаний г. Карлсруэ (Германия) Томас Мюллер представил вниманию доклад на тему «Проблемы радикализации осужденных», а судья по делам несовершеннолетних и исполнительный директор Центра задержания молодежи и несовершеннолетних г. Раштатт (Германия) Штефан Холль познакомил участников конференции с правом и практикой применения уголовного наказания в Германии.

В рамках конференции работали три круглых стола: «Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом», «Актуальные вопросы психолого-педагогического обеспечения деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Раскрытие и расследование пенитенциарных пре-

ступлений, совершенных в учреждениях ФСИН России».

Участники конференции, обсудив теоретические и прикладные проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и зарубежных странах, отметили, что современная уголовная и уголовно-исполнительная политика государства последовательно развивается в направлении повышения эффективности противодействия преступности, а также уровня соблюдения прав граждан, подвергшихся уголовному преследованию и пострадавших в результате совершения преступлений. Вместе с тем отдельные ее положения требуют корректировки. Нуждаются в совершенствовании действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, формы и методы работы субъектов реализации уголовной ответственности. Это обусловлено сохраняющимися негативными тенденциями преступности, противоречиями между отдельными положениями и направлениями уголовной политики, непоследовательностью совершенствования криминального законодательства, его применения в судебной практике, недостатками в правоприменительной практике ресоциализации осужденных.

Особую актуальность приобретают задачи выработки концептуальных основ развития законодательства в области противодействия преступности. Участниками конференции были отмечены недостаточное качество современного уголовного законодательства, отсутствие научной обоснованности ряда вносимых в него изменений, отрыв уголовного закона от основополагающих принципов уголовного права, бессистемность и пробельность многих нормативно-правовых предписаний. Все большую остроту приобретают проблемы противодействия религиозному экстремизму и коррупции. Особого внимания требуют вопросы подготовки высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы.

Рассмотренные в ходе работы конференции вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний позволили обозначить ряд проблем и наметить пути их решения. По итогам конференции были разработаны рекомендации, которые послужат основой для дальнейших исследований проблем назначения и исполнения уголовных наказаний, могут быть использованы в законотворческой деятельности, а также в практической деятельности правоохранительных органов. В настоящее время готовится к изданию сборник материалов конференции.

В ходе конференции проведены рабочие встречи с представителями зарубежных делегаций, в ходе которых обсуждены вопросы научного сотрудничества, подготовки совместных научных материалов и публикаций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаян С. Л., старший научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент. E-mail: bsl09@mail.ru

Белов О. А., заместитель директора по учебной и воспитательной работе Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Белова О. Н., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: boss2007_76@mail.ru

Горкина С. А., заместитель начальника кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: gorkina.s@mail.ru

Диденко А. В., заместитель начальника по учебной и научной работе Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, доктор медицинских наук, доцент. E-mail: dedzone@yandex.ru

Дружининская О. В., старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ovdru@mail.ru

Житков А. А., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

Калинин М. А., преподаватель кафедры служебно-боевой подготовки ВИПЭ ФСИН России. E-mail: mikhaikalinin89@yandex.ru

Катанов А. В., преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

Киселев Э. П., научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: vipnauka@list.ru

Колмаков П. А., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорочкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: kolmakovpa@mail.ru

Колпакова Л. А., заместитель начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: upkiord@yandex.ru

Кузнецова Н. В., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: nadezda17041976@yandex.ru

Латышева Л. А., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

Макаркина О. Е., доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: ompsk@mail.ru

Маликов Б. З., профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Мешко Г., профессор Мариборского университета (Словения), доктор юридических наук. E-mail: mesko@fvv.uni-mb.si

Мищук А. М., адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России. E-mail: mishchuk.alexander@ya.ru

Оботурова Н. С., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент. E-mail: oboturova@inbox.ru

Огрохина Е. А., начальник кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ogrochina@mail.ru

Пестриков Д. В., доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: PDW@ya.ru

Ракитская О. Н., начальник кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: rakitskayaohana@yandex.ru

Свинин Е. В., заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: evsvinin@yandex.ru

Середа С. П., ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: sta-sereda2006@yandex.ru

Серякова И. Н., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: seriakova-irina@yandex.ru

Сиряков А. Н., доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: 643350@mail.ru

Сирякова Е. О., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: 6433351@gmail.com

Смолев С. М., начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России. E-mail: ssmolev35@yandex.ru

Соловьева Т. А., заведующий кафедрой теории и методики естественно-математического образования Псковского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования. E-mail: tatsolovyova@yandex.ru

Сочивко О. И., преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России. E-mail: upkiord@yandex.ru

Спиридонова Ю. Н., начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: upkiord@yandex.ru

Степанов И. А., аспирант кафедры уголовного права и процесса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: kupp@syktsu.ru

Уторова Т. Н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: tatianautorova@ya.ru

Храброва Е. В., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Чернышенко Е. В., старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniachery@ya.ru

Шмид М., руководитель службы probation Кантона Золотурн (Швейцария). E-mail: ogrochina@mail.ru

of the O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Belova O. N., Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: boss2007_76@mail.ru

Chernyshenko E. V., Senior Lecturer of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: evgeniachery@ya.ru

Didenko A. V., Deputy Head of the Tomsk Institute for Advanced Studies Employees of the Federal Penal Service of Russia for Education and Science, Dsc. in Medicine, Associate Professor. E-mail: dedzone@yandex.ru

Druzhinskaya O. V., Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor. E-mail: ovdr@mail.ru

Gorkina S. A., Deputy Head of the Department of Management and Organization of the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: gorkina.s@mail.ru

Kalinin M. A., Lecturer of the Department of Combat Training of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: mikhaikalinin89@yandex.ru

Katanov A. V., Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

Khrabrova E. V., Assistant Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Kiselev E. P., Researcher of the Research Center of Security problems in the Institutions of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vipnauka@list.ru

Kolmakov P. A., Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Syktyvkar State P. Sorokin University, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: kolmakovpa@mail.ru

Kolpakova L. A., Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: upkiord@yandex.ru

Kuznetsova N. V., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: nadezda17041976@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babayan S. L., Senior Researcher at the Department of Methodologies Development of Execution of Criminal Penalties without Imprisonment of the Center of Penal Problems and Psychological Support of Professional Work of the Employees of the Penal System of the Scientific-Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: bsl09@mail.ru

Belov O. A., Deputy Head for Academic and Educational Work of the North-West Institute (branch)

Latysheva L. A., Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

Makarkina O. E., Assistant Professor of the Department of Social-humanities and Natural Sciences of the Pskov branch of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: ompsk@mail.ru

Malikov B. Z., Professor of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. of Law, Professor. E-mail: malikov_bz@mail.ru

Mishchuk A. M., Adjunct of the Faculty of Staff Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: mishchuk.alexander@ya.ru

Meško G., Professor of the University of Maribor, Slovenia, Dcs. in Law. E-mail: mesko@fvv.uni-mb.si

Oboturova N. S., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, Dsc. in Philosophy, Associate Professor. E-mail: oboturova@inbox.ru

Ogrokhina E. A., Head of the Department of Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Philology, Associate Professor. E-mail: ogrochina@mail.ru

Pestrikov D. V., Associate Professor of the Department of Psychology of Professional Work in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: ogrochina@mail.ru

Rakitskaya O. N., Head of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: rakitskaya.oxana@yandex.ru

Schmid M., Head of the Probation Service of the Canton of Solothurn (Switzerland). E-mail: ogrochina@mail.ru

Sereda S. P., Scientific Secretary of the Academic Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: sta-sereda2006@ya.ru

Seryakova I. N., Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda

Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: seriakova-irina@yandex.ru

Siryakov A. N., Associate Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: 643350@mail.ru

Siryakova E. O., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: 6433351@gmail.com

Smolev S. M., Head of the Department of shooting training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ssmolev35@ya.ru

Sochivko O. I., Lecturer of the Department of Psychology of Professional Work in the Penal System of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: upkiord@yandex.ru

Solovyova T. A., Head of the Department of Theory and Methodology of Science and Math Education of the Pskov State University, Dsc. in Pedagogics, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education. E-mail: tatsolovyova@yandex.ru

Spiridonova Yu. N., Head of the of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operative Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: upkiord@yandex.ru

Stepanov I. A., Graduate Student of the Department of Criminal Law and Procedure of the Syktyvkar State P. Sorokin University. E-mail: kupp@syktsu.ru

Svinin E. V., Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: evsvinin@yandex.ru

Utorova T. N., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: tatianautorova@ya.ru

Zhitkov A. A., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: zhitkoff2015@yandex.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С. В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. Зосимовская, 17

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.11.2016.

Дата выхода в свет 15.12.2016.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Заказ № 5656

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 300 руб. за 1 экземпляр.